

8
1970

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Литературно-художественный
научно - популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В Н О М Е Р Е

А. Гурулев ЧАНИНГА. Повесть.	2
Г. Дмитрин, Б. Маршалов ПО ЗАКАЗУ МАЛЬЧИШЕК	31
Ю. Попов, В. Новиков ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГРИГОРИЯ ПО- ТАНИНА	32
В. Ледков СТИХИ	36
А. Крюкова МОГИЛА У СКАЛЫ ШАЙТАН	36
М. Каминский НОЧНЫЕ ПТИЦЫ ВОИНЫ	37
В. Михайлюк, А. Меньшиков, В. Мальцев, В. Головки ОПЕРАЦИЯ «Ч»	44
И. Тарабукин СТИХИ	48
М. Семенов ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ. Фантастическая повесть	49
Г. Королев БАЛЛАДА О МАШИНИСТЕ	63
Б. Чельшев ПОРТРЕТ БРЮЛЛОВА	65
Ю. Рябов ЕДИНСТВЕННЫЙ В СТРАНЕ	66
А. Никитин ГАРАЖ НА ДНЕ МОРЯ...	68
В. Альтов КАВАЛЕР «ЗОЛОТОГО РУНА»	69
А. Зорихин, Л. Федоров ЗИМНЯЯ РАДУГА	73
Ю. Муравин ОБЕЗЬЯНКА ЯШКА	74
В. Садырин, А. Шадрин СТРАННЫЕ ОЗЕРА	76
Г. Краснов СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕННОМУ	76
К. Юрьева ПРИРОДА И ФАНТАЗИЯ	79

Обложка В. Воловича и С. Киприна

На второй странице обложки фото М. Деркача

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П О Л Ы М

8
1970

Ч А Н И Н Г А

П о в е с т ь

1.

На втором увале, когда Касьян совсем уже было собрался поворачивать к зимовью, собаки наткнулись на след соболя. След был свежий, и Касьян решил, что через час-другой, по обыкновению, собаки посадят зверька на лесину. А там — только бы усмотреть. И он никак не приподнятию, успеет засветло выйти к ручью. По ручью и на ощупь доберется до зимовья.

Но соболишко попался ходкий. Лай собак слышался все время впереди, за заснеженными деревьями. Лай то останавливался на месте, и тогда Касьян напрягался, ускоряя шаг, то стремительно откатывался, становился глуше, стихал.

След не прерывался до самого вечера. И когда очертания деревьев стали тускнеть, расплываться, Касьян понял, что соболя ему не добыть сегодня, как не добрать сегодня и до зимовья, и стал подумывать о ночлеге.

Снегу в тайге было уже немало. Но под крутым сосновым выворотнем Касьян нашел чистое место, здесь и решил ночевать. Такие ночевки привычны: еловый лапник под бок, жаркий костер, горя-

чий чай с промерзлым хлебом и ровный костер-нодья на всю ночь.

Касьяну и раньше приходилось вот так негаданно ночевать в тайге, и он знал, что спарщик Гришка Елизов не будет беспокоиться о нем. Другое дело, если не придет Касьян в зимовье завтра...

Ночью Касьян просыпался часто, почувствовав, как подбирается к лопаткам тряский холод. Тогда он легко вставал, будто и не спал вовсе, ладил костер, выпивал несколько глотков горячего чаю, ложился и снова засыпал.

Собак рядом не было: они где-то там, в темноте, караулят соболя. Иногда во сне охотнику казалось, что где-то далеко-далеко слышен лай. Собаки у Касьяна хорошие: соболя на полдороге не бросят.

С первым светом Касьян был на ногах. Он хоть и спал плохо, но чувствовал себя бодро, шел по следу споро и уже на первом километре согрелся.

Припомнилось, что ночью ему снился спарщик Гришка Елизов, снился как-то не по-хорошему, и Касьян даже подумал — не случилось ли чего с Гришкой. Но сейчас, днем, когда стало в тайге бело и солнечно, страх ночной показался пустым, никчемным. Только подумалось: конь напоен ли? Сена свалил ему вчера Касьян

2

целую охапку — хватит сена, вот только воды дать. Но и здесь беспокойства не должно быть: Гришка о коне не забудет.

Через час хода Касьян услышал собак...

К зимовью Касьян попал около полудня. Соболя он добыл, зверек попался черненький, ничего себе, и на душе у охотника было хорошо. Сегодня можно было бы попромышлять еще, но после неуютной ночи захотелось поваляться на теплых норах, погонять чай, послушать в сытом тепле разговоры веселого Гришки Елизова.

Спарщик Касьяну нравится. Лицом чегрен, телом худ, а глаза веселые. И язык веселый. Вообще-то Касьян пустой болтовни не любит, но Гришку слушает с удовольствием. Гришка грамоту имеет ледащую — в войну с грехом пополам четыре зимы в школу отбегал. Вся и учеба. А рассказчик — дай бог каждому.

Около зимовья Касьяна встретили Гришкины собаки. «И Гришка дома», — обрадовался Касьян. Заглянул в загородку, к коню. Сивый, увидев хозяина, заржал, потянулся мордой. Сена у Сивого поубавилось мало, плохо что-то ест коняга. Сивый ухватил хозяина за рукав и всхрипнул. Не поили сегодня, оказывается, Сивого, вот оно что. Внезапно Касьян снова почувствовал беспокойство, как давеча ночью, и, уже уверенный, что пришла какая-то беда, открыл дверь зимовья.

После белого зимнего света в зимовье показалось, как всегда, сумрачно, но Касьян сразу разглядел лежащего на норах Гришку, его еще более почерневшее лицо.

— Приболел, что ли?

Гришка высвободил из-под овчинного одеяла руку, приветственно махнул.

— Живот что-то схватило. Я уж заскучал без тебя. Жгет живот.

— А я думаю, чего это твои собаки около зимовья крутятся? Не беда ли, думаю. Ел чего?

— Не тянет на еду.

Гришка сегодня, видно, с нар не вставал, печь не топил, выстыло зимовье. Маленькие окошки побелели, оплыли льдом, в углах зимовья иней выступил.

Касьян скинул понягу с привязанными к ней пышнохвостыми белками, дощечка глухо об пол стукнулась, сбегал за дверь, принес охапку тяжелых лиственничных дров, достал из угла желтую, скрученную

трубкой бересту. Через полчаса в зимовье повеселело от тепла, повеселел и Гришка. Улыбался, показывал почерневшие зубы.

— Живот ночью схватило — хоть матушку-репку пой. Один. Сейчас-то, вроде, и не болит, но муторно.

Касьян рад, что с Гришкой все в порядке. Живот у него и раньше побаливал, еще в прошлом месяце, в начале промысла, но спарщик тогда ночь постонал, а через день уже в тайгу вышел.

— Пройдет, Гришка, все пройдет.

Касьян уже напоил Сивого, снова принес кастрюлю колотого льда, часть льда в чайник засыпал.

— Сейчас варево какое соорудим. Чай гонять будем.

— Покрепче.

— Покрепче сделаем, чтоб скулы сводило. У тебя зубы черные, видно, от чая?

Гришка любил чай густой, черный. Если Гришке доверять чай заваривать, так через пару недель пришлось бы пустую воду гонять. Поэтому Касьян прижимал спарщика с заваркой, хранил заварку в своем мешке. Но сегодня пусть Гришка потешится.

Когда чай согрел тело, распарил душу, Гришка спросил:

— Блудил, что ли?

— Соболишко увел. Чуть не с обеденного времени за ним бежал. И только седни утром взял.

Чай к разговорам настраивает.

— Интересное это дело — за соболем бежать. Вот привяжи, к примеру, за веревку три червонца, тащи их впереди меня и заставь за ними гнаться по снегу целый день да ночевать у костра — не побегу. Пропади они пропадом. А за соболем бежишь. Духу уже нет, а бежишь. Хотя соболю этому красная цена три червонца, а то и того меньше.

Касьян с Гришкиными словами согласен, улыбается в трепаную бороду.

— Дешево соболя стоят.

— Это нам дешево платят за них. А в городе, в магазине, меньше, чем за сто рублей, не купишь.

— Не купишь, — соглашается Касьян. — Сам видел. Да и соболишки там, в магазине, не ахти какие.

— Хорошие за границу идут, на золото. Их любая нация покупает. Разве что неграм не надо — жарко в Африке.

Зимний день короток. Пятый час, а тени плотно набились в зимовье. Охотни-

кам друг друга уже не углядеть, только видно, как вспыхивают и медленно засыпают зрачки самокруток. Касьян лениво встал с нар, нашарил на столе лампу — в лампе керосин булькнул, — подвернул фитилек повыше, чиркнул спичкой.

— Ну и звероватый же вид у тебя, — хохотнул Гришка.

Касьяну до этого вида дела мало. Вид как вид. Староват, правда, для своих лет Касьян. Нынче ему в феврале только тридцать шесть будет, а дать и пятьдесят можно. Клочкастая, будто недолинявшая, борода. Кожа на щеках потемнела, поморожена малость. Лицо худое, в жестких складках лицо. И сам худой, поджарый. Охотник и должен быть поджарым — бегать легче.

— С таким видом раньше на горбачей охотились, — не унимается Гришка.

«Пусть его веселится, — думает Касьян, — быстрее поздоровеет».

Был раньше в Сибири промысел — на горбачей. Горбач не зверь, а человек, с золотом ли, с пушшиной ли выбирающийся из тайги к жилу. На узких тропах караулили горбачей отпетые мужики. Хорошо жили такие охотники, справно. Дома имели большие, животины во дворе много. О ремесле своем помалкивали. Но в деревне занятие свое не скроешь. Некоторые из таких охотников в торговлишку пустились, на церковь деньги жаловали.

— Одного вот такого мужика спрашивают, — торопливо говорит Гришка, — бельчонку стреляешь? Тот отвечает: попадают — стрелям. — А соболишек стреляешь? — Попадают — стрелям. — Ну, а людишек стреляешь? — Не знаешь, а болтаешь.

— Чего это ты разговорился? — Касьян придвинул лампу на край стола, подкрутил фитиль. Клинышек огня вырос, осветил Гришкино лицо.

— Болит у меня снова, — выдохнул Гришка. — Рвет живот.

Касьян и сам заметил что-то неладное в Гришкиной болтовне. Он подошел к спарщику, сел на нары. Лицо мужика заострилось, не черное теперь у Гришки лицо, а пепельное.

— Где болит? Тут? — Касьян хотел положить руку на Гришкин живот, но тот боязливо оттолкнул руку.

— Не трожь.

4 — Может, грелку соорудить? — спросил Касьян.

— Давай. Хотя что давай. А лучше бы водки выпить. С солью.

Где ее взять, водки. Брали они с Гришкой в тайгу бутылку спирта, так в первый же день и выпили ее. В тайгу брать водку смысла нет: не промысел будет — пьянка. Мужики пока всю водку не выпьют — от зимовья ни ногой. Дело проверенное.

Касьян отыскал под нарами пустую бутылку, вытер ее шершавой ладонью, погрел у огня. Теперь можно и кипяток наливать.

2.

Поздно вечером Гришке худо совсем стало: хоть криком кричи. И кричал. Потому что боли в животе совсем, видно, нестерпимые стали. А ночью рвать Гришку начало.

Касьян тоже всю ночь не спал, сам мучился, как от зубной боли. Топил печку, грел воду и в бутылке эту воду к животу спарщика прикладывал.

Касьяну самому хоть вой. Жилье далеко. Побежать в деревню за помощью не побежишь: на кого Гришку оставишь? А как о беде сообщить? Была бы рация, хоть вшивенькая.

Тяжко Касьяну Гришкины стоны слышать. Легче, казалось, самому болеть. Касьян садился к печке, недвижно смотрел на огонь. Таяла, стекала по листовничным поленьям смола, и языки пламени слизывали ее торопливо, жадно. Метались по закопченным стенам зимовья рыжие всполохи. Плыл к потолку едущий дым касьяновой самокурки. Стонал, вскрикивал на нарах спарщик Гришка Елизов.

На дворе завывали Гришкины собаки. Тягуче, утробно.

— Смерть мою чуют, — прохрипел Гришка из темного угла.

— Не болтай, — сердится Касьян.

Воют собаки. Касьяну неведомо сидеть. Выскочил под звезды, на мороз. Пинками разогнал воющих собак. Собаки отскочили под черные деревья, оцетинили загривки.

Шумит ветер над деревьями. Перемигиваются звезды. Холодно, пустынно. На многие часы хода нет людей кругом. Сколько раз, без счету, ночевал Касьян в тайге один, а не было ему так одиноко никогда.

Касьян походил вокруг зимовья, снег под ногами скрипит по-ночному, жестко. Остановился в раздумье, взял прислоненные к стене зимовья подбитые камусом лыжи. Осмотрел свою пару, потом Гришкину: ничего, крепкие еще лыжи.

Больше часа Касьян был во дворе, стучал молотком, пилил. Вернувшись в зимовье, сел на нары, расстегнул крытую сукном куртку — разогрелся в работе.

— Чего ты там делаешь? — Гришка кривит лицо, дышит тяжело.

— Волокушу. К жилу тебя повезу.

— Не проехать с волокушей в Чанингу.

— Сам знаю. В Беренчай поедем. По ручью.

В Чанингу, заимку, где живут Касьян Сокольников и Гришка Елизов, с волокушей действительно не проехать. Добираться туда через кочкастые болота, через хребты. С лошадью, когда она под вьюком идет, — полный день пути. Да и незачем в Чанингу с больным человеком ехать: ни врача там, ни рации. Восемь домов всего. А новых домов в Чанинге уже лет сорок не ставят. Бросать дома — бросают, а строить — такого нет.

Выбираться — так в Беренчай, село по сравнению с Чанингой большое. Домов пятьдесят. Фельдшерский пункт есть.

А сам фельдшер не справится, врача всегда по рации из района вызвать можно. Дорога туда хоть и дальняя — два дня пути, но зато по льду ручья, а там по реке. Не тряхнет. А потом по дороге брошенная деревня будет. Но в деревне той один дом жилой есть, будет где передохнуть.

— Делай, как знаешь, — махнул рукой Гришка.

— Знаю. Ехать надо. — Касьян решил твердо. Любому понятно, что не отлежаться Гришке в зимовье, врача надо. Не просто живот у него болит, не съел чего плохое, а язва, может, какая приключилась.

Касьян содрал со своих нар козьи шкуры, пошел заканчивать волокушу. Вернувшись, достал пушнину, уложил в чистый мешок, взял и Гришкину добычу.

— Вот тебе подушку приготовил.

— Когда выезжать думаешь?

— Продуктишки кой-какие соберу и пойдем. Нам с тобой день, ночь ли — все равно. По-летнему дак сейчас утро скоро. Зато к обеду до жила, до Осипа доберемся.

Вот и кончился промысел. До свидания, зимовье. Касьян укутал спарщика в два шубных одеяла, легонько обвязал сыро-

мятными ремнями, чтобы дорогой не раскрылся. Осторожно подхватил на руки, перенес на волокушу. Хорошо укутан Гришка, только маленькая дыра для лица оставлена. Над дырой — парок от дыхания. Частыми толчками.

— Ловко лежать тебе?

— Ловко,— выдохнул Гришка.

Касьян залил огонь в печке, еще раз оглядел опустевшее зимовье и захлопнул тяжелую, из плах, дверь. Можно и в путь.

— Пошел, Сив-ый!

Теперь только чуть в низинку спуститься, а там по ручью. Не тряхнет.

И по ручью снег рыхлый, еще не слежался. Но лыжи хорошо гнутые, не зарываются. Касьян вначале вел Сивого в поводу, но потом пошел вслед, за волокушей. И не понять, где легче идти: или тропу торить, или — следом, по ископыченному Сивым снегу. Кое-где, на излучинах, ручей переметен валами, и тут идти совсем тяжело. Ручей петляет, крутит. Полчаса назад проходили неподалеку от крутого голого мыса с разлапистой сосной на взлобке. А сейчас снова чуть ли не на старое место вернулись. Вот он мыс и сосна разлапистая, низкорослая. По прямой идти — совсем ничего. Но с волокушей в кусты тальника, затвердевшие на холоде, в глухие ельники, не сунешься. Иди по ручью, да благодари бога, что не вьет пурга, не жмет мороз.

— Удобно тебе, не замерз? — спрашивает Касьян.

— Кричать хочется,— шепчет Гришка.

Незаметно подкрадывался серый рассвет. И не поймешь: то ли ночь еще продолжается, то ли уже день занялся.

Постепенно стало развиднать: на юго-востоке меж редких туч светлая полоска образовалась. Да и деревья, что очерчивают берег, ясней стали. Собаки убежали вперед. Изредка возвращаются, покрутятся около и снова убегают.

Когда стало совсем светло, пересекли свежие следы сохатого. Вдоль следов глубокие отпечатки собачьих лап: не иначе псы в погоню ударились, теперь скоро их не жди. Другой бы раз не выдержал Касьян — собаки опытные, могут закружить зверя — побежал бы следом, а сейчас даже голову не повернул. Не до того. Да и притомился вроде.

Черт те что: на охоте весь день — от темна до темна — бродишь и сил на весь день хватает, а в дороге быстро устаешь. Касьяну уже давно хочется сесть поси-

деть, разложить костер, вскипятить чаю. Хотя — Касьян взглянул на часы — четвертый час кончается, как вышли они из зимовья. Можно устать.

У Касьяна одна мысль: добраться до деревушки. Хоть и пустая она, брошенная, но ведь один дом еще жилой есть.

— Пошел, пошел, Сивый!

Касьян мысленно видел, как он остановит коня около знакомого дома, как радостно выбежит за ворота соскучившийся по людям присядистый рыжебородый Осип, как заохает, засуетится возле Гришки хозяйка, начнет отпаивать Гришку травами, и Касьяну уж не о чем будет тогда беспокоиться. Если позволит Гришкина болезнь, Касьян переднюет у Осипа, а при нужде сбегает в Беренчай, вызовет для Гришки вертолет.

— Пошел, Сивый, пошел!

Неизвестно отчего на память Касьяну пришел его просторный теплый дом, вспомнилась жена Катерина. Чуть ли не в последний день перед выходом Касьяна в тайгу затеяла Катька разговор. Касьян ухмыльнулся: дошлый народ эти бабы, а ласковая да игривая Катька в особенности знает, когда нужный ей разговор заводить. В зимовье по дому, по ребятишкам, по бабе скучать начнешь — последние дни, последние разговоры помнятся на особицу. А Катерину в Беренчай потянуло, в переезд.

— Хватит нам с керосиновой лампой сидеть. Да и скучно здесь.

Касьян тогда удивился: «Какое тебе еще веселье требуется?»

Касьян бы вроде и не против Беренчая, там у него семьей брат живет, но боязно бросать здешнюю тайгу.

— Тесная в тех местах тайга...

— Не учишь врать. Плохому охотнику тесно. А мне рожать нынче. Прошлый раз чуть не померла. Врача нет.

Касьян оглянулся на сани. Вроде пока все с Гришкой в порядке. Над лицом — парок.

А Катерина у Касьяна баба видная, красивая. Кто-то был в ее роду из эвенков, и теперь это проступает матовой кожей, чернотой глаз. Русское — в бойком характере да в косе тяжелой и мягкой. Рожала прошлый раз Катерина тяжело. Бабка Коробова просидела у ее постели двое суток. А где лучшего акушера найдешь? Ближнее село — Беренчай. А до него километров пятьдесят по прямой. Это по тропам да через зыбуны...

Хоть и притомился Касьян, а решил идти без перевала: еще несколько поворотов ставшего широким ручья — и будет деревушка, где живет Осип.

О переезде Катька не сама придумала. Касьян же и сказал ей об этом. И не то, чтобы сказал, а просто передал разговор с промхозовским начальством. Касьян тогда своим словам и внимания не придал, а вот, поди ж ты, Катьке запомнились они.

Начальство уговаривало его, Касьяна, сниматься из Чанинги и в Беренчай переезжать. Всякие блага рисовало: и магазин тут, и почта тут, и клуб. Касьян и сам видит эти блага. Но ведь обжитое место кинуть — не рукавицу с руки сбросить.

Крайний дом открылся неожиданно. Сгорбленный, обметенный белым снегом. Касьян облегченно вздохнул, расслабил шаг, предчувствуя скорый отдых. Он прошел еще несколько тоскливых домов и забеспокоился: ни на ручье, ни на берегу не было никаких следов. Снег всюду лежал белый, холодный и нетронутый. Издали увидел крышу дома Осипа и забеспокоился еще больше, хотя крыша как крыша, только разве над печной трубой не дрожит дым. Опять же время позднее — хозяйка обед сварила, печь протопилась. Но липкое беспокойство не оставляло, росло. Касьян остановил лошадь и полез на берег, чтобы лучше разглядеть Осипов дом и двор и разом прогнать это беспокойство. Взобравшись на бугор, Касьян понял все, но, еще на что-то надеясь, побежал к дому Осипа.

Касьян остановился около дома, старался унять дыхание, тупо и слепо смотрел в пустые провалы окон, и ему хотелось закрыть эти провалы ставнями, как закрывают пятаками глаза покойника. Но ставен уже не было и лишь одна косо висела, удерживаясь на ржавом шарнире, поскрипывала на ветру и глухо стучала в черные бревна стены.

— Укочевал Осип,— вслух сказал Касьян.— Ху-у-до-то как, а!

Он поднял голову и огляделся. Дальние и близкие лесистые хребты, белая просека ручья, редкие избы с завалившимися пряслами огородов. Тихо, пустынно, одиноко.

По своему следу Касьян вышел на лед ручья. Сивый покрылся куржаком, голову ниже клонит, тянет шею. Оглядывается на хозяина.

Касьяну понятно: привал надо делать.

Отдохнуть, собраться с мыслями, приготовиться к тяжелой дороге.

— Гришка, чаю хочешь?

Гришка открыл глаза, хотел что-то сказать, но, изломанный болью, сорвался на крик. Гришка душил в себе этот крик, но он рвался, захлебываясь сам собой. И уже не рот кричит — глаза.

Крик тонул в белой долине, тонул в снегах, и никто его не слышал, кроме Касьяна, и даже эхо молчало.

— Ты кричи, кричи громче, легче будет,— засуетился Касьян.— Но-но! Сивый! Пошел!

Конь шагнул нехотя, Касьян вдруг обозлился, забежал вперед, схватил Сивого под уздцы, будто падая, потянул коня на себя. Испуганный Сивый старался вырваться повода, храпел, скалил зубы.

К вечеру, когда Гришке совсем стало худо, над охотниками низко пролетел маленький самолет. Касьян схватил ружье, торопливо начал стрелять, старался привлечь внимание летчика. Но с самолета охотников не заметили, самолет прогудел мотором, пролетел мимо. Касьян, забыв себя, бежал за самолетом, кричал и страшными словами ругал бога и просил у него помощи, потому что на другую помощь уже нельзя было надеяться.

А случись такое чудо — сядь самолет на лед ручья — Гришка через двадцать минут был бы уже в Беренчае, а то и прямо в район его могли бы отвезти.

День кончился. Касьян на долгий отдых не останавливался, костра не разжигал, устало и тупо продолжал идти и ночью, уминал снег, в отчаянии бил коня и тянул его под уздцы, когда Сивый останавливался, плачущими глазами смотрел на своего мучителя. И не заметил Касьян, когда умер Гришка. Он вдруг увидел, что нет над лицом спарщика белесого пара, и осторожно, почти крадучись, подошел к волокуше и тут только понял, что Гришка уже не дышит. Пугаясь, он заглянул Гришке в лицо и увидел, что глаза у него открыты и неподвижны. Касьян хотел прикрыть эти глаза, но мороз уже прихватил мертвые веки. Касьян хотел крикнуть, но крика не получилось, лишь вырвался дурной, как во сне, всхлип.

Он действительно спал. Или бредил. Сон как бред. А Касьян по-прежнему идет впереди коня, только идет уже не по середине ручья, сбился к левому берегу и вот-вот уткнется в кусты. Касьян остановил Сивого и, веря и не веря, покачиваясь,

подошел к Гришке, опустился коленями в снег.

— Живой?

— Живой,— выдохнул Гришка.— Где мы?

Место Касьян не узнавал, но Гришке сказал как мог бодрее:

— Ты терпи. Близко нам.

— Я терплю,— слабо дышит Гришка.— Дрожит все во мне. Я уж несколько раз около рая покрутился. За последней справкой вернулся. Помираю, видно...

Касьян оглянулся. Кругом снег, черный лес и тусклые звезды над головой. Неподалеку полукругом сидят собаки и настороженно смотрят на людей. И почувствовал Касьян, как страшно он устал и что без отдыха не добраться до Беренчая. Но не идти — нельзя.

— Сейчас, Гришка, сейчас. Сейчас дальше поедем,— шептал Касьян, стоя на коленях.

И Касьян поднялся и шел еще час и еще час, шел и тогда, когда потерял представление о времени и способность удивляться тому, что он еще жив и что он еще идет. Мозг у Касьяна уснул и лишь какая-то часть его мучительно бодрствовала и не давала Касьяну упасть в снег, забыть, что на волокуше лежит Гришка.

Потом Касьян услышал лай собак. Эти звуки трудно пробилась к сознанию Касьяна, и он понял, что собаки лают уже давно и что ему нужно к чему-то приготовиться.

Тяжелыми руками он потянул из-за спины ружье, чтобы быть готовым к встрече с неизвестным, но услышал впереди фыркание лошади и человеческий голос.

3.

Касьян поднял тяжелые веки. В глаза хлынул плотный яркий свет, глазам стало больно. Касьян снова прикрыл веки, но успел заметить, что около стоит кто-то большой и черный.

— Проснулся, братуха?

Голос прозвучал откуда-то сверху, заполнил собой еще тесный Касьянов мир. От белого света, от этого своего голоса Касьян успокоился и совсем открыл глаза.

В три окна комнаты лилось солнце, и три ярких и теплых прямоугольника лежали на полу. На одном из пятен сидел рыжий лохматый кот и старательно выли-

зывал шерсть. Около кровати стоял Семен — Касьянов брат — и улыбался.

— Проснулся, братуха? — снова громыхнул Семен.

В дверь заглянула Соня, жена Семена, и шикнула на мужа.

— Разбудишь мужика. Пусть спит.

— А? Чего? — отозвался Касьян и поднял голову.

Соня вошла в комнату, вытирала о фартук полные руки, тоже улыбалась, говорила деланно сердито, скороговоркой.

— Вот ведь он какой, не дает гостю поспать. Он водку вчера еще купил, а я ее отобрала, спрятала, обещала отдать, когда проснешься. Так сегодня встал твой братец ни свет ни заря, ходит вокруг тебя, как кот вокруг горячей каши.

— Спрятала водку, — ухмыльнулся Семен. — В сенцы под тряпки.

— От тебя спрячешь, — безнадежно махнула рукой Соня. — Нашел?

— Чего ее искать...

— Нюх у тебя, как у твоего Черныша.

Касьян смотрел напряженно, старался вникнуть в слова говоривших, но слова, круглые и невесомые, мыльными пузырями лопались где-то рядом, не проникали в сознание.

— Да он как чумной. Угорел? Братуха!

— Сейчас, сейчас, — отозвался Касьян. И разом, словно вынырнул из глубокого омута, он понял, где он и что с ним было вчера или теперь уже позавчера, быть может.

— Гришка где?

— Твоего Гришку еще вчера на вертолете в район увезли. А сегодня по рации сообщили: живой он. Операцию сделали.

— Так, — сказал Касьян уже радостно и опустил ноги на пол. И тотчас увидел, что на нем серые от грязи подштанники, из которых торчат прелые, тяжело пахнущие ноги. Касьян смущенно оглянулся на застеленную белым постель и увидел на подушке, где лежала его голова, серое пятно.

— Что ж вы меня на чистое положили?

— А мы гостей не под порог ложим...

— Да вот, — Касьян показал на подушку и с хрустом стал чесать заросший подбородок.

— Ты хоть помнишь, как сюда попал? — спросил Семен.

Лицо Касьяна стало напряженным.

— Помню вроде.

— Ну-ну.

Касьян шел тогда всю ночь. А перед самым рассветом, когда уже совсем перестал понимать, где идет, на охотников наткнулся выехавший за сеном директор беренчаевской школы. Это еще Касьян помнит, а после — в памяти провал.

— Мы тебя сонного и в избу затащили, — сказал Касьяну Семен.

— Касьяша, а я баню вытопила, — Соне хочется сказать гостю приятное. — Пойдешь сейчас?

— Горит тело. Пойду, конечно.

— Может, перекусишь вначале малость? — начал было Семен, но жена остановила его.

— Я в баню сперва, — улыбнулся Касьян. — То ведь не зря сказано: сытый в баню не ходи, голодный купайся.

Касьян встал, накинул на себя полушубок и, чувствуя боль во всем теле, шаркая ногами, вышел за дверь.

С крыльца Семенова дома хорошо видно все село. Дома, школу, клуб, почту с высокой антенной на крыше. В школе, видно, закончились занятия, ребяташки высыпали на улицу, и Касьян удивился: ребяташек-то сколь, не то что в Чанинге. Откуда-то из-за избы вывернулись собаки — Касьяновы и Гришкины. Они радостно помахивали хвостами, скалили белозубые пасти. Касьян вдруг вспомнил о Сивом и пошел к сеннику. Сивый уже отдохнул хорошо, высоко держал голову. Касьян похлопал конька по крупу и, окруженный собаками, пошел к бане.

— Да поскорее мойся! — крикнул с крыльца Семен.

В теплом предбаннике Касьян увидел стопку чистого белья, чистые штаны, рубаху. Все Семеново.

Касьян сел на широкую лавку, сгреб в горсть жесткую бороду, прикрыл глаза. Он сидел и думал, и никто не мешал ему думать. Из приоткрытой двери парной наносило сухим жаром, запахом березовых веников, горьковатым дымом прогорающих дров. Он сидел долго и могло показаться, что Касьян заснул.

Потом он, словно что-то решив для себя, шумно вздохнул и стал раздеваться. Чувствуя во всем теле зуд, сбросил подштанники и, радостно побряхтывая, почерпнул ковш холодной воды, плеснул на раскаленные камни. Камни ухнули горячим паром, воздух стал плотным и вязким, стало трудно дышать, но Касьян почерпнул еще ковш воды и снова плеснул.

Через час, с блаженно блуждающей улыбкой на лице, Касьян вывалился из бани. Голова закружилась на свежем воздухе. Мир для Касьяна стал добрым, радостным.

— Благодать-то какая!

Семен сидел уже за столом, крепко упершись локтями в дощатую столешницу.

— С легким паром тебя!

— Будто на десять лет моложе стал. Пуд грязи...

Семен говорит громко. Привычка. Вот уже лет десять как он работает мотористом, дает деревне свет. Работа спокойная, но шумная. Вот и привык кричать. Когда-то Семен ходил в штатных охотниках, но соблазнился твердым заработком моториста. «А потом всегда сытый, в тепле, чистый»,— это Семен так говорит. Хотя осенью, когда охотники на промысел уходят, Семен становится скучным, мрачнеет...

— Ну, с приездом тебя!

Братья чокнулись, выпили. Соня присела на краешек стула, врачи ей запретили трогать водку, и она не пьет, пододвигает гостю соленые краснокоричневые рыжики, мороженую, пересыпанную сахаром бруснику. Частит словами:

— Ешь, Касьяша, ешь. Рыжики, брусника, сохатиный язык вот. Не обессудь. Чем богаты, тем и рады. В магазине хотела какую консерву взять, да нету хорошей. Взяла какая есть. Ешь, ешь. Сейчас у меня пельмени закипят...

— Да не стрелочи ты сорокой,— перестал жевать Семен.— Голова болит.

Соня подолгу на одном месте не сидит. От стола к печке: «Ой, дров подбросить надо». От стола в сени: «Ой, у меня там мороженые сливки есть. Забыла на стол поставить. Памяти совсем нет».

Успеваает и в окно посмотреть.

— А звон директор школы по улице идет. К нам, поди.

— К нам — не к нам...— прильнул к окну и Семен.— Выскочи, пригласи.

— Хорошо бы пригласить,— подает голос Касьян.

— Надо, чтоб Семен вышел. Как-никак — хозяин.

— Давай, давай,— командует Семен.

Соня накинула платок на голову, выскочила за дверь. Через двойные стекла слышно, как звонко она кричит, и видно, как зазывно машет рукой.

Соня забежала в избу и, шепнув, «идет», кинулась к шкафчику с посудой.

— Звать-то директора как? — спросил Касьян Соню.— Забыл я.

Соня ответила шепотом:

— Геннадием Ивановичем зови. Он простой мужик, хороший. Он и белочить даже ходит.

Касьян вылез из-за стола, встретил гостя у порога: ведь это он подобрал в тайге, в село привез Гришку и его, Касьяна, полусонного, полуживого.

— Я к вам, Геннадий Иванович, хотел зайти, спасибо сказать, да вот только проснулся и в баню успел сходить.

— Да чего там.— Директор машет рукой.— Вы бы и сами до деревни дошли. Близко уже оставалось.

— Не дошел бы.

Геннадий Иванович улыбнулся, насечка мелких морщинок около глаз стала заметнее, и Касьян увидел, что директор еще недавно был молодым и, может быть, даже веселым.

— Напугали вы тогда меня. Смотрю — на льду кто-то шевелится. А темно еще, плохо видно. Ну, и крикнул: «Эй, кто такой?» Думаю, свой кто, сейчас ответит. Никто не отвечает. Подъехал ближе — смотрю, конь стоит, а около коня человек, и ружье с себя тянет. Я еще что-то спросил, а человек молчит и, видно, без ружья со мной разговаривать никак не хочет.

— В беспамятстве это.

— Я потом так и понял.

Геннадий Иванович разделся, прошел по белым половикам к столу. Достал папиросу, размял ее в крепких пальцах, закурил и закашлялся.

Соня тем временем рюмки наполнила, подтолкнула мужа: приглашай, мол. Мужиков упрашивать не надо. Охотно потянулись друг к другу чокаться, плеснулась на стол пролитая водка.

— Любишь ты нас, Соня. С верхом наливаєшь.

— Кушайте, кушайте.

Касьян закусил увертливым рыжим грибком, повернулся к директору.

— Я ведь вас, Геннадий Иванович, давно знаю. Мельком только все, издали. Разговаривать даже ни разу не привелось. А ведь помню, когда вы приехали. Я еще подумал: и этот уедет, к себе в город. Не держались тогда учителя в Беренчае.

— Мог бы и уехать,— Геннадий Иванович согласно кивает.— Вполне мог. Когда заканчивал институт, совершенно никуда не хотел ехать. Как говорится, не было любви ни к деревне, ни к городу.

— Это как же так?

— По молодости... Сюда послали — я не отбивался: все едино. Потом, не сразу, через несколько лет, понял, что мне повезло. Послали туда, куда хотел, сам того не сознавая.

— Деревней довольны? — спросил Касьян.

— Тут у меня своя философия. Тайгой доволен. И считаю, что человек должен жить, тесно соприкасаясь с природой. Только жаль, что к природе человек часто плохо относится. Леспромхозы эти...

— Тайги еще много, на наш век хватит.

— А потом? Вы посмотрите, как быстро отступает тайга перед человеком. Конечно, относительно быстро. Но от промышленных городов лес уже отошел. Возьмите, к примеру, нашу очень таежную область. Вокруг некоторых городов голо. Реки, текущие от Саян, засорены отходами сплава.

Касьяну это уже понятнее, интереснее.

— Географию, видно, преподаете?

— Физику. А почему решили — географию?

— Да вот про реки, про тайгу говорите.

— Так про это каждому нужно говорить.

— Ну, а что делать надо?

— Точно я и сам не знаю. Развитие промышленности не остановить. Но мне понятно, что этикеток на спичечных коробках, где написано: «Берегите лес» — явно недостаточно. Нужно очень испугаться за свою землю, за свое будущее, и тогда можно что-нибудь придумать.

Касьяну и эти слова Геннадия Ивановича понятны. Только он тайгу и с другой стороны видит: недаром тайга скудеет. Раньше, лет двадцать-тридцать назад, вокруг Чанинги небольшие деревни были. Не близко, но и недалеко. До которой три часа ходу, до которой полдня. А где теперь эти деревни? Были, да все вышли. Охотничьи угодья соседей часто пустуют теперь. От больших деревень к этим угодьям многие дни пути. А на чем? Лошадей у охотников за последние годы много поубавилось. И ведь никто не гнал охотников из тайги. Вначале из тайги молодежь хлынула, к кино, к электрическим лампочкам, к многолюдству. Скучно в маленьких деревнях молодежи. Правильно, конечно, все это. Человеку лучше жить

стало. Но и тайгу жалко. А тайга без человека — кому она нужна?

Разговор становился свободнее, громче.

— А вот, — говорит Касьян, — я где-то читал, сейчас и не вспомню где, будто в Англии последнего дикого оленя убили лет триста назад. И там теперь ни медведей, ни волков, ни рысей нет. Так же будто и во Франции.

— Пустыня, — говорит Семен. — Тоскливо же им там жить. Ты, братуха, читал в охотничьем журнале, как французы делают? Закупают, к примеру, зайцев в Венгрии, к себе привезут, на волю выпустят и охотиться начинают.

— Игрушки.

— Я тогда сам смеялся, когда читал. Если бы кто просто так рассказал, а не в журнале прочитал, не поверил бы. Зачем же этих зайцев выпускать, если они у тебя в руках?

— Для спорта, — Геннадий Иванович уютно, по-домашнему щурится. — Да еще деньги надо заплатить, чтобы разрешили погоняться за этим зайцем. И все это как раз в подтверждение моих слов.

— Вам-то что до тайги, Геннадий Иванович? Вы человек ученый. Будет ли белка, уйдет ли за вырубку и пожого — на вашу зарплату не отразится.

— Ты чего? Сдурел? — шикнула на Семена жена.

Семен досадливо крутнул головой.

— Вы не обижайтесь, Геннадий Иванович, что так спросил. Я по-простому.

Директор рассмеялся.

— Новости я вам, Семен, не сообщу, если скажу, что тайга это не только зверь, белка, соболь. Не только деревья... А потом вот какой парадокс: я вырос в рабочем поселке, где нет ни леса, ни реки. Казалось бы, должен считать, что и так хорошо. Но я болезненно завидовал тем, кто жил у рек, в лесу. В нашем поселке снег всегда был серым от сажи...

— Закусывайте, закусывайте, — приглашала всех хозяйка.

Зимние сумерки всегда рядом, за спиной стоят. Не успеешь повернуться, день прошел. За веселым столом время летит и того быстрее. Вроде только за стол сели, песен еще спеть не успели, а Соня уже манит хозяина из-за стола. Семен вид делает, что не замечает жену. Но та подошла, зашептала что-то сердито в волосатое ухо Семена.

— Чего это ты своего мужика зу-

дишь? — спросил завеселевший Касьян.

— Да время уже свет давать, а он еще к своему спарщику не ходил, не просил заменить. Иди, иди,— подтолкнула жена Семена. И гостям:— Он быстро, он сейчас прибежит.

— А чего к нему идти? — Семен хмурится.— Колька еще утром в тайгу ушел. Завтра вернется.

Соня хлопнула себя по крутым бедрам.

— А ты знал, язва, оказывается. А что днем говорил? «Схожу!» Да если б я знала, что тебе работать, дала бы я тебе выпить?! Жди!

Семен нехотя поднялся. Посмотрел на директора.

— Если бы ребятишкам не надо уроки учить, не пошел бы я. Заболел, и все тут.

— Надо уроки учить,— улыбнулся Геннадий Иванович.

Минут через двадцать после ухода Семена зажелтела под потолком электрическая лампочка, постепенно наливаясь белым светом. В избе стало ярко и празднично, как давеча днем. А за окном — совсем темно.

Геннадий Иванович посидел еще часок, засобиравшись домой. Касьян проводил гостя за ворота, постоял на морозе. Тихо в деревне, только у школы ребячий гомон слышится.

Вернулся в тепло. Соня подоила корову; в избе пахнет парным молоком, прогретыми кирпичами русской печи, луком. Касьяну захотелось домой, в Чанингу.

4.

На другой день с утра Касьян решил попроведовать земляка-чанингца Иннокентия Чертовских.

— Сходи, сходи, только к обеду вертайся,— сказал ему Семен.— А Кеха уж неделю, как из тайги вышел. Избу спешит строить. Зда-аровую избу.

Иннокентий многодетный, но последние два года около него в Чанинге только младший сынишка жил, которому в школу еще было рано. А старшие все в Беренчаевском интернате. Как подрастет парень или девка до семи лет — так из дома. Шибко переживал Кеха. А как пришло время отдавать в школу младшего,

последнего, навьючил свою лошадь Кеха и ушел, обходя зыбкие болота, на Беренчай. После, осенью, когда путь наладили, приезжал Иннокентий за остальным добром, хвалился:

— Ничего живем. Ребятишки все, почитай, кроме большака, со мной. В кино ходят. И мы со старухой ходим. А жить здесь без ребятишек на кладбище ровно.

Касьян нашел Иннокентия на краю деревни, около белого сруба. Иннокентий земляку обрадовался. Расплываясь в улыбке, протянул широкую ладонь.

— Знал я, что ты здесь. Придешь, думаю.

— Вот пришел. Строишь?

— Строю.

— Большой дом.

— Мне большой и надо. Скоро старшой мой из армии вернется. Да и мне надоело квартировать у знакомых. Ихняя семья да моя — тесно... Ты постой, сейчас ко мне пойдем. Посидим, поговорим.

Но Касьян остановил земляка.

— Чего я тебя от работы отрывать буду? Тебе день дорог. Мне потом еще нужно о Гришке узнать — слышал, я его привез? — узнать, как он там, в больнице.

— И узнавать нечего.— Иннокентий сел на бревно, жестом пригласил сесть и Касьяна.— Вчера сообщение было, что в порядке он.

— Про вчерашнее знаю.

— И седни уже начальство с районом связалось — был я в конторе,—обещали там, что через две недели Гришка на своих ногах притопает. Так что и ходить тебе никуда не надо. Покурим вот лучше, а потом — ко мне. Ребятишек посмотришь.

День солнечный, теплый даже. Редко такие дни зимой выпадают. Хорошо сидеть на бревне, курить самокурку, щуриться на голубое небо.

— Как жизнь тебе здесь после Чанинги?

Кеха вопроса не понял.

— По-разному Беренчай живет. И вот так живет. Посмотри.

Мимо новостройки пролетел, запрокинув голову, рыжий конь, запряженный в кошеву. В кошеве двое. Один отчаянно растягивал меха баяна, другой орал и нахлестывал лошадь. Издали, когда лошадь пронырнула узкую лошину и понеслась по заснеженному косягу, это было красиво.

Касьян проводил взглядом гулеванов, тронул бороду.

— Праздник у кого-то. Широко гуляют,— сказал то ли с завистью, то ли с осуждением.

— С бичом-то учительницы муж, Ивашка Торосов.

— Знаю я его маленько. Видел.

— По графику, стервец, живет.

— Как это?

— А так.— Иннокентий сплюнул в снег.— Приди в девять часов к магазину — Ивашка пол-литра берет. Опохмеляется, значит. В это время он добрый и всех приглашает выпить. В десять часов за другой бутылкой бежит. К обеду, часов в одиннадцать, коня своего, Рыжку, запрягает и летит куда глаза глядят. Тогда опасный он, как медведь-шатун. Сколько сейчас время? Во! Одиннадцать скоро. Ивашка из графика не выбился.

Недалеко от сруба сутулятся дощатая времянка с одним широким окном.

— Рамы я здесь сейчас делаю,— махнул Иннокентий на времянку.— Зайдем.

Во времянке бело-желтые ровные брусочки — заготовки для рам. Пахнет стружкой, разогретой смолой, летом.

— Дай-ка я малость поработаю,— Касьян взялся за рубанок.— Да не бойся ты, не испорчу. А потом с Гришкой ты меня обрадовал.

— Ну давай, козь охота,— согласился Иннокентий.— И мне дело есть. Только не знаю, за что вперед взяться.

Касьян работал рубанком размеренно, неторопливо. Белая стружка вскипала над рубанком, как мыльная пена.

— Хорошая работа дом строить.

— Веселая,— соглашается Иннокентий.

— А на что он пьет?

— Ты об Ивашке? — Иннокентий выпрямился.— Жена хорошо зарабатывает. Сам охотничает. Не так давно сохатого завалил. Но ленивый: пьянка время требует. Люди в тайге по два-три месяца живут, а Ивашка самое большее — месяц. А раньше, говорят, работяга был.

Поработали мужики недолго, но Иннокентий сказал:

— Шабаш. Пошли ко мне. Работа никуда не убежит.

— Брат к обеду наказывал вернуться. Обидится, не приду если.

— Не хочу я тебя отпускать. Соскучился по своим. А мы так, паря: ко мне зайдем, и к Семену.

Касьян, для себя неожиданно, но слово думал уже об этом много, спросил:

— Так где тебе лучше живется, если о Чанинге скучаешь?

— Известно, скучаю. Кошка к одному месту привыкает, не то что человек. А там у меня ребятишки народились, выросли. Но опять же, мне теперь свет электрический надо, кино надо, магазин надо. Я как-то еще там, дома, думал: почему это все для других есть, а для меня нету? И жалко мне Чанингу, во сне иногда ее вижу. Это молодым легко старые места оставлять... Жалко, а с другой стороны... У всякой вещи две стороны есть. Да не две, а больше. И каждая в свою сторону смотрит.

— Как это?

Иннокентий мохнатой рукавицей, не спеша, обмел с валенок стружку, повернулся к Касьяну.

— А хотя бы так. Вот сидишь в зимовье, мокрый, усталый, лампешка чадит, а над тобой самолеты реактивные летают. И все — издали. Хочется их поближе рассмотреть.

— Бывал же ты в городе, видел.

— Не о том я.

— Понятно, не о том,— соглашается Касьян.

— А потом судьба, она, видно, есть. И у человека, и у дома, и у всей деревни. Так и у Чанинги.

— Какая же у Чанинги судьба?

— Да нет у нее теперь никакой судьбы. Кончилась.

— Ладно тебе,— сказал Касьян, сердясь.— «Судьба, кончилась». Думаешь, ты уехал, так и наша заимка кончилась?

Кеха не обиделся

— Да я ведь к тому, что народ и в наших краях теперь другой стал. Старикам проще было: жили в лесу, молились колесу. Сыты были — и ладно. Все и счастье. Ну как я своего старшего, Мишку, заставляю сейчас в Чанинге жить? Он и телевизоры знает, и про все другое такое. В армии в большом городе служит. Как я его посажу с керосиновой лампой сидеть? Как без друзей-товарищей оставлю? Уйдет ведь он тогда от меня. Я боюсь, что и Беренчая теперь ему будет мало.

Последние слова Кеха сказал тихо, вроде спрашивал у него, у Касьяна, осторожно и боялся его ответа.

— Мало молодых охотников остается в тайге,— говорит Касьян, и Иннокентий понимает, что это и есть ответ.

— Ко мне зайдем. Встреча у нас все ж таки. Поговорить ведь охота. И к Семен-

ну успеем,— потянул Иннокентий Касьяна за рукав.

— Мне в контору сперва надо. Насчет Гришки самому узнать. Ехать ведь мне завтра. Надо что-то его бабе говорить.

— Экий ты, недоверчивый,— удивился Кеха.— Сказывал же я тебе.

— Да я пушнину еще хочу сдать. Узнаю, примут ли седни.

— Это другое дело.

Промхозовская контора стоит на пригорке, почти у самого леса. Сторонний человек, не скажи ему, так и не догадается, что это контора: маленький домишко в три окна. Да и ни к чему большой дом: главная контора промхоза в районе, а здесь приемный пункт пушнины. Правда, в этом домишке свой начальник есть — управляющий отделением.

Ни крыльца, ни сеней у конторы нет. Дверь прямо на улицу. Когда дверь открывается, в избушку врываются клубы морозного воздуха и тают около раскаленной железной печки.

В конторе было на удивление пусто. Лишь грелся у печки незнакомый, по обличью нездешний человек, да за низкой перегородкой сидела на полу пожилая женщина, собирала в связки беличьи шкурки.

— Где начальство, Надея? — спросил Иннокентий.

— Тьфу ты,— чертыхнулась женщина.— Теперь ты меня со счета сбил. И так памяти нисколько уже нет, а тут еще надухом ревут. Откуда мне знать, где управляющий? Дома скорее. Вон человек его ждет. Говорю ему: иди прямо домой — стесняется.

Касьян оглядел незнакомца, прикинул: молодой еще. На худощавом бледном лице щегольские усики. Бороду бреет, а на щеках узкой полоской оставляет. На ногах войлочные ботинки.

Незнакомец тоже без стеснения рассматривал охотников. Особенно долго задержал взгляд на олочах, обуви, горожанам совсем неизвестной.

— Студент, пооди? На практику охотоведом приехал? — спросил Касьян.

Парень вроде ждал вопроса, ответил с готовностью:

— Жить приехал. Вообще, хочу здесь жить.

— А делать чего будешь? — У Иннокентия свой интерес.— Может, в школе хочешь работать или в клубе?

— Охотиться хочу.

Иннокентий оживился.

— Да сезон-то кончается. Раньше бы, осенью надо к нам. Припоздал ты.

— Знаю, — соглашается парень.— Только так уж получилось. Потом, собак у меня еще нет. А сейчас щенят у кого-нибудь куплю, а может, и взрослую собаку найду.

— Хорошую не продадут. Только по случаю.

— Да мне для начала хоть бы такую, которая лаяла, — рассмеялся парень.

— Значит в охотники решил определяться? — Иннокентий подтащил к печке табуретку.— Может, у тебя для города специальности нет?

— Почему нет? — обиделся парень.— Мне уже скоро тридцать. В типографии печатником работал.

— Один приехал, без семьи? — не оставал Кеха.

— Один пока. Отцу до пенсии год остался. Пойдет на пенсию — ко мне переедет. Отец у меня лес любит...

— Женат?

— Нет еще.

— Ты этого пока не говори никому,— засмеялся Касьян.— Здешние девки проходу не дадут. Женихов в Беренчае мало.

Парень оказался разговорчивым. Сам расспрашивал о здешней охоте, о рыбалке, о деревне. Интересовался, у кого можно остановиться на квартире.

— Ха, квартира,— удивился Иннокентий.— К любому заходи, не прогонят. Поживешь, осмотришься, потом выберешь хозяев по характеру. Я дом дострою, ко мне можешь приходить.

— По-доброму, и мне надо дом строить.

— Дело,— соглашается Иннокентий. За стеной проскрипели шаги. Глухо стукнула промороженная, в белых прожилках инея, дверь. На пороге — молодой, легкий мужичок в меховой куртке, в высоких оленьих унтах.

— Управляющий,— шепнул приезжему парню Иннокентий.

— Здравствуйте,— поздоровался управляющий с приезжим.— Здравствуй, Касьян. С тобой, Иннокентий, мы виделись. Ты, Касьян, пооди, пушнину принес сдавать? Так приемщик сейчас будет.

— Не принес еще, но сдавать надо.

— Так давай неси.

— Я тогда сбегаю,— Касьян нахлобучил шапку.

Отдав Соне Гришкину пушнину на сохранение, Касьян собрал свою и заспешил в контору. Тут вывалил он из чистого холщового мешка прямо на пол груды меха. Для Касьяна этот момент всегда вроде праздника. Он деланно небрежен к добытой пушнине, разговаривает громко, и совсем не об охоте, а о всяких пустяках. Касьян любит, чтобы в конторе в этот момент были люди — свидетели его охотничьей удачи.

— Можно? — приезжий парень протянул руку, взял темную шкурку соболя. Встряхнул, огладил осторожно.

— Знаешь, какого кряжа? — спросил его управляющий.

Парень отрицательно мотнул головой.

— Баргузинского. Видишь, какой темный? Дорогой. А вот этот енисейского.

— И этот красивый.

— Соболев все ж таки.

— Еще неделю-другую хотел в тайге пробыть, — говорит Касьян, — да вот с Гришкой беда случилась.

— Я, Касьян, хочу спасибо тебе сказать. — Управляющий произнес это серьезно, почти торжественно. — Опоздай еще немного привезти его в деревню, и, врачи говорят, как бы Гришке. И хорошо, что сюда привез, в Беренчай. В Чанинге бы ему тоже как бы пришел. А так — жив мужик остался.

— Я о рации тогда скучал.

— Будут у нас и рации.

— Будут, — Касьян недоволен, — когда еще будут.

— Это вы все один добыли? — приезжий тронул Касьяна за рукав.

— Другие больше добывают, — отвечает Касьян, но видно, что доволен. — Если приживешься у нас, могу тебя в следующий сезон с собой взять. Только пораньше об этом сообщи мне.

— Правда? — обрадовался парень.

— А чего не правда? Тайга большая, всем места хватит. И в зимовьях места хватит. Звать меня Касьяном. Запомни.

— А меня Петром.

— Вот и познакомились. При случае в Чанинге будешь, в гости заходи.

— Так ты о моих словах не вспоминаешь? — спросил управляющий Касьяна. — Ну о том, чтобы переехать вам всей Чанингой сюда?

— Вспоминаю, — ответил Касьян. Он думал о переезде и Иннокентия нашел, лишь бы еще раз убедиться, что переезд нужен.

— Так, значит, убедил я тебя, — расплылся в улыбке управляющий.

— Может, и убедил, — согласился Касьян.

— Я тут для вас, чанинговцев, вырезку одну из газеты принес.

— Можно и прочитать, коли интересно.

Управляющий порылся в столе, достал неровно оборванную четвертушку газетного листа.

— Вот это особенно почитай, — показал управляющий на обведенное карандашом место.

«Давно уже даже в самых медвежьих уголках нашего района стали обычными радиоприемники, фотоаппараты, городская мебель. И процесс приобщения к благам цивилизации продолжается. Люди тянутся к поселкам, где есть клуб, школа, почта, оставляют малолюдные заимки. Рождается тип нового охотника, который по-прежнему любит тайгу, азарт охоты...»

Правильная заметка. Но Касьян знает: ни заметка, ни управляющий не могли бы убедить его в переезде до тех пор, пока не созрело решение в душе. А когда оно созрело? Быть может, когда решил Касьян везти Гришку не в Чанингу, а в Беренчай. Быть может, и в этот момент. Быть может...

Всем интересен разговор между управляющим и Касьяном: и Иннокентию, и приезшему молодому парню Петру.

— Ты ведь, Касьян, для Чанинги как стопорное бревно в заломе. Ты переедешь, и все поедут.

— Ну уж,— говорит Касьян,— я держу! Ну, переедем всей заимкой, а жить где будем?

— Это моя забота. На улице не оставим.

— Ты вот, паря, Петра посели вначале.

— И его поселим. Его-то проще всего — один.

Из конторы Касьян вышел вместе с Иннокентием.

— Чудной народ. Не сидит на месте,— говорит Касьян.— Из деревни в город бежит, из города к нам стремится. Не поймешь, кому и что надо.

— Плохо разве, что к нам едут?

— Да разве я говорю — плохо? Только иной городской поживет, поживет, помучается без сноровки и опять уезжает. Были же такие случаи. А наши молодые ребята в городе по улицам штанами метут.

Кому-кому, а Иннокентию известно все это. Конечно, разве заманишь этим приезжим парнем сыновей Ивана, того самого Ивана, у которого он в дому живет. Сыновья Ивана начали охотиться с детства. И добрыми охотниками стали. Но вернулись из армии, отпромышляли по сезону, насытились тайгой и уехали. Оба уехали. На каких-то курсах теперь в городе учатся.

— Мой Мишка вернется,— убеждая себя, сказал Иннокентий.

Касьян хрустнул плечами, ощупал в кармане пачку денег.

Веселая сейчас для Касьяна улица, добрая. И нынче за белку, не в пример прошлому году, лучше заплатили. В два раза больше.

— Так ты серьезно решил переезжать? — спросил Иннокентий.

Но Касьян не ответил.

5.

Касьян возвращался домой. Еще три поворота реки — и будет старая таежная Чанинга. Можно путь и сократить: махнуть прямо через некрутую, редколесную горушку. Касьян еще сам не решил, каким путем идти, а Сивый уж повернул с реки. Хитрому коняге все тропы известны, а лучше всех — тропа домой.

Некрутая горушка, а пока добрался до верха, ноги у Касьяна налились тяжестью, заныли. Дорога сегодня была дальняя, нелегкая. На перевале Касьян приглядел короткий пенёк, сел покурить. Отдохнуть надо, да и чего спешить — привычное это дело возвращаться из тайги домой.

С горушки вся Чанинга видна, вот она. Все восемь домов. Не прибавилось, не убавилось. Но это видимость одна. Чанинга — пустая наполовину. Вон над берегом стоит заколоченный дом стариков Парамоновых. Уехали Парамоновы еще прошлой зимой. И не куда-нибудь, а сразу в город, к дочери. Плакали старики, говорили, что в городе, видно, придется и помирять, а все ж таки за домом просили приглядывать. Хотя недолго стоять стариковскому дому. Летом речка смиренная, а когда хлынут из тайги снеговые воды, река рушит берег, добирается к постройкам. Еще весна-другая, и все.

Дальше к лесу стоит дом Иннокентия Чертовских. Тоже пустой.

Дом Иннокентия смотрит из-за синего сугроба черными провалами пустых оконных проемов, навевает тоску. Без хозяйских рук враз подкосился заплот, завалилась крыша стайки.

Чанинга — деревня маленькая. Никто ее и деревней-то теперь не называет — заимка. Восемь дворов. А жилых теперь всего пять. Потому что не вернулся из армии в самую крайнюю избу повидавший белый свет сын Ильи Сухого, Иван. А Сухому уже четвертый год идет, как замерз он по пьяному делу.

Сивый дергал повод, торопил домой.

— Успеешь, лодырь! — громко и хрипло сказал Касьян.

А вон и его, Касьяна, дом. Не то, чтобы очень хороший, но свой, уютный. Совсем недавно, минуту назад, над печной трубой не было дыма, а сейчас — дым. Видно, Катерина печь только что затопила. Касьян огляделся: так и есть — собак не видно, уже домой убежали. И Катерина знает, что муж где-то рядом, на подходе, вот и затопила печь.

Но Касьян не спешит. Хорошо ему тут сидеть, усталому, почти на пороге дома и знать, что в этом доме его ждут.

Тем временем еще над одной трубой — в Гришкином дворе — дым затеплился, потянулся к небу. Тоже ждут мужика.

Касьян на минуту представил, что вот он, так же как и сейчас, идет с промысла и для Гришкиной бабы у него черная весть: дескать, не довез он тогда своего спарщика. Так же бы Касьян сидел на пне, так же бы смотрел на свою Чанингу.

Так же бы, да только не так. Черным стал бы для него снег. А в деревню — хоть не показывайся.

Касьян поморщился, повел плечами, прогнал видение.

— Успеешь, лодырь! — опять крикнул Касьян на конягу, почувствовав, что Сивый потянул повод. Но крикнул уже не сердито, дружелюбно.

Сивого дорога сегодня тоже измотала. Касьян видит и понимает, что хочется Сивому скорее домой. Касьян закупил в Беренчае кое-какие подарки, опять же муку и сахар, и вьюк получился нелегким. Так что нелегко Сивому.

Подумал Касьян и о другом соседе своем — Алексее Коробове. Мужик Алексей хороший. Раньше Касьян с Алексеем промышлял и любил ходить с ним в тайгу, хоть Алексей и старше его лет на двадцать. Правда, последнее время Алексей со своей дочерью, Ольгой, в тайгу ходит. Но и нынче старый спарщик звал Касьяна на промысел, да Касьян отказался: решил вместе с Гришкой на дальние участки сбегать.

Сегодня Касьян по-особому разглядывает Чанингу. Будто Чанинга для него уже в прошлое отошла. А для других? Для Алексея, для Гришки? Может, и верно он, Касьян, как стопорное бревно в заломе: поедет, и другие поедут. А потом зарастут дворы бурьяном, зарастут огороды осинником и даже дикие козы будут обходить это место.

Касьян по привычке заплевал окурком, бросил его в снег и трудно поднялся.

За воротами отца встретил пятилетний Сашка. Вокруг Сашки свора собак крутится, машут собаки хвостом, скалят пасти, радуются хозяину.

— Мне хлеба лисичка прислала? — деловито спросил Сашка.

— Прислала, прислала, — Касьян подхватил сына на руки, прижался к нему темной от мороза щекой, услышал, как пахнет от Сашки домашним теплом и почувствовал себя счастливым.

Заскрипели ворота. Катерина шаль не успела надеть, выбежала в одном коротком полушубке.

— С приездом.

Касьян на приветствие не ответил, лишь засмеялся глазами да ласково жену чуть плечом задел.

Радостно Касьяну. Только какими об этом словами скажешь? Нет таких слов. Да Касьяну они не нужны.

Не успел развьючить Сивого, как прибежала жена Гришки.

— А мой где?

Глаза у Гришкиной бабы диковатые, испуганные, рот приоткрыт, словно готова баба сейчас и к радости, и к безудержному горю. Ждут глаза.

— Вот, думаю, коня распрягу и к тебе зайду. — Касьян кряхтя свалил вьюк на землю. — Тяжелый, зараза.

— И верно, Григорий-то где? — удивилась Катерина. — Почему один?

Касьян деланно рассердился.

— Рта раскрыть не дают. Где да где. В Беренчае остался. Управляющий ему велел.

Гришкина жена вроде успокоилась, но тут же снова подступила с расспросами.

— Да как вы в Беренчае-то оказались?

— Стало быть, надо стало. — Касьян посчитал, что этого ответа вполне достаточно. — Гуляй, Сивый, отдыхай, — хлопнул он коня по крупу.

Женщины переглянулись, но спрашивать больше ни о чем не стали: осердился мужик по-настоящему.

— Экий вы народ, — пробурчал Касьян. — Все вам сразу, без остановки выкладывай. Нет, чтоб, как водится, накормить, напоить, а потом уж расспросы вести... Ты не уходи, — кивнул Касьян жене спарщика. — Тут Гришка тебе кой-чего прислал. Дай только груз домой стаскать. А то сяду и меня уже не поднимешь. 17

В избе Касьян разделся, сбросил изопревшие олочи, сел на лавку, вольно привалился к стене. Ноют у Касьяна ноги, ломит тело, но все равно ему хорошо.

Маленький Сашка забрался к отцу на колени, тербит его за бороду. Касьян опустил сына на пол, дал легкого шлепка. Сашка не обиделся, сказал сурово:

— Большой, а дерешься.

— Разве можно отцу так говорить? — кинулась к нему мать.

Касьян считает, что растить детей надо в строгости, но Сашке прощает пока многое: мал еще.

— Пойдем лучше, сына, вьюк разберем, посмотрим, что там тебе лисичка послала.

— Пойдем, — обрадовался Сашка.

Ждать подарков от лисички научила соседская Оля Коробова. Сашка и сам уже знал, что в лесу живет лиса, а что она хитрее волка и медведя — не знал. Не знал он, что лиса еще маленьких ребятишек любит и часто присылает им подарки. Это Сашка узнал уже от Оли. Теперь, когда отец приходит из лесу, Сашка обычно спрашивает:

— Ты лисичку видел? А она мне гостинец прислала?

Отцу, хочешь не хочешь, надо приносить подарки от лисички. От лисички даже черствый промерзший хлеб Сашка ест с удовольствием.

Вьюк большой — из двух тюков. Касьян развязал один из них, не спеша стал доставать мешочки, туго обмотанные бечевой свертки, банки. Женщины любопытны не меньше Сашки, ощупывают каждый сверток, стараются угадать, что в нем.

— Это Григорий прислал, — показал Касьян на несколько объемистых мешочков.

Женщины не утерпели, сразу развязали мешочки: что в них? Григорий прислал, оказывается, самое необходимое: муку, сахар, дрожжи для стряпни, ребятишкам мелкие подарки.

Тем временем вечер уже подобрался, посинели окна. Катерина лампу зажгла. Касьян хотел попросить зажечь еще одну лампу — темно, — но вспомнил, что в доме керосину осталось, должно быть, всего ничего, промолчал.

— Да как же вы в Беренчае-то оказались? — снова подступила к Касьяну Гришкина баба.

18 Катерине это все, вроде бы, без интереса, разбирается себе с покупками, но

Касьяна не проведешь: видел он, как Катька жену Гришки в бок подталкивала. Касьян ухмылку в бороде спрятал.

— Приболел твой мужик маленько, вот мы и решили крюк сделать. Да ты не пугайся, — сказал Касьян, увидев, как у бабы округлились глаза. — А управляющий наш и сказал Григорию: дескать, поезжай в район, отвезешь там бумаги какие-то и за попутьем врачам покажешься.

Касьян вранья не любил, но тут куда денешься: плачь, да ври. Бабы народ дурной, скажи им правду про Гришку, еще крик поднимут, а женка его так и спать перестанет.

И еще Касьяна мучит: надо бы сказать людям, что уехать он решил и им того советуется, но не повернется язык вот так сразу сказать такое. Касьян мужик решительный, а эти слова отложил до подходящего случая.

За окнами шаги слышались. Не иначе, как идут мужики Касьяна проведать, расспросить, как промысел был.

Чанинга — деревня без дорог. Только слабые тропы вьются вокруг деревни, да и то до первого ветра — враз снегом заметет. И тогда неделями вокруг деревни нетронутый белый снег. Ти-ихо живет Чанинга, так же тихо, как падает в теплое безветрие снег с низкого неба. Поэтому возвращение охотника с промысла — событие большое. Для всей деревни. Тут уж соседи дома не усидят. Касьян это знает. Вот и еще одни шаги к дому скрипят.

6.

В доме пекут хлеб. Квашня с тестом из новой муки, поставленная с вечера, ко времени не укисло и теперь — зимнее солнце давно над деревьями — Катерина все еще возится у широкого зева русской печи.

Чанинским печам завидует всякий, кто вольно или невольно попадает в эти места. Даже в Беренчае во многих новых домах стоят железные печки: кирпича из города в такую даль не навозишься. Выстраивают дом и, хочешь не хочешь, железную печь ставь. Пока топится — жарко, хоть до исподнего раздевайся, а прогорели дрова — холод сквозь стены лезет.

А в Чанинге печи из битой глины. Били глину в давние неторопливые времена

Дюжие мужики, били до пота, до ломоты в спине. Но зато печи получались хорошие. На век. Сгорит, бывало, дом, а печь стоит целехонькая. Расчищали пожарище и новый дом ставили вокруг печки.

Стряпать хлеб — работа жаркая. Катерина, пока садилась да вынимала хлебы, притомилась. Опустилась на лавку, поправила выбившиеся из-под платка волосы, огладила расплывший живот. Посмотрела в сторону широкой деревянной кровати.

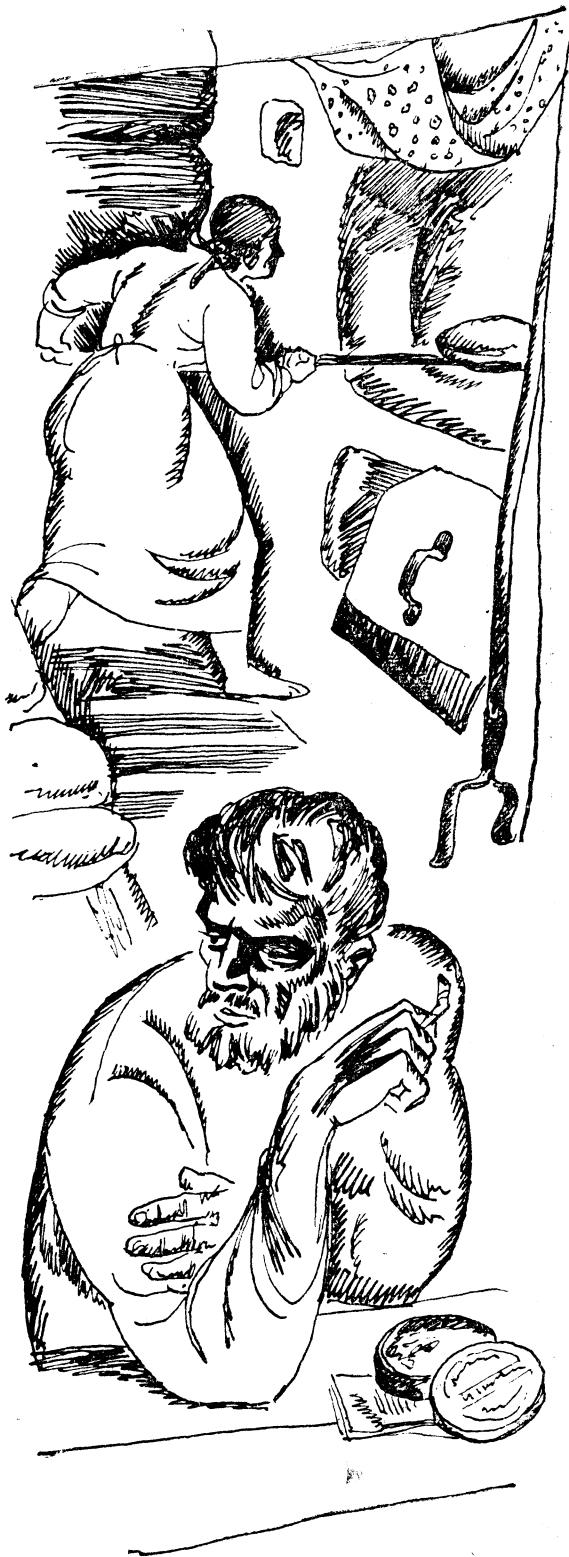
— Проснулся уже? Приснилось чего?

— Ничего не приснилось, — с хрустом потянулся Касьян.

Любит Касьян, когда в доме пекут хлеб. Добрый он в такой момент, распаренный. Катерина его тогда хоть ругай — только улыбаться будет.

Касьян в первые дни по возвращении из тайги отдых дает себе, рано с кровати не поднимается, спит, пока спится. А проснется — тоже вставать не спешит. Потихоньку, лениво вспоминает, что было, думает о том, что будет. Да и вообще, какие бы мысли в голову не пришли, — Касьян их не гонит, мысли сами по себе, а Касьян сам по себе: будто листает он давно знакомую, но уже немного забытую книгу.

Вдоль стен, на широких лавках, лежат круглые, исходящие сытым теплом караваи. Их много, этих караваев, с хрусткой, желто-коричневой корочкой. Печь хлебы Катерина умеет. Легкая у нее рука и нрав веселый. И получает хлеб и сытный и легкий. А вот у Затесихи, чей дом напротив стоит, доброго хлеба не съешь. Нрав у Затесихи такой, что в прежние времена ходить бы ей в деревенских колдуньях. Да и сейчас, когда в каком дворе у коровы молоко пропадает или поросенок ненароком сдохнет, бабы на Затесихин дом с недовольством поглядывают. Раньше-то вот, говорят, какие колдуны да ведьмы всякие были. К примеру, ударит себя в руку или ногу ножом, всенародно ударит, кровь начинает хлестать, а рукой проведет, закроет рану — и, пока курильщик трубку курит, нет крови и раны нет. Будто и не было. Даже царапины нет. Понятное дело: глаза отводили, или, как теперь говорят, — гипноз. А теперь, как появилось радио да самолеты со взрывами стали над тайгой летать, знахари повывелись: веры им стало меньше. Заодно повывелись и те, кто травы всякие знал и ими людей от всяких болезней пользовал.

Как-то ночевала в Чанинге маленькая экспедиция, объясняли люди из той экспедиции, что травы целебные ищут. И ругались, что забывают в народе про эти травы. А кто и знает, так таится или только своих людей ими лечит.

Хотя как не таиться. На памяти Касьяна ругали этих травников-знахарей и в газетах, и по радио. Всяко ругали. Сейчасто вроде наоборот говорят, мудрость народная. Но как старикам не опасаться: еще неизвестно, куда все это повернет. А старикам тишины, покою, тихой ласки хочется.

— Муку ты нынче хорошую привез, не то, что в прошлый раз.— Катерине хочется с мужем поговорить.

— Какая была, ту и взял,— лениво отвечал Касьян, но ему приятно, что Катерина хвалит купленную им муку.

— Хорошей только надолго не хватит. Быстро съедим.

— У Семена я еще куль оставил. Поедет скоро сюда за рыбой да погостить — захватит.

— Семен приедет? А что ж ты молчал, не сказывал?

— Говорил я вроде,— вспоминает Касьян.

— Ничего ты мне не говорил.

— Не успел, значит.

Катерине снова к печи надо, а у Касьяна мысли уж по другому руслу текут.

В прошлую зиму добыл Касьян на промысле не то чтобы очень уж хорошо, но на удачу грех жаловаться: двадцать три соболя и восемь десятков белок. Много вроде. Да, так оно и есть — много. Соболишки вкруговую по сорок рублей отошли. И получил Касьян за пушнину больше тысячи. Но если на год эти деньги разбросать, так на месяц не так уж густо получится. По девяносто рублей не натягивается. Вот и живи не тужи. Из этих же денег припас покупай, собак корми и сам кормись. Одежонку справлять — опять деньги выкладывай. В городе ли, в леспромхозе ли народ, не в пример здешним справным охотникам, намного денежней живет.

Нынче Касьян не меньше прошлогонего добыл. Если бы не Гришкина болезнь, еще недельку можно было бы промыслить. Но денег нынче в доме побольше будет: пушнину стали принимать по новой цене. Белку так совсем хорошо наценили — в два раза. На соболишек, правда, не набросили, но зато штук пять соболей

у Касьяна черненьких, на особицу дорогих.

— Вставать, что ли? — вслух подумал Касьян.— Как, Катя?

— Мне хоть до вечера лежи.

— Не-е, видно, встану.

Касьян босиком протопал по широким половицам, сел к окну, где на подоконнике обычно стояла банка с махоркой, свернул самокрутку. Из этого окна и двор видно и заимка, как на ладони, маленькая, придавленная снегом. От пяти домов сбегаются у речки узкие тропинки. Все видно: кто куда пошел, где что делается.

Кругом, куда ни посмотри, чернеет тайга. Еще вчера она была белая, а теперь — черная. Ночью, не переставая, ревел северный ветер, качал деревья, сбивал снег.

Из-под навеса вылезли, потягиваясь, собаки. Они широко раскрывают красные пасти, встряхивают заиндевельными шубами, вопросительно смотрят в окно.

«Мороз. Солнце-то в рукавичках»,— подумал Касьян, увидев около солнца два желтых полуджыя. Воздух, пропитанный светом, льдисто искрит, будто загораются крошечные морозные огоньки и тут же гаснут, чтобы сразу же загореться и снова погаснуть.

— Сашка-то где?

— К Коробовым убежал.

— Может, и мне к Алексею сходить?

— Отнеси им парочку караваев. Они за новой мукой еще не ездили. Выбери покрасивше.

Тихо зимой в Чанинге. Один день на другой похож. Ребятишек и тех не видно. Семь лет исполнится — уезжают учиться в школу-интернат, возвращаясь на короткое, звенящее комаром лето. После школы — город. Закрутятся в пестрой толпе, заблудятся в каменной толчее домов, да так и не найдут дороги в таежную Чанингу. За последние годы только одна Оля Коробова вернулась, да и то нужна привела. Жена Алексея Коробова, мать Ольги, прихварывать стала. Трудно ей за коровой ходить, дом вести. Плакала Ольга, тосковала без подруг, да что сделаешь: судьба. Но, видно, и Ольгу скоро придется отпускать. К тому идет: Ольге в Чанинге замуж ни в жизнь не выйти. Потому как не за кого. Так что Коробовым хоть плачь, да отпускай Ольгу.

Постепенно Ольга к охоте пристрастилась. А нынче уже уходила на промысел. Алексей понимает: без настоящего дела

человеку нельзя, враз опаскудиться можно. А потому даже против жены пошел, купил Ольге ружье, широкий тяжелый нож.

Сам Алексей в тайгу с двумя собаками ходит, а дочери собрал целую свору рослых псов. И даже Карам не пожалел, отдал. В Чанинге вообще собаки крупные, а среди них беломордый Карамка выделяется мощными лапами, широкой грудью. Ольга, зная, как любит отец беломордого пса, отказывалась от щедрого подарка. Но отец свое слово сказал, значит быть тому.

— У тебя собаки молодые, случись что — оробеть могут. А Карам всегда оборонит-выручит. Проверено.

Касьян с Алексеем дружат по-соседски. Хоть и разный у них возраст, а дружат. Если есть мясо в одном доме, значит и в другом есть. И Касьяну в доме Коробовых всегда рады.

— А я к тебе собирался пойти,— встретил Касьяна Алексей.— Хорошо, что ты сам пришел.

В избе у Коробовых просторно, чисто. На стене висят рога громадного лося, того, что свалил Алексей в прошлом году. Над кроватями вместо ковров прибиты шкуры лосей. Только над кроватью Ольги дорогой ковер ручной работы.

Жена Алексея отложила в сторону шитье, тяжело на рыхлых ногах поспешила к печке.

— Садитесь к столу, чаем поить вас буду. С твоим хлебом.

— А я тебя на рыбалку хочу сбивать, — Алексей потянул гостя к столу.

— Давай. И сбивать меня нечего: сам про рыбалку подумываю. Только поедем через недельку. Семен, понимаешь, приедет. Просил с ним на круглое озеро сбегать.

— Через неделю так через неделю,— легко согласился Алексей.— А я за эти дни сена привезу.

Раскрасневшаяся с мороза в избу влетела Оля с Касьяновым Сашкой на руках.

— Здравствуй, красавица,— ответил Касьян на приветствие девушки и вдруг увидел, что Ольга и впрямь красавица. И еще Касьян почувствовал грусть, которая неизвестно какими путями прихлынула к его душе. Грусть не за себя, скорее за Ольгу: кому ей в Чанинге красоту свою показать, кого обрадовать своей красотой, кому отдать эту красоту?

7.

Гость из Беренчая приехал раньше, чем обещал. Да не гость, а гости.

Касьян снова тогда сидел у Коробовых, вел неторопливые разговоры, курил махорку. За окном предупреждающе залаляли собаки.

— Чего это они дурят?

Касьян потянулся к заледеневшему окну.

— Едет кто-то, паря.

Гости в Чанинге бывают редко. Новый человек — событие. Мужики быстро оделись, вышли за ворота. Собаки лаяли еще громче, азартнее, сгрудились вокруг людей.

По речке движется черная точка. Снег спит, и не поймешь, вершим кто едет или в санях.

— Далеко услышали,— кивнул Касьян на собак.

Ольга выбежала за ворота без шубейки, и Алексей строго сказал дочери:

— Сбегай оденься, а то не заметишь, как в сосульку превратишься. Холод.

Когда Ольга вернулась, можно было уже разглядеть, что едут двое, в санях.

— Кому бы это быть?

— Промхозовское начальство, кому еще.

— Братуха, может, но рано еще,— вслух размышляет Касьян.— Через неделю только обещался.

Собаки кинулись с крутого бугра на лед реки, навстречу саням. Они покрутились около лошади и прямо снежной целиной, проваливаясь чуть ли не по грудь, вернулись к домам. Лаять они перестали, а некоторые дружелюбно виляли хвостами.

— Свои,— убежденно сказал Алексей.

Седоки соскочили с саней, пошли рядом. Конь вынес сани на бугор. Одного из приезжих признали издали: старший брат Касьяна — Семен. Другой — в длинной оленьей дохе — Алексею не знакомый, но Касьян сказал:

— Да это Петро. Городской парень в Беренчай переехал, охотником решил стать.

— Здорово! Не ждали гостей? — закричал Семен еще издали. Он сбрасывает лохматую рукавицу, идет к встречающим с протянутой для приветствия рукой.

Здороваясь с Петром, Касьян сказал дружески:

— Ты на корреспондента похож. Фотоаппарат на шею повесил.

— Он всю дорогу щелкал своей игрушкой,— сказал Семен, отдирая с усов ледышок.— И вчера, пока ехали до ключа. Мы на ключе и ночевали седни. Руки морозит, а снимает. Погреет эту игрушку на груди и снова снимает.

— Места уж очень красивые. Не удержишься.

— Молодец, что приехал,— похвалил парня Касьян.

От избы с любопытством глядят люди: кто приехал, к кому? Через заплот завистливо Затесиха поглядывает. Сам Затесов за ворота вышел. От другого дома другой Затесов, однофамилец и недруг первого, смотрит. Из окон смотрят белые расплывчатые — обледенелые окна — неясные лица.

С крыльца Катя кричит:

— Чего людей морозишь? Веди скорее в дом.

— И верно,—Касьян взял лошадь под уздцы, — пойдете в тепло. И ты, Алексей, заходи с гостями посидеть, поговорить.

Касьян гостям коня распрягать не позволил, сам занялся.

— Вы же с дороги, пристали.

Петр со двора не уходит, ждет хозяйна. Ему, видно, здесь все ново, интересно: орава веселых собак, крутящихся вокруг саней, шкуры, прибитые к стене дома с наветренной стороны, связка сизовых капканов. Касьяну хоть и приятен интерес гостя, но он и его в избу прогнал.

— Иди, иди, отдыхай.

Петр старательно обмел голиком снег с валенок, сбросил в холодных снях доху, прошел в избу.

Катя быстро сгношила стол: гости с дороги.

— Может, строганинки,— спрашивает Касьян Петра.

— Не ел никогда,— Петр посматривает солнечно.

— Тащи,— командует Семен.

Касьян выскакивает из-за стола, возвращается с улицы с большим куском мерзлого мяса.

— Сохатина.

— А ты знаешь,— поучает Семен новичка,— дикое мясо самое легкое. Ешь его сколько хочешь — тяжело не будет.

Касьян широким ножом гонит по мясу красную стружку.

— Вот и строганина. Соль, перец — и ешь.

— А с выпивкой еще вкуснее,— громко смеется Семен.

Спать легли поздно. Ехать на озеро решили завтра, не откладывая. Касьян хотел отложить рыбалку еще на день, но Семен неожиданно заупрямился:

— Если бы ты знал, сколько я об этой рыбалке думаю, не стал бы отговаривать.

— Так переезжай сюда и хоть каждый день рыбачь.

— Что я — дурак? — ответил Семен.

— А я, значит, этот самый, меня, значит, в детстве на голову роняли? — обиделся Касьян.

— Спать давайте, полуночники.

Касьян лежит в темноте, заснуть не может. Да и не хочет. В окно остро смотрят звезды, слышно, как за стеной шуршит сухой снег. Хорошо лежать Касьяну, мирно, но только вместе с тем глубоко в душе шевелится маленький лохматый комочек — обида. И не поймешь, от чего обида. Все вроде есть: и дом, и дети, и охотничья удача. Но будто обманули в чем-то его, Касьяна, обошли. Кто обошел, в чем обошел? А может, от слов Семена шевелится этот лохматый комочек?..

На озеро вышли поздно, уже по обграву.

— Все равно сегодня сети бы нам не поставить,— объяснил Касьян.— Так чего ради утром по самому морозу бежать? А Петро, к примеру, совсем к морозу должен быть непривычный.

Петр с фотоаппаратом не растается. Все фотографирует подряд: лошадей, на которых навьючен груз, собак, мужиков, мужиков с собаками, заснеженные деревья.

— Пленку тебе не жалко портить? — спросил Касьян.

— Да кадры же интересные. А пленки хватит.

— Тогда мне карточки, может, сделаешь? Сашку особо хочется снять. Потом бы ему лет через пятнадцать показать: смотри, мол, какой ты был.

Петр рад Касьяну приятное сделать.

— Непременно Сашку сфотографирую и вышлю.

— А чего, Алексей, я твоей помощницы не вижу? — Касьян легонько толкает приятеля в бок.

— Ну куда я без нее? Ольга еще раньше ушла. Пальника, говорит, может, подстрелю.

— Пальник — это тетерев по-нашему,— объяснил Касьян Петру.

Почти сразу же за деревней построились по-походному — в один след. Впереди маленького отряда идет Семен, ведет в поводу лошадь. Шагает Семен широко, плотно вминает снег. Следом — Касьян, ведет своего Сивого. Дальше — Алексей. Петр то идет самым последним, то обгоняет отряд по рыхлому снегу и щелкает фотоаппаратом.

— Смотри, парень, пристанешь. Путь хоть и недалекий, а все же...

Одет Петр, как и все, легко и тепло. И видно, что радуется этой легкости и теплу, этой непривычной для горожанина одежде. На ногах у него легкие олочи. Тепло в олочах на ходу. Горят ноги. Старая ондатровая шапка Касьяна пришлась ему впору. Штаны из шинельного сукна, суконная куртка перехвачена ремнем.

Собаки куда-то, по обыкновению, убежали. Изредка они появляются далеко впереди черными точками и снова исчезают.

Часа через полтора хода сделали привал. Смели снег с поваленного дерева и сели. Закурили. Пополз в морозном воздухе синий табачный дым. Мужики лениво смотрели на облака, на снег, на деревья.

Меж заснеженных елей, ныряя, пролетел дятел. Он пристроился высоко на сухой лесине, заскользил еще выше. Стукнул несколько раз, недоверчиво склонил голову набок. Лесина ему чем-то не понравилась, дятел сорвался с дерева и в три пологих нырка исчез. Словно его и не было. Только несколько желтых сосновых чешуек, планируя, спускались на снег.

— Смотри-ка, вроде Ольга бежит.

Алексей приподнял голову.

— Она, кому еще.

— Быстро бежит.

По небольшой ложине, чистой от леса, движется темная фигурка. Впереди несколько собак. Обогнал всех рослый грудастый пес.

— Карам!

Пес прижимает уши к голове, машет круто гнутым хвостом, трогает Алексея тяжелой лапой.

Петр хотел было погладить собаку, но Карам вопросительно повернулся, и парень отдернул руку.

— Не бойся. К людям он добрый, — бородатый, краснолицый Алексей треплет пса по загривку.

Вскорь подъехала Ольга. Она сняла

широкие, подбитые лосиным камусом лыжи, поставила к дереву тозовку.

— Одну только белку и встретила.

Девушка бросила понягу с привязанной за голову дымчатой белкой с пышным рыжеватым хвостом.

— Краснохвостка.

Одета молодая охотница не в серый суконный зипун, а в короткую оленью парку. Вместо олоч — высокие, расшитые разноцветными кусочками кожи, унты.

— Медленно же вы едете, — голос Ольги звонкий и прозрачный, как ледяная сосулька на солнечном ветру.

— Тебя ждем, — засмеялся Семен. — А где «здравствуйте»?

У Ольги розовое от холода и смущения лицо, чуть вздернутый нос, милая улыбка.

— Ой, здравствуйте! А я и забыла.

Мужики бросили в снег окурки, легко поднялись на ноги.

— Идти надо. Так просидеть до вечера можно.

— И мне пора, — объявила Ольга.

— Я, пожалуй, тоже по крайку леса пробегу, — сказал Касьян и снял с вьюка широкие лыжи.

— Красивые у тебя лыжи, — похвалил Петр. — Я еще никогда на таких не ходил.

— Наука не хитрая. Хочешь, так я тебе свои дам. — Алексей подошел к лошадям, снял притороченные к вьюку лыжи. — Вот!

Крепление лыж пришлось впору.

— Вот теперь ты похож на настоящего охотника. Ружья только не хватает.

Но нашлась и тозовка: Семен отдал свою.

— А вы меня берете? — шутливо спросил Петр Ольгу.

— Пойдемте, — Ольга засмузилась, отвернулась и быстро пошла, раскачиваясь в такт шагам.

Собаки, лежавшие в снегу, вскочили на ноги и, обогнав девушку, кинулись в чащу.

Алексей хотел что-то крикнуть вслед, он уже набрал полную грудь воздуха, но потом махнул рукой.

— Увела девка парня, — хохотнул Касьян и, не спеша, пошел следом.

Петр нагнал девушку одновременно с Касьяном. Да он бы и не догнал ее, если бы Ольга сама не остановилась.

— Пойдем медленнее. Задохнулся.

Ольга с удивлением посмотрела на него: парень, а признается, что сразу устал. Но ничего не сказала.

По лесу на лыжах идти трудно. Зава-

лы колодника, путаная чаща подлеска сдерживают бег. Да и нельзя назвать бегом ходьбу на охотничьих лыжах. Не проваливаешься в снег — и то хорошо.

Касьян пошел теперь чуть в стороне от молодежи, будто он сам по себе, а они — Ольга с Петром — сами по себе.

В чащу ветер не прорывается. Молодой сосняк и ельник стоят в снегу. На одной широкой еловой лапе, пригнутой к земле, Петр и Ольга увидели рысь. Снег причудливо вылепил фигурку зверя, и нужно совсем немного воображения, чтобы увидеть не ком снега, а рысь. Даже уши у снежной кошки есть и один глаз.

— Оля, смотрите. Забавно, правда? На рысь похоже.

— Похоже. Я видела. Только вам не стала говорить, думала, смеяться будете.

— Что вы, разве над этим смеются?

Ольга оживилась, обрадованно посмотрела в лицо парню.

И Касьяну опять отчего-то радостно и чуть грустно. Давно в Чанинге никто так не разговаривал. Да и некому так разговаривать. А для Ольги сегодня праздник, видно. Мало девке надо: идет рядом хороший парень и праздник уже.

Касьян сам себе не понятен: стал замечать то, на что раньше бы и внимания не обратил, думать о том, что раньше бы и в голову не пришло. Вот эта Оля Коробова... Сыта, одета — значит, хорошо живет, думалось. А чего хорошего? Первый раз так Касьяну подумалось: чего хорошего в одной еде? — и не показалось кошунством.

Кто-то, Петр или Ольга, тронул нечаянно ветку, рысь скользнула вниз и рассыпалась в сверкающую пыль.

— Жалко.

— А знаете, в лесу часто такие фигурки встречаются. Иногда старичка с палкой, сгорбленного такого, увидишь, то медведя на задних лапах. А вот сегодня рысь. Вроде просто снег лежит, а приглядишься...

Ольга говорила, смеялась, а голос ее вызывал в памяти Касьяна солнечный день ранней весны, сосульки, свисающие с крыши к наличникам окон, разрисованных русской деревянной вязью, ветер и серебряный звон, который вот-вот должен раздаться. Вот-вот, сейчас...

Чаща неожиданно кончилась, и они вышли к низине, заросшей ерником. По

середине круглой низины небольшой островок высокого леса: темнели хвойные

деревья, а над ними голые вершины тополей. На тополях несколько черных точек.

— Пальники, — шепнула Ольга. — Далеко больно.

В ерниках на лыжах совсем плохо идти. Пришлось их снять. Жесткие кустарники не пускают, царапают лицо. Искали обход по замерзшим болотцам, изредка поглядывали на вершину тополей: сидят еще тетерева, не улетели.

Когда подошли настолько, что птицы стали крупными и четкими, Касьян, шедший впереди, остановился. Он уже хотел поднять винтовку к плечу, но, увидев, каким азартом светится лицо Петра, чуть отодвинулся и шепнул одними губами:

— Стреляй.

Сухо щелкнул выстрел, словно сучок под неосторожной ногой переломился, а птицы продолжали сидеть, как ни в чем не бывало. Только шевельнулся один пальник и замер снова.

— Теперь ты стреляй.

— Все втроем, — снова одними губами сказал Касьян.

Три выстрела слились почти в один. Птицы тотчас сорвались с голой вершины, но одна из них, перевертываясь в воздухе, врезалась в снег. Петр, не разбирая дороги, напролом через замерзшие кусты, кинулся к деревьям. Следом — Ольга.

На выстрелы прибежали собаки. Раскрыв пасти, они тяжело прыгали, проваливались в сыпучий снег, обгоняли людей.

— Назад! Карамка, назад!

Петр поднял убитого косача, а Ольга отшвырнула ногой молодую собачонку, которая, азартно взвизгивая, прыгала вокруг парня, стараясь вцепиться в бок птицы.

Подошел Касьян. Прикинул птицу на руке.

— На варево хватит. Ну, а теперь пора нашим на след выходить.

Одолев ерники, вышли в чистый кедровник и снова стали на лыжи. Солнце рыже просвечивало из-за верхушек деревьев и клонилось к западу, и Касьян решил спешить. Пока догоняли своих, Петр взмок и теперь просился сесть отдохнуть, но Касьян строго сказал, что садиться сейчас ни в коем разе нельзя и надо хоть как, но идти.

— Да тут уж близко совсем, — сказал он, успокаивая. — Километр, не больше. Озеро-то вот оно уже.

Вскоре увидели зимовье. Оно спряталось в снегу, у самого края леса. Да его и заметили бы позднее, если бы не слабая полоска синего дыма.

— Кто бы это мог? — Касьян, шедший теперь впереди, остановился и подождал, когда поровняется с ним Алексей.— Из Чанинги кто ушел в эту сторону?

— Никто не уходил. Да и следы бы увидели. А то ведь никаких следов не пересекали.

Когда подошли ближе, удивились еще больше: следы крутятся только у самого зимовья и не отходят дальше чем на десять метров. Самая набитая тропа — к поленице дров, которую заготовили Касьян с Алексеем еще прошлой весной. Поленица была большая, а теперь от нее осталось всего ничего. В наметенных с заветренной стороны сугробах ямины: брали отсюда, видно, снег для воды.

Алексей снял с плеча ружье.

— Неладно что-то.

Касьян сделал крадущийся шаг вперед, но в этот момент за скрипела дверь зимовья. В дверном проеме человек, заросший щетиной. Человек сказал хрипло:

— Я знал, что вы все равно придете.

На человека смотрели с изумлением.

— Не узнаете меня, что ли?

Семен шагнул вперед, словно не доверяя себе, дотронулся до одежды мужика, посмотрел пристально.

— Ты, Степан?

На лицо Степана напозла улыбка.

— Признал, значит.

— Признал. А о тебе в Беренчае уже беспокоиться начали.

Теперь Касьян признал мужика. Видел его раз или два в Беренчае.

— Да как ты сюда попал?

— Куда сюда? Место как это называется? — Степан смотрит напряженно.— У меня ведь мозги чуть в сторону не съехали — пытался понять, где нахожусь.

— Отсюда до Чанинги ходу часа три. А это озеро Круглое.

— Вон ведь куда упорол. Блудил я.

— Понятно,— соглашается Касьян.— В зимовье пошли.

В зимовье, на розовой от жары печке, кипел чайник.

— Хлеб у вас есть? Заголодал,— Степан показал на пустой стол.

Алексей занес в тепло мешок, достал

круглую булку. Ножом отвалил большой ломоть.

Степан торопливо налил кружку кипятку, схватил ломоть. Тут уж не до разговоров. Степан старается есть без жадности, аккуратно, но он не может совладать с собой, чавкает, давится.

На Степана смотрят с жалостью.

Степан в тайге, можно сказать, человек новый. Приехал из города в прошлом году и поселился в Беренчае. Поговаривали, что в городе, на заводе, Степан в уважении у начальства ходил. И в трудовой книжке благодарности записаны и похвальные листы имеет. И квартира была у Степана не чета деревенской: паровое отопление, водопровод. По мнению многих, новосел глупость сделал: в городе и магазины, и кино, и люди всегда как на праздник одеты. Надо поехать — сел на трамвай и за три копейки в другой конец города уехал. Часы на производстве отработал — иди домой, ложись на диван, смотри телевизор, и никто тебе слова не скажет.

А Степан одно твердит: в тайгу хотелось, поохотиться всласть.

— Дед у меня охотником был. А отец в город уехал. Я уж в городе родился. Но, видно, осталось что-то во мне дедовское. Всю жизнь думал в охотники податься,— так Степан объяснил свой приезд.

Первую осень Степан, можно сказать, ничего не добыл. Собак добрых не было: потому как никто хорошую собаку не продаст. И не столько заработал, сколько обносился. Камусы да олочи и то ему надо было купить. Шить олочи, одежду — опять людей проси: жена не умеет. Зимой и лето кой-как перебивался. Глухарей стрелял, рыбу ловил. Но это достатка в дом не принесет.

К нынешней осени, вроде, приготовился. Щенят от хороших собак взял, подростил. Но от собак-первоосенок пользы тоже немного. В октябре ушел Степан с двумя охотниками из Беренчая — Федькой и Иваном Макарычем. Спарщики уже две недели как из тайги, а новосел остался.

Степан ест, а Касьян смотрит на темное лицо мужика, старательно курит. Постепенно в глазах Степана тухнет голодный блеск.

— Как ты один на смелился охотиться, Степан?

— А что мне оставалось делать? Этой осенью все на карту поставил. Думал: до-

буду что-нибудь — останусь в Беренчае. Нет — вернусь в город. И не ленился вроде. Не позднее спарщиков вставал. Но они десять белок добудут, а я две. Они соболя принесут, а я снова две белки. Вот и решил остаться. Иван Макарыч своих собак дал. Спарщики хорошо добыли, им домой хочется. Мне тоже домой хочется, а нельзя.

Степан говорит медленно, глухо, словно для себя, но видно, что он сдерживается, не дает воли обиде.

— Ну правда, в первые дни, как мужики ушли, словно стало получаться: иногда чуть не до полночи белок обдирал. На третий день соболя собаки загнали. Со всем весело стало. Думаю, пошли дела...

Ольга тем временем ужин сварила, налила дымящееся варево в большую общую миску, позвала всех к столу.

Степан ест и успевает рассказывать:

— А потом занепастило, снег повалил. Собакам трудно стало работать — снег глубокий. Шарик Ивана Макарыча не пошел со мной промышлять. А затем в деревню убежал и других собак увел. Понятно: не хозяин я ему. Два моих песика остались. Их-то я из рук выкормил.

Чуть стало вечереть, а в зимовье уже густо набились сумерки. Пришлось зажечь жирничок. Дверку печки открыли — все светлее будет.

— Не знал я что-то и не видел твоих собак, — подал голос из темного угла Семен. — Где они?

— Сейчас все расскажу. Потом, когда непогода кончилась, думаю, схожу на соседний хребет. Там-то и подкараулило несчастье. На хребте мои песики след соболя взяли. Подучились около собак Ивана Макарыча. Долго гнали, чуть не до вечера. А все равно идти надо. Возвращаться пустым никак нельзя. Соболишка вроде как с хитрецей оказался. Проложил след около выворотня, а под выворотнем — берлога. Песики след бросили и к берлоге... Тут и я подбежал.

Степан рассказывает, и Касьян ясно видит, как всплыл внезапно в снежной пыли медведь, рявкнул и поднял на охотника когтистую лапу, но кинулась вперед собака и покатилась, хрипя, с разорванным боком. Охотник хотел укрыться за спасительное дерево, но подскользнулись ноги, обутые в раскатанные олочи. Только заплочная накидка осталась в лапе зверя. Благо, накидка эта была пришта слабо и неумело.

— Подтянул бы тебя косматый за накидку — не ушел бы, — говорит Касьян.

— Известно.

— Не мешай, Касьян. — Семен шелестит бумагой, заворачивает новую самокрутку. — Говори, Степан.

— Да уж, вроде, все рассказал... Пока я в сторону отползал да ружье в снегу шарил, медведь вторую собаку убил и ушел. Тут уже ночь — решил я утро ждать. А сам боюсь. Не сплю. Думаю, воротится хозяин, что я с тозовкой сделаю.

— Не воротился бы.

Степан на слова Алексея внимания не обратил.

— Ночью опять снег. А утром блудить начал. В своих следах не разберусь. Да и не пойму — то ли мой вчерашний это след, то ли кто раньше ходил. Не могу понять, где я, да и только. Четверо суток шатался, пока на это зимовье не вышел. А уж думал — замерзну. Когда зимовье нашел, решил — никуда не пойду. Людей буду ждать. В зимовье-то кой-какая еда была. Да и страшно в сторону отойти. Поверьте, за сушиной боялся сходить, поленицу жег.

Семен вздыхает по-стариковски.

— Эх, жизнь наша... Вот в городе женщины воротники всякие носят и не знают, как они достаются...

В зимовье накурено, тянет дымом из прогорелых боков печки. У Петра першит в горле, он кашляет.

— Дверь приоткройте. Сядьте к двери, — заботливо советует Ольга.

За бревенчатой стеной дышит тайга. Тонко сочится ветер в щели избушки, в узкий притвор двери наматывает снег.

Тихо стало в зимовье. Степан все сказал, а другим сейчас ничего говорить не надо: слова утешения — пустые слова. Каждый о своем думает. Касьян внимательно, будто впервые увидел, посмотрел на Петра. Может и этого парня такая же, как и Степана, судьба ждет. Помытарится и снова уедет в свой город.

Но Петр, словно услышав Касьяновы мысли, чуть заметно Касьяну головой кивнул: не бойся, дескать, не испугался я.

Городской Степан в город уедет, а он, Касьян, Чанингу оставит и в Беренчай укроется.

Касьян почувствовал себя так, словно поймался на чем-то не совсем порядочном, но оправдание чему легко найти. Память услужливо зажигала огоньки над недавно прошедшими днями, и Касьян то

видел запруженную ребятами беренчаевскую улицу, то видел уныло-пустую Чанингу, то многоголосую веселую толчею беренчаевского магазина, то опять Чанингу.

«Болею я, что ли?» — подумал Касьян. Поднялся с нар и вышел на улицу. Одному на улице хорошо думать. И здесь мысль о переезде уже не показалась ему ни внезапной, ни в чем-то стыдной. Жаль только, он Алексею о переезде еще не сказал, все удобного случая искал.

Касьян присел на почерневший от дождей и времени чурбак. В тайге затухает короткий зимний день. Солнце уже почти свалилось за горизонт, и теперь снег на открытых местах, на озере розово окрашен. В тени — снег синий, а под низкими еловыми лапами налился чернотой. Тихо в тайге. Слышно, как дышат рядом собаки, как похрустывают сеном и вздыхают лошади, и глухо доносятся из-за низких дверей зимовья человеческие голоса. Хлопнула дверь, вышел Алексей.

- Чего сидишь?
- Сижу вот...
- Устал, что ли?
- Да нет вроде.

Алексей подкатил поближе другой чурбак, сел аккуратно, кашлянул в кулак. Повернулся к Касьяну, внимательно посмотрел на приятеля. Касьян сидит, опустив набрякшие веки, глядя себе под ноги на снег, редко затягивается самокруткой, и не поймешь его: недоволен ли человек чем или задумался. За спиной изредка бухает дверь зимовья: кто-то выходит и снова заходит, и тогда голоса то нахлынут разом, то после удара дверью снова потухают и доносятся глухо, как из-под ватного одеяла.

— Чанингу мне жалко,— Касьян сказал это так, будто переезд дело давно решенное, и он, Касьян, уже не раз обговаривал это дело с Алексеем.

— Чего это жалко?

— Уехать я хочу. В Беренчай.

Алексей не удивился.

— Я давно думаю: к тому идет.

— Не могу я здесь больше жить. Будто обделили меня в чем-то. И Чанингу мне жалко.

— Тебе-то хорошо,— у Алексея на лбу набежала глубокая складка,— тебе в Беренчае есть где жить — у Семена. А мне к кому?

— Неужто и ты бы поехал? — поднял голову Касьян.

— Не медведь я без людей жить. Да и Ольгу чего ради мучить буду.

— Я в конторе уже обговорил переезд. Управляющий говорит: всем место найдут, никого на улице не оставит.

Мужики помолчали. Все сказано, все ясно.

Снег потемнел, над деревьями проступили яркие, жесткие звезды — ночью будет морозно. Сидеть неподвижно стало холодно, и Алексей позвал Касьяна в зимовье.

— Спать пойдем.

Они не говорили больше о переезде, но каждый думал только о нем и знал, что другой тоже думает об этом.

9.

Прошел новый год. Протрещали рождественские и крещенские морозы. Чуть не два месяца Чанинга жила радостным ощущением перемен. Ехать собрались не все семьи, но и для тех, кто оставался, тоже перемены намечались. Хотя и не такие радостные, а перемены,

Последнее утро Чанинга началось задолго до света. Последний раз над белыми трубами пепельные зимние дымы, последний раз разбивали лед в прорубях на извилистом Болдызьяке.

Переезд — дело уже решенное, да и не неволит никто бросать заимку, а тяжело в это утро было у всех на душе. Катерина, радостно принявшая переезд, в это утро припала к печке, заревела в голос. В другой бы раз Касьян накричал бы на бабу или ласковое слово нашел, а нынче как воды в рот набрал.

А неделю назад еще никто не знал, быть Чанинге или не быть. Как-то все разом решилось. А может, в книге судеб записано: быть Чанинге всего двести лет?

Вначале собрались ехать три семьи: Касьян, Алексей Коробов, Гришка Елизов. Гришка недели четыре как из больницы вернулся. Вернулся еще более черным, худым, но весел по-прежнему.

— Я теперь районный житель,— похотывал Гришка.— Без кино и без свежей почты жить не могу. Так что ехать мне обязательно надо.

Но Касьян знает, что Гришке желательно поближе к врачам жить. И оставались в Чанинге жильными всего два дома. И в обоих — Затесовы. Не родственники — однофамильцы. И враги. Давно началась эта вражда. Сами не помнят из-за чего. Конечно, Затесовы друг на друга не кидаются, понимают — в тайге живут, стрелять каждый умеет. А тайга темная, утайливая. Но слова соседского друг другу не скажут. А чтобы в дом друг к другу зайти — об этом и думать нечего.

Два дня до отъезда переселенцы жили в доме Коробовых. Из окон в остальных домах вынули стекла, чтобы там, на но-

вом месте, не покупать. Да и Семен сказал, что в Беренчае со стеклом худо. Больше из домов ничего не возьмешь. Столы, скамейки — все оставили: за полсотни километров скамейку не потащишь.

— В магазине мебель купим, — говорил Касьян жене. — Настоящую, городскую.

— Да я ничего, — успокаивала его Катерина. — Только жалко мне все это. Опять же, дом новый построим — куда деть все это? В новом доме старую лавку не поставишь.

Тяжело смотреть на брошенный дом. На что крепкий человек Касьян, а и у него на душе, как пройдет мимо своего дома, становится муторно, а Катерина — та откровенно плакала. Покинутое жилье обмануто смотрит запавшими глазницами. Не дом, а больной человек. Стариков Парамоновых дом, или Ивана Сухого — тоже пустой, а не трогают так за сердце. Свой — к сердцу прикипел. Без боли не оторвешь.

За день до кочевья прибежал к Коробовым один из Затесовых.

— Задержитесь маленько. С вами поеду.

Ждать согласились. Нельзя первого Затесова со вторым Затесовым оставлять здесь вместе. Кто-то из них должен уехать. А то без людей, да от тоски, раздерутся по-настоящему.

В тот же день и другой Затесов пришел.

— Ждите до завтра, с вами поеду.

— Вот и не стало Чанинга, — сказал

Алексей, когда закрылась дверь за Затесовым. — Была, да вся вышла.

Больше всех радовалась переезду, пожалуй, Оля Коробова. Не держали ее душу темные, дедовской кладки, стены, не мучило сожаление об оставленных амбаре и погребе.

В ограде Коробовых последние дни было шумно. Дрались, сведенные из трех дворов, собаки. Особенно задирали всех Карам. Пришлось его посадить на цепь. Карам ничего не понимал, волновался, рвался с цепи.

Вещи увязали в тюки, уложили в сани еще с вечера. Казалось раньше, что и везти-то нечего — немного вещей в доме, а стали собираться, лонятно стало: за один раз не увезти. Погнутое ведро, в котором корове пойло выносили, и то не бросишь, на новом месте за ведро деньги выложить придется. А вообще-то, подброму, многое из барахла бросить бы надо. Корыта там всякие, старые капканы, ремонта требующие, верши, плетенные из тальника. Но каждая вещь к месту была, каждая вещь в душе хозяина уголок свой имеет, корни в душе пустила, без боли не оторвешь. Решили: вещи важнее — одежонку, кастрюли — в первую очередь везти, а за остальными при удобном случае вернуться. Пришлось взять самую малость.

Под утро, еще при ярких звездах, заскрипели ворота, зафыркали кони. Маленький обоз из пяти саней вышел в двухдневную дорогу.

Все. Кончилась Чанинга.

Темень еще. Хорошо, что на льду ни коряг, ни ям нет, знай шагай. Первый поворот реки — и осталась позади старая жизнь, привычные дома, кладбище, на котором лежат предки. А впереди... Видно еще будет, что впереди. А пока — дорога.

Шумно отфыркиваются лошади, скрипят полозья саней. На возах — укутанные до глаз ребяташки. Все, кто может идти, идут.

Дорога сегодня не шибко дальняя: ночевать решили в зимовье на Ключе. Зимовье там просторное, полати ладные. Летом в тех местах Алексей накопил небольшой стожок сена и оставил его на случай, если кто в Беренчай или из Беренчая поедет или если кому около Ключа пурговать с лошастью придется.

До зимовья на Ключе обоз дошел хорошо: без поломок, без долгих остано-

вок. И ночевали хорошо. Женщины быстро разожгли железную, обложенную камнями печь, засветили керосиновую лампу. В зимовье стало тепло и уютно.

Женщины приготовили ужин. К столу садились в три очереди. Вначале накормили ребятишек. Те, усталые, куражились. Потом позвали к столу мужиков. Женщины сели ужинать последними.

А через полчаса в зимовье спали. Тяжело храпел Алексей, причмокивали во сне ребятишки. В железной печке поддерживались белым пеплом, остывали угли.

Под утро Катерину разбудили чьи-то глухие стоны, всхлипывания. Она села на нарах, прислушалась, чиркнула спичку. Желтое недолгое пламя высветило спящих. Стонал Касьян.

— Ты что? — толкнула Катерина мужа.

Тот разом открыл глаза, но смотрел непонимающе, ошалело. Потом шумно, облегченно вздохнул.

— Приснится же чертовщина!

— Что хоть видел?

— Сейчас, обожди, дай в себя приду.

Зимовье уже выстыло, и Касьян, обувшись, подсел к печке, бросил в нее несколько коротких полешков и поджег свернутую в трубку бересту. Напряжение медленно сходило с его лица.

— Понимаешь, что видел: будто плы-

ву я по нашей речке. Только широкая она, как весной. Нет, еще шире. Течение на ней рвет, и волна такая, что через плот хлещет. А я к берегу правлю и никак с течением совладать не могу. Знаю, что пристать здесь мне нужно, а никак не могу. И несет меня уже мимо Чанинги. А Чанинга вся — горит. Дома сплошь пылают. Я к берегу рвусь — погорят, думаю, все, а не могу плот развернуть. Потом, смотрю, мимо пожарища Иван Сухой идет. Я и во сне помнил, что помер Иван давно, замерз, а кричу ему: спасай деревню. А он ухмыляется так — помнишь, ведь, как он ухмылялся? — и говорит: знай плыви себе, тебе о Чанинге теперь забота маленькая...

Касьян поставил на печь чайник.

— Пить хочется.

— Плюнь ты на сон, — на нарах зашевелился Алексей, он давно проснулся и слушал Касьяна.

— Я и так...

Касьян вышел на улицу посмотреть лошадей. Не зря говорят, что первую половину пути человек думает о прошлом, живет воспоминаниями, а вторую половину пути думает о будущем.

Так и Касьян. Он уже думал о дороге, думал о Беренчае, о будущей хорошей жизни.

По заказу мальчишек

В начале тридцатых годов в Челябинске был организован Дом художественного воспитания детей. Студию лепки вела Татьяна Васильевна Шелкан.

Как-то она рассказала своим воспитанникам о детских годах Владимира Ильича Ленина и показала им известную фотографию, где Володя снят со своей сестренкой Олей. Один из учеников Татьяны Васильевны, Володя Ключкин, спросил: «А вы смогли бы сделать скульптуру маленького Ленина?»

Вопрос мальчика заставил задуматься художницу: «А не взяться ли за эту сложную ответственную тему?»

Татьяна Васильевна ездила в Ульяновск, долгое время изучала мемуарную литературу. И вот началась лепка. Позировал четырехлетний Эрик.

В январе 1937 года скульптурный портрет Володи Ульянова был готов. Первым «судьям» — студийцам — он очень понравился.

В эти дни в Челябинске находился организатор выставки московских художников Б. А. Бессарабов. Он принял горячее участие в дальнейшей судьбе скульптуры Т. В. Шелкан, сообщил о портрете Ильича Надежде Константиновне Крупской и Марии Ильиничне Ульяновой и предложил включить его в экспозицию Центрального музея В. И. Ленина. Вскоре скульптура, переведенная в гипс, была отправлена в Москву.

Художественный совет, в который входили такие видные ваятели, как Мухина, Шадр, Виленский, одобрил портрет. На просмотр были приглашены Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Они нашли, что художнице удалось достигнуть не только внешнего сходства, но и создать интересный правдивый образ.

Так скульптура, переведенная в Москве в мрамор, заняла место в одном из залов Центрального музея В. И. Ленина. А потом с нее было изготовлено большое число копий.

Мария Ильинична посоветовала создать скульптурные портреты Ленина гимназических и студенческих лет.

Татьяна Васильевна передала пожелание Марии Ильиничны, и она стала лепить портрет Владимира Ульянова-гимназиста.

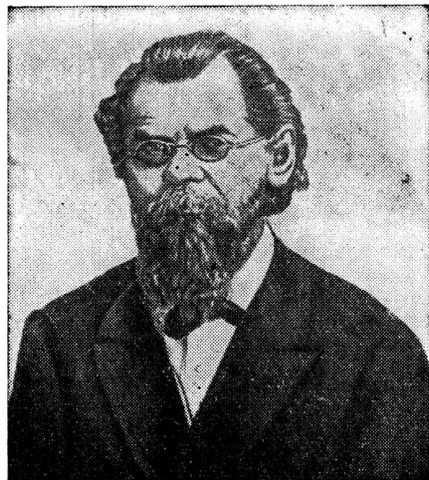
Нам удалось разыскать человека, который тридцать с лишним лет назад позировал художнице. Это Геннадий Александрович Комиссаров, ныне кандидат технических наук, декан энергофакультета Челябинского политехнического института. Он вспоминает, что Татьяна Васильевна «нашла» его в студии рисования того же Дома художественного воспитания детей.

Татьяна Васильевна в 1939 году переехала в Москву. Недавно она передала нам фотографию, сделанную в 1934 году в студии лепки. Может быть, кто-нибудь из читателей узнает на ней себя и воскресит в памяти своего первого наставника в искусстве и друзей по увлечению?

Г. ДМИТРИН,
Б. МАРШАЛОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Григория ПОТАНИНА

Г. Н. Потанин

I
В наших записных книжках имя Григория Николаевича Потанина появилось в июле 1965 года. В то лето мы, группа следопытов Карагандинского клуба туристов, держали путь от зеленых Кентских гор к далеким берегам Балхаша. Как-то тихие степные сумерки застigli нас в долине неглубокой речки Былкылдак. С места привала мы видели суровый массив Кызылрайских гор. Разбили бивак, а пока готовил-

ся ужин, слушали неторопливую речь гостя из ближнего аула.

— Это место называется урочищем Ермека, — рассказывал старик чабан совхоза «Кызылрайский». — Ермек Джиенбаев был почитаемым человеком в наших краях. Хозяйство имел среднего достатка, но его внук Алимхан учился в Сибири, в далеком Томске. Когда студент приезжал на каникулы, то посмотреть на него собирались гости со всей округи. Еще бы! До революции студентов-казахов в Каркаралинском уезде можно было пересчитать по пальцам. Однажды Алимхан привез домой своих городских друзей. Среди них был русский старик, с бородой и в очках. Тогда ходили слухи, что он побывал во многих странах.

— Как его имя? — спросили мы.

— Я плохо помню, было это давно, кажется, называли его взрослые Ботанин или Потанин...

«Неужели речь идет об известном русском путешественнике Потанине?» — подумали мы. Нам было известно, что он возглавлял пять экспедиций по изучению Алтая, Монголии, Китая и Тибета и собрал обширные сведения по географии, геологии и экономике неизученных земель Центральной Азии. Он записал не одну сотню произведений восточного

эпоса и привез из экспедиции самый подробный гербарий растений. Именем Потанина назван один из хребтов Наньшаня (горы в Китае) и ледник на Монгольском Алтае. Но о путешествии его в Центральный Казахстан никто ничего не слышал. Тогда-то мы и решили начать поиск.

Из библиотеки Томского государственного университета, где хранится рукописный архив Григория Николаевича, пришел короткий ответ: «Интересующие вас материалы в архиве отсутствуют...»

В книге ближайшего друга путешественника академика В. А. Обручева тоже ничего не было сказано о поездке Г. Н. Потанина в Центральный Казахстан.

Как это нередко бывает — выручил случай. В «Известиях Западно-Сибирского отдела русского Географического общества за 1913 год» в разделе хроники мы прочитали: «Г. Н. Потанин провел лето в Каркаралинском уезде, занимаясь фольклором...» Немногословные сообщения о поездке отыскались и в «Записках Семипалатинского подотдела» этого же общества.

Осенью 1969 года Государственный архив Омской области прислал нам фотокопию доклада Г. Н. Потанина о поездке в Каркаралинский уезд летом 1913 года.

На первой же странице ру-

А. А. Ермеков

кой секретаря собрания А. Н. Сидельникова было записано: «Председательствующий Г. Е. Катанаев, открывая собрание, сказал, что Г. Н. Потанин пожелал, несмотря на свой преклонный возраст, приехать в Омск и лично сделать доклад о своей поездке в Каркаралинский уезд; приветствуя Г. Н. от имени общего собрания, председательствующий пожелал, чтобы научная деятельность Г. Н. продолжалась еще многие годы...»

Две недели ушло на расшифровку торопливых записей доклада. Выяснены некоторые детали путешествия, определена цель поездки — сбор этнографических материалов о казахском народе. Становятся известными и имена спутников Потанина, — студента Томского политехнического института Ермекова и сестер Ворониных.

Хорошо бы отыскать кого-нибудь из них! Им сейчас должно быть что-то около восьмидесяти лет. И вот оказалось, что в Караганде живет препода-

ватель математики Алимхан Абеуович Ермеков. Он на пенсии. Не тот ли это человек, кто сопровождал в путешествии Г. Н. Потанина?!

В ближайшее воскресенье мы отправились к первому казахскому профессору математики А. А. Ермекову.

— Да, действительно, — говорит А. А. Ермеков, — речь здесь идет о моих родных местах. На землях бывшей Темирчинской волости, в ауле номер один жил наш род. Здесь в год Барса, зимой 1890 года, у подножья горы-шапки Бурктас, где стояла кибитка отца, я и родился. Летом мы кочевали километром на двадцать к западу, в пойму речки Былкылдак. Тогда ее берега представляли царство удивительных трав: густых, зеленых и таких высоких, что укрывали от взоров людей не только овец, но и жеребят.

— Вот сюда на джайляу летом 1913 года я приехал на каникулы из Томска вместе с Григорием Николаевичем По-

таниным, или Ботаниным, как звали его аульчане. Происхождение второй фамилии ученого связано с тем, что в казахском разговорном языке из-за удобства произношения буквы «б» и «п» часто заменяют друг друга.

Не один вечер мы беседовали с А. А. Ермековым. Его воспоминания дополнили и расшифровали найденные архивные материалы. Объединение их и позволило восстановить детали неизвестного и самого последнего путешествия Григория Николаевича Потанина.

II

Знакомство казахского юноши и известного русского ученого произошло осенью 1912 года. В тот год Алимхан Ермеков на отлично окончил Семипалатинскую гимназию. Золотая медаль дала ему право поступления в любое высшее заведение России. Алимхан подал документы в Петербург-

ский политехнический институт на металлургический факультет, был зачислен, но в последний момент передумал. Решил, что станет инженером-геологом, а учиться будет в Томском технологическом институте. В то время в Томске жил безвыездно уже несколько лет и Григорий Николаевич Потанин. Он выступал с мемуарами на страницах «Сибирской жизни» и всей своей жизнью напоминал Ермакову сказочного героя казахского народа Асана-Кайгы, или Асана-печальника, который тоже много путешествовал по земле, отыскивая легендарную Страну счастья Жер-уюк.

И вот однажды Алимхан появился в доме ученого. Сухой, старчески согбенный хозяин с увлечением беседовал с молодым казаком. Григория Николаевича интересовало буквально все: родина гостя, учеба, сказки казахского народа. Путешественник осторожно водил морщинистым пальцем по карте, отыскивая синие изгибы реки Былкылдак и коричневые изломы Кызылпайского хребта. Кто знает, может быть, именно в тот вечер Г. Н. Потанин решил поехать в этот край. Ему шел тогда 77-й год.

Весной 1913 года Г. Н. Потанин объявил своим друзьям, что он собирается в экспедицию за легендами и сказками. Он поедет в Каркаралинский уезд, где среди кочующих племен остались предания глубокой старины. Жить он будет в ауле своего молодого друга А. Ермакова, с которым заранее договорился.

III

В архивных записях Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Географического общества мы обнаружили документ, в котором говорится, что 5 апреля 1913 года состоялось заседание Распорядительного комитета подотдела под председательством В. К. Зайковского. На этом заседании было заслушено письмо и. о. правителя дел Западно-Сибирского отдела А. Н. Сидельникова, извещающее о намерении Г. Н. Потанина отправиться нынешним летом в Каркаралинский уезд для изучения казахского фольклора. Постановлено: ассигновать на поездку 50 рублей».

Кроме того, в экспедицию Г. Н. Потанин пригласил сестер Ворониных. Старшая из них — Антонина Уткина-Воронина, художница, собиралась посвятить лето зарисовкам; младшая — Екатерина — была студенткой Томского университета. В будущем она готовилась преподавать в гимназии естественные науки. Ее интересовали травы, кустарники и деревья далекого края.

Из Томска выехали в конце мая и направились в Омск. Здесь провели несколько дней.

Распределительный комитет Западно-Сибирского отдела Географического общества, узнав о приезде Г. Н. Потанина, собрал заседание. Специально для гостей был устроен небольшой концерт, на котором выступили казахские певцы. Сохранились записи Г. Н. Потанина, сделанные им в это время: «Выступление дуэны (колдуны) С. Джувандыкова из Эдрейской волости Каркаралинского уезда сопровождалось выкрикиванием, призывов святых и заклинаниями злых духов. Певец народных песен С. Жиенбаев из Семипалатинской волости исполнял несколько характерных народных песен, а именно: «Файзулла», «Кулатер», «Акжан», «Дари-ха»... Сказ о хвастливом борце Балуане-Шолаке С. Сагапаев передавал полунепомом, как передавали старинные сказания казахские гусяры-оленчи».

IV

От берегов Иртыша путешественники двинулись прямой дорогой на Куяндинскую ярмарку. Ехали в тарантасе. Оставались в стороне древние курганы, на которых маячили каменные истуканы с плоскими лицами. Лихие джигиты выскакивали порою совсем неожиданно из-за горбатых увалов. Все чаще и чаще на дороге попадались большие и малые стада. Покрытые пылью чабаны спешили, как и путешественники, на ярмарку. И хотя резвые кони делали в день по 80—100 верст, далеко впереди всевидящий и всеслышающий степной телеграф «узун-кулак» отстукивал новость: «Слышали? Едет из Томска домой внук старого Ермака. Он везет с собой самого мудрого русского аксакала!».

— Апырай! Что надо этому

старикун? — запрашивали «телеграф» жители аулов.

— Аксакал суораат сказки! — шел ответ по длинному уху.

— Неужели в России нет своих?

— Конечно, есть, но казахские сказки лучше! — мудро решал «телеграф» и спешил передать весть дальше, в самые отдаленные аулы.

Куяндинская ярмарка встретила путников оглушительным ржанием и визгом лошадей, скрипом колес и гулом многотысячной толпы. Оживленная торговля начиналась от деревянной церкви Иоанна Крестителя и тянулась на целых двенадцать верст по долине реки Талдынке, где на богатых травостоях паслись отары овец. И чем дальше Г. Н. Потанин и его спутники двигались по торговым рядам, тем громче становились крики: «Продано! Меняю!» Здесь остановились, чтобы сделать необходимые покупки. Но главное, что интересовало Григория Николаевича, — это песни ярмарочных певцов и изделия народных умельцев.

V

В ауле Ермаковых к приезду гостей поставили еще две юрты. Одну для Г. Н. Потанина, вторую для сестер Ворониных. В юрту-кабинет Григория Николаевича приходили сказители и знатоки легенд, сначала местные, потом и из дальних волостей. Рабочий день Потанина начинался в 10 утра. Расположившись на кошке, он записывал в блокнот русский перевод сказок, сделанный тут же А. Ермаковым. Но писать сам он долго не мог — уставали глаза, и Григорий Николаевич поручал переводчику заветный блокнот и карандаш:

— Пишите сами. А я просто буду слушать.

Здесь, у подножья Кызылпайских гор, Потаниным было записано двадцать семь новых вариантов уже известных сказок. О некоторых из них он очень кратко упоминает в «Записках Семипалатинского подотдела» за 1915 год. Просматривая эти «Записки», мы неоднократно встречали фамилию А. А. Ермакова; ближайшего помощника ученого, в то лето, Г. Н. Потанин часто ссылается на Алимхана, который собрал,

перевел и записал такие сказки, как «Уш-ойши» (о трех братьях), «Девушка Дарига», «Батыр Эдиге», «Народ Мык» и другие.

Григорий Николаевич пришел к интересным выводам. Он заметил, что каркаралинские сказки неизменно связываются с горами Балхаш-Иртышского водораздела. Каждый сказочник считал своим долгом упомянуть живописные горные массивы Кент, Каркаралы, Ку, Кызылрай, Эдрей, Кушубай.

— Вы знаете, Алимхан, — говорил Потанин. — Это ведь не случайно. Такое постоянство свидетельствует о том, что в этих местах казахи живут давно.

Потанин нашел в здешних сказках лишнее подтверждение своего давнего предположения: народные мотивы кочевников резко отличаются от подобных им по сюжету сказок, принадлежащих оседло живущим нациям.

Нравилась Г. Н. Потанину и лирические напевы казахских песен. «Мне чудится, что вся казахская степь поет», — не раз говорил Григорий Николаевич. Он записал такую легенду. «Небесная песня парила над землей. И где она опускалась ниже — там ее слышал народ и воспринимал; где поднималась, народ той стороны не слышал ее и не научился петь...»

По воспоминаниям А. А. Ермакова, к Г. Н. Потанину приезжали не только сказочники, но и певцы: Габбас Айтпаев, Майра Шамсутдинова, Кюйши Барбара.

Как-то к Потанину приехал из Токраунской волости сказитель Аялберген Балабатыров. Он был страшно изумлен, увидев перед собой почти восьмидесятилетнего старика.

— Скажите, ата, зачем вы сюда приехали, зачем все записываете? — спросил он Григория Николаевича. — У нас сказки рассказывают только в зимние долгие ночи, когда за окном воет метель, бегают волки и кричит «шайтан».

Вопрос не оказался для Г. Н. Потанина неожиданным.

— Знаешь, Аялберген! Россия большая страна и много в ней народов. Но что знает большинство из них о вашей культуре? Ровным счетом ничего!

А в его дневнике мы нашли такую фразу: «Долг русской интеллигенции принять меры к защите инородцев от вымирания, сделать их способными к самосохранению: лучшим средством для этого является образование».

Два месяца провел Григорий Николаевич Потанин в ауле. В августе он уехал. Вместе с ним отбыли и все его спутники. Зимой 1913—1914 года исследователь посвятил обработке собранных материалов. Алимхан

Ермаков снова был рядом со своим учителем, оказывая ему всяческую помощь в работе. Окончательные результаты поездки были доложены Г. Н. Потаниным в Омске на собрании Западно-Сибирского отделения Географического общества 10 февраля 1914 года. Ученый рассказал присутствующим о казахских песнях и сказках, о связях русской и казахской культур.

А. А. Уткина-Воронина составила большой альбом акварелей, в котором нашли свое отражение детали бытовой жизни казахского народного орнамента. Е. А. Воронина продемонстрировала перед собравшимися обширный гербарий растительности Кызылрайских гор.

Интересно, что свой доклад на собрании общества Григорий Николаевич закончил такими словами: «Через пятьдесят лет казахи будут поставлять на столичные подмостки певцов и музыкантов и, может быть, с этого начинается их национальное возрождение». Как прав был Потанин! Только случилось это не через пятьдесят лет, а значительно раньше, когда Октябрьская революция принесла в казахские степи свободу.

**Ю. ПОПОВ,
В. НОВИКОВ,**
*члены Карагандинского
клуба туристов*

Василий ЛЕДКОВ

В час восхода

На восток я гляжу влюбленно,
Сделав в тундре короткий привал;
Стать бы деревом — веткой зеленой
Я б, наверное, солнце достал.

Солнцу радуюсь в час восхода.
Свет его полюбил я давно.
Только в тундре — светло полгода.
Но полгода над тундрой — темно.

Вот и снова — туман без просвета...
Но, покинув домашний уют,
Мы идем вслед за северным летом,
И за нами рассветы встают.

В даль уводит нас сизое утро.
И куда ни посмотришь, во мхах
Города нашей завтрашней тундры
Ходят в кирзовых сапогах!

Мой проводник

Первый снег — какая благодать!
Белый пух лежит на кочках рыжих.
Лишь глаза прикрою, и опять
Наваю я нашу тундру вижу.

И опять я в думках видеть рад,
Как в своем дыхании осеннем
Волны моря к берегу летят,
Словно быстроногие олени.

По асфальту я ходить привык.
Но когда снежинки с неба сеют,
Ветер, ветер — верный проводник
Вновь зовет меня домой на Север.

*Перевел с ненецкого
Борис Кауров*

МОГИЛА У СКАЛЫ

ШАЙТАН

Во время гражданской войны наше село Чусовое не раз переходило из рук в руки — то белые его захватят, то опять красные придут. Но тот бой в августе 1918 года — числа не помню — был самый жестокий и кровавый.

Помню, перед тем у нас за огородом дня два застава стояла, четверо красногвардейцев. Они к нам в дом приходили, и мы их шаньгами картовыми кормили, молоком поили. Спрашивали у парней, откуда они родом. Лысьвинскими назвались.

Белые нагрянули неожиданно. Их привел лесной дорогой один местный житель, Федоровских Федул, кузнец. Религиозный такой; был, нелюдимый. Так вот он прямо к Могильному камню белых и вывел. С этого камня плотина как на ладони, а красным только один путь к отходу и был — по плотине через пруд.

Когда бой-то начался, мы, жители, со страху по ямам попрятались. Сидим, трясемся, ничего не видим. Но вот выстрелы замолкли, и старый солдат-инвалид Трофим первым поднялся наверх. Кричит: «Вылезайте, бабы!» И побежали мы к реке. Перебрались на тот берег, где красногвардейский штаб стоял. Я на плотину не глядела, боялась, а кто видел — рассказывал, что вся она была завалена людскими и конскими трупами.

На горке, возле штаба, били молодого гвардейца, лет семнадцати. Он был в одних брюках, босиком. Его бьют, а он молчит. Весь уже в крови. Бабы режут в голос. У меня так прямо сердце разрывалось.

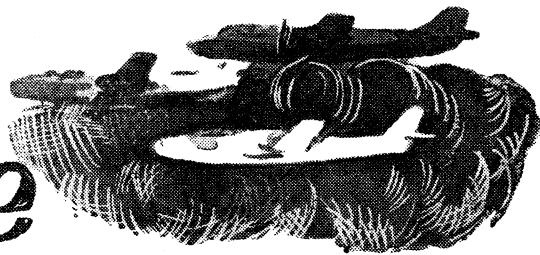
И вдруг он как-то извернулся и побежал. Бандиты за ним. А он — прямо к скале Шайтан. Вскрабклся на самую вершину и бросился с нее вниз.

На том месте, где он упал, его и похоронили.

Не так давно мы с ребятами поставили памятник молодому гвардейцу. А фамилии его так никто и не знает.

А. КРЮКОВА

НОЧНЫЕ ПТШЦЫ ВОЙНЫ

М. КАМИНСКИЙ,
полярный летчик

Рисунки Н. Моода

1.

Начало войны захватило меня в пути на ледовую разведку, которую я должен был проводить в Карском море. Думая, что враг получит сокрушительный отпор, а война долго не продлится, я горевал, что волею судьбы улетаю в глубокий тыл, каким представлялась нам в то время Арктика.

Однако наша уверенность, что арктические моря надежно защищены льдами и отдаленностью, оказалась ошибкой. В сорок втором неожиданно стали взрываться и тонуть мирные транспорты с грузами для зимовок и сменами полярников. Иногда они не успевали даже подать сигнал бедствия, и диксоновские радисты по многу дней тщетно вызывали эти корабли. Позднее, когда выяснилось, что они погибли, мы представляли себе, как в безмолвных просторах, среди плавающих льдин, неуслышанными замирали предсмертные крики мужчин, женщин и детей. Это по-пиратски действовали немецкие подводные лодки. Болью и гневом наполнялись наши сердца.

Потом, одна за другой стали гореть разгромленные полярные станции. Гидросамолет летчика М. И. Козлова был расстрелян на стоянке полярной станции у Новой Земли. Тревогой и опасностью насыщали эфир Западной Арктики шифровки неведомых радиостанций. Можно представить, какой напряженной стала жизнь на малоллюдных, изолированных зимовках. Они ежедневно ожидали всплытия и огня вражеских субмарин.

Ободренные успехом подводных лодок, немцы ввели в Карское море линкор «Адмирал Шеер». Ему ставилась задача одним ударом разгромить весь флот транспортных судов, обеспечивающих жизнь и работу в Советской Арктике. В поисках каравана «Шеер» встретился с легендарным «Сибиряковым», расстрелял его и пленил уцелевшую часть экипажа. Потом бесследно исчез, словно растворился в воздухе, самолет моего товарища летчика Черепкова. Как потом выяснилось, его сбили зенитки «Шеера». Враже-

ский рейдер пытался даже уничтожить базу арктического флота на острове Диксон.

Нет, совсем не тыловая жизнь досталась двум оставшимся ледовым разведчикам, в числе которых был и мой экипаж. Мы стали глазами и спасательной командой штаба морских операций, и мы знали, что в любую минуту можем разделить участь экипажа Черепкова. Однако надеялись, что повезет, и с немецкими самолетами мы не встретимся. Надеялись на счастливый случай.

А что такое вообще счастливый случай? Стечение обстоятельств? Улыбка фортуны? Каждый раз, когда речь заходит о счастливом случае на войне, я вспоминаю Павла Вавилова.

Однажды в полете на очередную разведку, в сентябре сорок второго, по радио мне дали команду обследовать остров Белуха, на котором с парохода заметили прячущегося человека. Первая мысль: на Белухе немецкая команда, наводящая подводные лодки на наши суда. У нее наверняка есть пулемет, и сбить мой самолет не представит труда. Можно понять, с какими чувствами я начал виражи вокруг малюсенького каменистого островка. Но все оказалось проще. Здесь в течение месяца спасался единственный уцелевший моряк с «Сибирякова» — кочегар Павел Вавилов.

Поистине удивительна его судьба, а еще больше поведение в этом тяжелом испытании мужества. У него не было ничего, чем располагал Робинзон. Ни тропического солнца, ни пальмовых лесов, ни остатков корабельного имущества. С ним до островка добралась только судовая собака. Ценой собственной жизни она спасла полярного Робинзона. Но страшнее мук голода и холода оказалась неизвестность.

Представьте себе психологию человека, пережившего бой своего корабля с вражеским крейсером: пожар и гибель парохода, расстрел товарищей, оказавшихся в ледяной воде, чудо своего спасения на шлюпке среди мертвых. И после этого целый месяц пробыть в одиночестве, не зная главного — уцелела ли Советская власть! Этот замерзающий, до предела истощенный моряк не пожелал сдаться на милость врагу, когда

заподозрил, что к его острову летит немецкий самолет. Он прятался в камнях и под сводами морского знака. Мы убедились, что это наш человек, когда после многих выражений, на верхней доске знака прочли расплывчатую надпись: «Сибиряков спасите!» Эту надпись Вавилов сделал кровью убитой собаки.

В море был шторм, и сделать посадку оказалось невозможным. Мы сбросили Вавилову экипажный НЗ и спальный мешок. Через неделю, когда море успокоилось, возле островка сел гидросамолет Черевичного и вывез моряка на Диксон. Что помогло Вавилову остаться в живых? Счастливый случай? Для человека нет больше горести, чем гибель близких товарищей, которых только что видел полными сил. Нет чувства более унижительного, чем беспомощность и беззащитность. А Вавилов все это пережил и нашел в себе силы и мужество бороться до конца. И все же, несмотря на грозную обстановку, Арктика мне казалась и в самом деле глухим тылом. Я, как и многие полярники, рвался на фронт. Однако все просьбы отпустить меня на фронт отклонялись с упреком в дезертирстве. Лишь к февралю сорок третьего с помощью бывшего начальника полярной авиации М. И. Шевелева мне удалось, наконец, «мобилизоваться».

И вот я — командир ночного бомбардировщика. Часть, в которой придется служить, — на особом счету в авиации дальнего действия. Я почувствовал себя человеком, которому судьба подарила счастливый случай. Одно только огорчало: мне казалось, что я пришел на готовое, к шапочному разбору.

До конца сорок третьего наша дивизия базировалась в сорока километрах от Москвы. Самолеты прятались под кронами вековых сосен, а экипажи размещались в зданиях бывшего туберкулезного санатория. Для того времени Пе-8, самолеты конструктора Петлякова, были на уровне последнего слова техники. Высотные, скоростные, с пятью тоннами бомб, они могли долететь до Берлина. Пять скорострельных пушек для обороны против истребителей превращали Пе-8 в воздушную крепость. Наше соединение являлось «кувалдой», которой разбивались самые важные пункты сопротивления. Правда, таких мощных и дорогостоящих кораблей было немного, их берегли, и вылеты контролировались Ставкой.

Командирами Пе-8 назначались летчики высокой авиационной культуры, с опытом, и как правило, в званиях капитанов. Экипаж состоял из одиннадцати офицеров и сержантов. Организатором нашего соединения был герой челюскинской эпопеи и десанта на полюс М. В. Водопьянов, поэтому добровольцы из полярной авиации составляли заметную прослойку в полках. Первые ответные удары по Берлину в сорок первом совершены были на этих кораблях во главе с М. В. Водопьяновым.

Естественно гордость того, кому довелось служить в такой части в годы войны, иметь право называться ее ветераном. У меня не было права на звание ветерана, меня все время преследовало чувство неловкости: ведь два самых трудных года я провел в тылу. Но война еще не кончилась, и я верил, что смогу достойным образом оправдать доверие, оказанное мне при назначении меня одним из командиров Пе-8.

В сорок третьем наши корабли стали вооружаться более мощными, но еще «недоведенными» моторами. Иногда они отказывали сразу после

взлета или же в полете. Четыре раза пришлось мне садиться «в полном весе», не сбрасывая бомб на полигон, как положено при отказавшем моторе. Двадцать тонн взрывчатки, сбереженной ценой риска, радовали меня, как личный вклад в дело победы.

Однажды мотор отказал на подходе к линии фронта, когда корабль еще не набрал заданной высоты. Что делать? Сообщить в штаб? Прикажут вернуться! На свою ответственность принимаю решение отбомбиться по запасной цели. Перешел линию фронта, выполнил задачу и благополучно вернулся. Пожурили за самовольство, но стали уважать.

В следующий раз при бомбежке объекта северо-западнее Ленинграда один из моторов был разбит зенитками, а другой отказал на обратном пути. Создавшаяся ситуация казалась катастрофической. Вместе с моторами вышли из строя электрогенераторы. Замолчала радиостанция, радиокompас не работает, на издыхающем аккумуляторе лампочки еле-еле подсвечивают приборы. В ночном мраке, над псковскими и вологодскими лесами раненый самолет неуклонно теряет высоту. Нарушилась симметрия тяги оставшихся двух моторов, и с огромным физическим напряжением летчики выдерживали лишь приблизительно прямую линию полета.

Но хуже всего было положение штурмана. До своего аэродрома запаса высоты не хватит. Пока она есть, надо найти чужой. Из всех приборов действует только магнитный компас, но курс «гуляет», радиопеленгов и связи нет. На земле ни единого огонька, как будто все вымерло. Карту и то надо подсвечивать карманным фонариком. Штурман оказался в положении слепого, оставленного в дремучем лесу. Выйдешь — молодец, жить будешь! Не найдешь дороги — погибнешь!

Нет, штурман, конечно, не погибнет, на высоте триста метров я прикажу экипажу покинуть самолет на парашютах. Но могучий корабль-красавец разобьется. Ответственность давит тяжким грузом. Стараясь сохранить спокойствие, предупреждаю:

— Капитан Шараев! Высота восемьсот, до трехсот протянем еще минут сорок.

— Вас понял, командир! Ближится рассвет, начинают попадаться поля. Я надеюсь найти Калинин или Клин. Держитесь!

Шараев, конечно, волнуется не меньше меня, но он знает, как важна для всех его уверенность, и только я один понимаю ее зыбкость. Вот в такие критические моменты человек начинает осязать материальную ценность слова. И чудо свершилось. Штурман нашел полевой аэродром возле Клина. Посадочные фары, конечно, отказали, но в тусклых утренних сумерках мне посчастливилось благополучно приземлиться. Удача благоволила до конца, самолет не поломался даже, когда выкатился в буераки. «Счастливчики, — говорили нам потом друзья. — Под счастливой звездой родились».

Не хочу скрывать: у меня самого в то время к уверенности и трезвому расчету нередко прилеплялась изрядная доля веры в удачу. Это, конечно, мистика, ерунда, но порой очень полезная. Человек, верящий в удачу, часто оказывается способным на поступок, выходящий за пределы обывательского здравого смысла, элементарной осторожности, и в большинстве случаев побеждает. А суть таких побед в том, что смелые ре-

шения, как правило, оказываются лучшими. И приходят они не случайно, не по милости фортуны, а в результате интуиции, этого сплава опыта и вдохновения.

В начале июля сорок третьего года, на полях Центральной России, на линии Белгород—Курск—Орел, завязалась величайшая битва второй мировой войны. Почти два с половиной миллиона людей, 5300 танков, более 5000 самолетов и 30.000 орудий решали, каким путем пойдет дальше человеческая история.

К середине июля мой экипаж сделал восемь вылетов на Орел, узловой пункт немецкой обороны. Это была, что называется, ТА оборона! Зенитки превращали воздушное пространство в крошечный ад. Фиолетовые мечи тридцати прожекторов полосовали небо во всех направлениях. Сердце замирало от необходимости окунуться в этот ливень света и зенитного огня.

Штурман подводит самолет по касательной, держась в темноте, пока не высмотрит ориентиры для прицела. Но вот прожекторы высветили, а зенитки стали избивать идущего впереди. Наверное, каждый штурман «тянул» лишнюю минуту, стараясь как можно дольше продержаться «в тени». Мой кричит:

— Командир, влево пятьдесят! Энергично! Боевой курс!

Шесть раз нам повезло, а два раза сами оказались «именинниками», за чей счет отбомбились товарищи. Луч поискового прожектора бьет по глазам внезапно, как выстрел. На две-три секунды ориентировка теряется полностью. Выручает второй летчик, который в зоне прожекторов обязан смотреть только на приборы. К поисковому тут же присоединяются еще два, а то и три луча, и ведут они тебя, как бычка на веревочке — не вырвешься. Зенитные снаряды рвутся так близко, что тяжелая махина корабля вздрагивает, а в кабине пахнет порохом. Однако штурман смотрит только в «очко» прицела, видит приближающуюся цель и ничего другого. В яростном азарте он подает команду:

— Держись, командир! Влево пять, еще чуть, еще! Довольно, так держись! Осталось десять секунд, терпите!

Но терпеть, казалось, выше сил человеческих. Дымные клубки разрывов окружают самолет роем, как разъяренные пчелы медведя, забравшегося на пасеку. Просто удивительно, почему до сих пор нет прямого попадания, ожидание его мучительно до предела. В эти тридцать, иногда сорок секунд боевого курса переживаешь мерзкое ощущение голого, которого выставили на людной площади в солнечный полдень.

Боевой курс — кульминация боевого полета, священное время штурмана. Его команды имеют силу закона. Корабль надо провести, не шелохнув, что бы ни творилось кругом. В те «разы» мы возвращались, что называется на одном крыле, но ни разу не дрогнул мой штурман, не сошел с боевого курса.

2.

Выписка из летной книжки командира корабля.

«Боевой вылет в ночь с 14 на 15 июля 1943 года.

Самолет ПЕ-8, заводской № 42039.

Основная цель — ж/д узел города Орел.

Запасные цели: — ж/д станция города Болхов.

2. — ж/д узел города Карачев.

Экипаж: Командир корабля майор Каминский.

Второй летчик — ст. лейтенант Старшинов.

3. Штурман — капитан Шараев.

4. Борттехник — ст. техник-лейтенант Догов.

Помборттехника — техник-лейтенант Огаров.

Стажер на помборттехника — техник-лейтенант Бараболя.

Бомбардир, носовой стрелок — мл. лейтенант Пастунин.

Радист — старший сержант Курицын.

Стрелки, сержанты: — Скроботов, Спретнюк, Ребеко, Рукавин.

Время взлета — 21.28. Посадки 1.10.

Время полета — 3.42.

Высота бомбометания заданная — 6700 м.

Высота бомбометания фактическая — 1700—1500 м.

Бомбовая загрузка: ФАБ¹ — 1000 — две.

ФАБ — 500 — четыре.

ФАБ — 250 — четыре.

Общий вес залпа — 5000 кг...

Корабль рассекает ночную тьму на заданной ему высоте. Глаза, не сосредотачиваясь на чем-либо отдельно, автоматически фиксируют нормальное положение приборных стрелок, слух — мелодичное гудение моторов и привычный шум полета, в котором нет посторонних звуков. Мысль перебегает с одного на другое. Кто получал правительственную награду, тот знает, что это радость не на один день. У нас она совсем свежая. Половина экипажа награждена орденом Красной Звезды, остальные — медалями «За боевые заслуги». У меня до сих пор в ушах слова командира полка Абрамова: «Поздравляю вас, майор Каминский, желаю новых боевых успехов!» Такие же слова он говорил всем награжденным, но, кажется, что именно тебе они сказаны особенно сердечно. Но вот я уже думаю о том, как щедро природа наградила человека великолепным объемом внимания. Вдруг представилось, что наш самолет единственный островок жизни во всей вселенной. Внизу нет ни единого светлого пятнышка, одна глухая темнота, а вверху — только звезды. Они неподвижны на темно-синем бархате. Эта глубокая синева на две половины разрезана туманной полосой Млечного пути. По сторонам от Млечного пути выделяются яркостью старые знакомые: Орион, Кассиопея, Близнецы, Лебедь... Только они гораздо выше над горизонтом, чем в Арктике. С детства меня завораживало созерцание ночного неба. Казалось, в вышине неслышно течет вечность, и я — единственный свидетель этого движения...

— Командир! До линии фронта осталось пятнадцать минут!

Голос Шараева вернул меня в реальный мир. Да, идет самая жестокая в истории война, потому так темна земля. Нет на ней ни мира, ни тишины. Высоко в небе летят огромные птицы со своим смертоносным грузом. Я один из тех, кто несет смерть и разрушение. Но меня тоже подстерегают опасности, и надо быть внимательным. Ша-

¹ ФАБ — фугасная авиационная бомба (прим. ред.).

раев потому и предупредил, что в этой зоне нас могут встретить истребители. Сознание перестраивается:

— Стрелки! Не дремать!

Но в шлемофоне вместо обычного: «Кормовой (или левый, правый подкрыльный) понял!» — вдруг раздалось совсем не уставное, даже не военное:

— Ух, ты! Вот это да! Смотри-ка, что делают, гады!

— Кто это сказал? В чем дело?

Но вместо ответа, со стрелковых точек посыпались возбужденные возгласы:

— Ах, сволочи! Горит-то, горит как!

— Нагло работают, паразиты!

— А им что! Всего три прожектора, что они сделают!

Такого кавардака у нас еще не было, и снести его я не мог. «Митинг» совсем не ко времени. Но меня упредил быстрый Шараев. Разносным голосом он, что называется, рявкнул:

— А ну, прекратить галдеж! Отвечай командиру, кто начал!

После недолгой паузы последовало виноватое:

— Это я — Пастунин. Впереди по курсу слева началась бомбежка. Простите, командир, не удержался.

— Не удержался! — сварливо передразнил Шараев. — Не на ярмарку едем, соображать надо!

— Стрелки! Развлеклись и хватит. Все внимание воздуху!

Я взгляделся в темноту слева по курсу. Действительно, на черном фоне пульсирует световое пятно, с каждой минутой становясь все отчетливее. Город Плавск, который атаковали немецкие летчики, находился в стороне от маршрута километрах в двадцати, но картина авиационного налета, как на ладони. Оранжевые языки пламени от взрывов взлетали вверх и опадали, растекаясь по площади. Осветительные бомбы гроздьями опускались на землю. Гасли одни, зажигались другие. Не требовалось особого воображения, чтобы представить, какой ад творится сейчас в этом маленьком, в яблоневых садах, русском городке. Сердце сжималось болью и бессилием.

Плавск быстро перемещался в заднюю полусферу. Налет кончился. Погасли осветительные бомбы, прекратились взрывы, но в духоте июльской ночи пожары только разгорались. Кажется, каждым нервом чувствуешь жар и треск огня, поедающего сухое дерево, крики и плач детей.

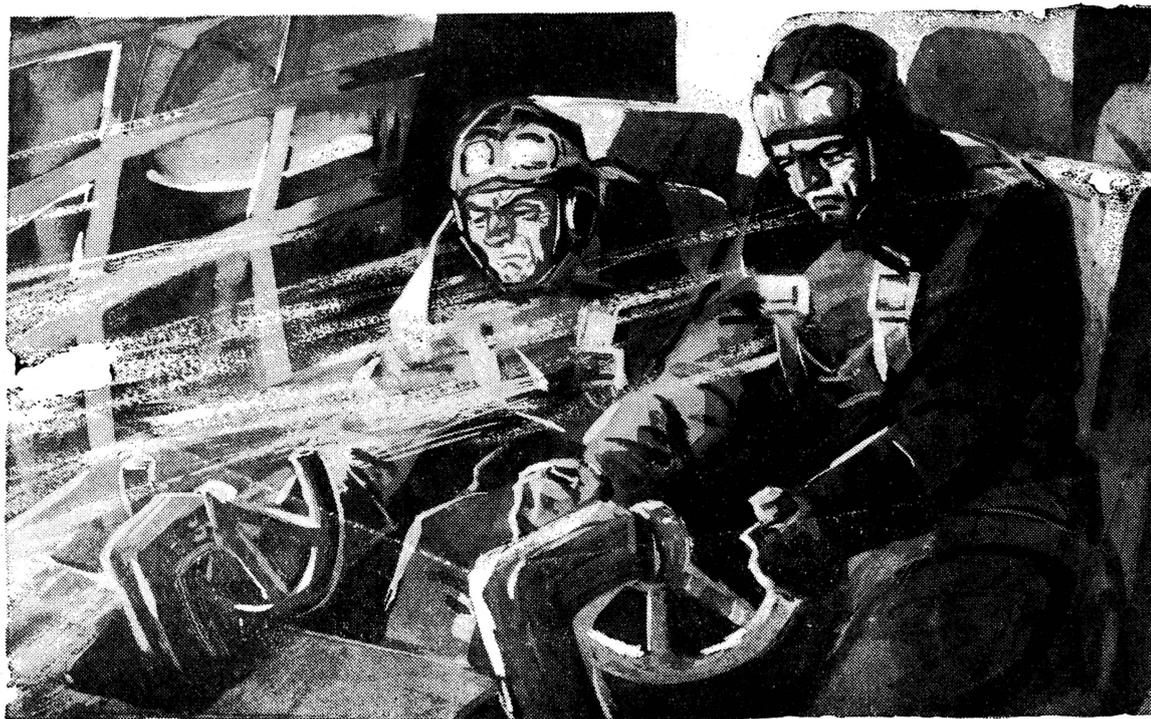
Тишина больше не нарушалась. Как и все на корабле, пристально вглядываюсь в звездный сумрак. Похоже, сегодня истребителей в воздухе нет. Одновременно с нами, с небольшой разницей в высоте и времени, летели еще десять кораблей нашего соединения. Нападение истребителей обозначилось бы перестрелкой.

Но вот и линия фронта. Она четко обозначена разрывами снарядов, цветным серпантинном встречных пулеметных трасс, мелкими пожарами и вспышками ракет. На парашютах одна за другой опускаются осветительные бомбы. Они высвечивают ленту реки, мост и веер рельсов станции Болхово. Вокруг нее возникали и гасли точки взрывов. Видно, войсковая авиация «обработывала» фронтową город перед штурмом пехоты. Испытываю недоумение: «Тут нам делать нечего, почему дали эту станцию? Видно, опять пехота опережает штабистов».

Линия фронта — это граница. До нее чувствуешь себя все же, как дома, а за ней неудобно, как в чужой стране. Посты ВНОС¹ противника регистрируют пролет, приводят истребителей, предупреждают зенитчиков. Идешь и знаешь, что тебя уже ждут. И ждут не с хлебом-солью! Нервы собраны в тугую комок, сжаты как пружина.

¹ ВНОС — пост воздушного наблюдения, оповещения и связи. (прим. ред.).

Линия фронта, на которой шел бой, вызывала еще одно чувство — физическое ощущение каторжного тяжелого труда пехотинца. Своя работа кажется аристократической, почти безопасной. Прямое попадание — это все же не часто, а во всех других случаях у нас много резервов для спасения. Маневр, высота, парашют, леса, партизаны. Ничего подобного нет у пехотинца. Нет моторов, и на своих двоих надо бежать навстречу пуле и штыку. Казалось, наземный бой — удел самых смелых из храбрецов.

Даже в самую темную ночь летчик все же видит землю. В звездном свете тускло мерцают реки и ленты шоссе, в темноте чернеют полосы лесных посадок у железных дорог, где-то мелькнет случайный огонек или костер. И вдруг... все приметы земли исчезли. Облачность укрыла врага от прицельного залпа наших бомб. Идем между звездами и облаками. Минуты подхода к расчетному месту текут медленно, а мысль работает в лихорадочном темпе. Что делать? Основная цель закрыта — это ясно. Одну из запасных штурмует пехота. Падение Болхова — дело ближайших часов и наш удар не решает исхода. Подумалось: какая ответственность на тех, кто планирует! Одиннадцать кораблей нашей части сбросят пятьдесят пять тонн взрывчатки. Ее энергией можно вспякнать приличное озеро, выкопать огромный котлован, снести гору. А на Орел сейчас летят, быть может, сотни других самолетов АДД¹. Но снижаться на Орел под облака — самоубийство, там все готово к встрече. Запасная цель Карачев? Тоже облака. Но для карачевской ПВО налет, тем более под облаками, может оказаться внезапным...

¹ АДД — авиация дальнего действия (прим. ред.).

Пока размышлял — услышал, что ожидал:

— Орел закрыт, командир! Ваше решение?

Отвечаю, не задумываясь:

— Курс на Карачев!

Штурман озадаченно помолчал, в наушниках слышалось учащенное дыхание, и вот выложил то, что сказал бы каждый на его месте:

— Товарищ майор! Над Болховым ясно, а Карачев под облаками.

— Ну и что же?

— Придется снижаться под нижнюю кромку!

— А как же иначе, конечно, снижаться!

— При такой ПВО нас же собьют как мильки!

— Это еще не факт. Потеряем в высоте — выиграем во внезапности. А собьют или нет, зависит от вас, капитан, от точности выхода!

— А я что, господь-бог? — вполголоса про бурчал Шараев, но тут же сработала автоматика военной дисциплины. Ответил громко и кратко:

— Курс 279, снижение пять метров в секунду!

— Старшинов, ставьте на курс! — приказал я второму пилоту, убирая «газы», для планирования с указанной скоростью.

За пятнадцать лет летной работы не раз пришлось мне принимать решения, от исхода которых зависела жизнь. Но сейчас вновь, каждой молекулой существа я чувствую физическую тяжесть привычного слова — Командир! В нем звенит великая ответственность. Ответственность за неограниченное право распорядиться этим могучим кораблем, его смертоносным залпом, а главное — жизнями людей за моей спиной. Распорядиться по полномочию высшей нравственной инстанции — Родины — в час опасности. Весь опыт, нерастраченная бойцовская злость, честолюбивое желание сделать что-то отличное от всех, подготовили меня к объявленному решению, и я чув-

ствую себя стрелой, летящей в цель. Лечу и знаю, что попаду! Не могу этого объяснить, но верю в успех, в удачу. Эта вера должна стать общим достоянием. И я громко, четко объявляю по СПУ¹:

— Экипаж, внимание! Говорит командир! Идем на Карачев. Нам предоставляется возможность нанести удар, каким будем гордиться! Верю в капитана Шараева — выведет точно, зенитки не успеют обстрелять. Верю в вас, стрелки, если ослепят прожекторы — погасите! Убежден — не пропадем. Если не повезет, кругом партизанские леса. Прошу всех достойно исполнить свой воинский долг!

На такое обращение нельзя не отреагировать. Сколько времени на это надо? Две-три секунды? Но они проходят в гробовом молчании, и мое сердце сжалось в комок, как в затажном прыжке с парашютом. Почему молчат? Не одобряют, не согласны? Каждое мгновение кажется нестерпимым...

Но вот, наконец, раздастся, как всегда, неторопливо рассудительный голос кормового стрелка Скроботова:

— За стрелков не беспокойтесь, командир, не прозеваем!

— С такими орлами можно и на Берлин идти, не то, что на Карачев! — Этой репликой выявил свое отношение к моему приказу и к словам Скроботова Шараев, вызвав у меня теплую, благодарную волну. А тут еще и Старшинов добавил:

— Экипаж свой долг выполнит, не сомневайтесь!

Как много чувств может вместить ничтожный отрезок времени — секунда, мгновение! Как быстро человеческий дух способен перейти от падения к взлету! Просто мои товарищи чуть дольше «переваривали» обращение к самому высокому, что есть в человеке, и, вероятно, каждый стеснялся отозваться первым. Ах, какие замечательные эти хлопцы! Действительно, с ними можно идти в огонь и воду. Чувство уверенности вновь охватило меня.

А машина тем временем теряет высоту курсом на запад. Пять тысяч двести метров. Вошли в облака. Высотомер бесстрастно фиксирует: 5000, 4500, 4000. Входим в теплый слой, и настывшие приборы покрываются инеем. Вот уже три тысячи, две с половиной. В выхлопном пламени моторов видится все та же белая муть... Два тысячи! Сердце заныло. Это уже «убойная» высота не только для пушек, но и для пулеметов... 1800! Начало потряхивать, значит близко нижняя кромка. 1700! Наконец-то под нами явная чернота. Прибавляю газ остывшим моторам, всматриваюсь в приборы, оглядываюсь на боргтехника.

Боргтехник практически не видит, что делается за бортом. Как кочегар на морском судне. Обстановку полета оценивает, слушая переговоры по внутреннему телефону, и еще — глядя на командира. Да и некогда ему отвлекаться. Всю «дорогу» его глаза на приборах. Однако с командира он тоже, что называется, не спускает глаз, предупреждает его малейшую тревогу за часть. Боргтехник Догов в моем экипаже летит впервые, но я знаю, что это ветеран полка, многократно испытанный в боях. Заметив, что я ог-

лядываю приборное хозяйство, Догов удивительно сдержанно, вполголоса подсказал:

— Мотеры в порядке, командир!

А может это мне почудилось, так как тишина в наушниках вновь взорвалась несколькими головами:

— Справа по курсу населенный пункт!

— Аэродром! Командир, немецкий аэродром!

И тут же голос Шараева:

— Точно, командир, аэродром в десяти километрах!

Никому не отвечая словами, подворачиваю машину в сторону усмотренного светового пятна. Это тоже ответ, и все умолкли. На крейсерской скорости у земли самолет пролетает за минуту четыре километра. Это важно знать для понимания быстроты, с какой разворачивались дальнейшие события. Уже через минуту «пятно» опытному глазу сказало все. Кольцо электрических огней опоясывало границы аэродрома, две параллельные линии — посадочную полосу. Вот включился на тридцать секунд посадочный прожектор. Все ясно, аэродром работает на посадку! Под облаками немцы чувствуют себя как дома.

— В воздухе самолет!

— Много самолетов, командир!

Докладывают стрелки. И верно. С каждой секундой все яснее различаются бортовые огни летящих по кругу самолетов. Видно, откуда-то подходят новые, они дают красную и зеленую ракеты — сигнал: «Я свой!» Быть может, это как раз те, которые бомбили Плавск?

Когда мы планировали в облачной мгле — каждый с напряжением ждал внезапного. Этим внезапным мог оказаться раздевающий луч прожектора или смертельный разрыв зенитного снаряда. И вот все эти томительные переживания мгновенно исчезли. Нам во весь рот улыбался счастливый случай! Тот самый, единственный сын матери-удачи, который благоволил отваге. Счастливым он представлялся не только потому, что спасал от гибельного на этой высоте огня карацевской ПВО, но только потому, что не менее важная, чем станция, цель оказалась открытой, не замаскированной темнотой. Нет, была еще одна радость. Мы будем бить только по чужим. Наши бомбы не затронут соотечественников и их дома.

В горле пересохло. Охрипшим от волнения голосом отдаю приказ:

— Капитан Шараев! Бомбардируйте посадочную полосу! Стрелки! Без нужды себя не обнаруживать! После залпа отводите душу, не жалея снарядов!

«Есть! Есть! Понятно». — В дружных ответах, в их интонации — азартная готовность к бою. Думаю, не погрешу против истины, сказав высокие слова, — все мы в те минуты чувствовали себя карающей рукой Родины.

Наступил решающий момент скоротечного боя. Ниже нас летят не меньше пятнадцати, а то и двадцати немецких самолетов. На фоне аэродромных огней мы видим силуэты, обозначенные навигационными лампочками и выхлопами моторов. Это двухмоторные «Хейнкели» и «Юнкерсы-88». Подстраиваюсь в общий круг, выхожу в створ полосы. Кладу машину в разворот навстречу посадочному прожектору. Нас не заметили, на земле все спокойно. Толчок — открылись створки бомболюка. Во мне все напряглось. Приглушил моторы, с небольшим снижением подхожу к полосе. Отчетливо вижу фары самолета, плани-

рующего на посадку, вот-вот начнет выравниваться.

— Командир! Бросаю! — голос Шараева на высокой ноте.

Самолет дрогнул раз, второй, третий... Взрывы, один за другим, подбрасывают корабль.

— Все, командир! Можно уходить!

Облегченная машина послушно ложится в вираж по кромке аэродрома. Теперь на некоторое время — уже бывшего.

Что происходило одновременно в эти считанные секунды — трудно описать по порядку. В первых, после сброса третьей или четвертой бомбы, сверкая выхлопом моторов, задрав нос, из мрака пересекающимся курсом вывалился на нас Ю-88. Видно, летчик на полной мощности стремился уйти в высоту, в облака. Я смотрел на землю и увидел его в последний момент, когда застрекотали бортовые пушки, а линия подъема вражеского самолета круто переломилась, и с горящим крылом он скользнул вниз, за пределы видимости. Освещение аэродрома погасло, но десять или двенадцать прожекторов, упирая лучи в облака, высветили воздушное пространство, казалось, до дневной яркости. Цветные трассы пулеметов и скорострельных пушек во всех направлениях развесились дугами. Однако в действиях обороны не было и следа методичной тренированности орловской ПВО. Видно, здесь еще не приходилось отражать воздушного налета. Прожекторные лучи метались оессистемно, хватывая то один, то другой свой самолет. Опознав, продолжали обшаривать небо. В явственном смятении, зигзагами, беспорядочно перемешались в пространстве под нами выхлопы моторов. Некоторые немецкие летчики даже не выключали бортовых огней.

Эта картина была красива, но полюбоваться ею не удалось. В момент разворота, после сброса бомб, наш корабль едва не столкнулся со вто-

рым самолетом противника. Шарахнувшись в сторону, он попал под огонь своих зениток и взорвался на глазах. И... в этот момент нас, наконец, обнаружили. Прожекторный луч уперся в брюхо корабля, проскочил мимо, вернулся и стал вести нас с двумя присоединившимися. Мои стрелки перенесли огонь на прожекторы и так удачно, что они погасли все вместе, как по команде. А наши пушки продолжали стрелять по наземным целям, действительно не жалея снарядов. Я совершенно непроизвольно произнес вслух:

— Молодцы, сержанты, спасибо вам!

В ответ послышался веселый голос подкрыльного стрелка Кувакина:

— Командир! На земле горят четыре самолета и еще есть пожары!

— Не четыре, а шесть, — уточняет кормовой Скроботов своим чудовищно хладнокровным голосом, как будто считает яблоки, а не горящие самолеты.

Трудно было отказать себе в удовольствии и не развернуться, чтобы своими глазами увидеть разгромленный аэродром. Место, три-четыре минуты назад дышавшее немецким порядком и покоем мирных огней, стало муравейником, который переехало беспощадное колесо войны. На земле много пожаров, но их дымно-рыжий огонь оказался еле заметным на фоне прожекторного света и фонтанирующей метели цветного пулеметно-пушечного огня. Мы ушли, но они там, на земле, этого не знали. Еще не успели осознать, что это всего лишь одиночный налет охотника, и разогнали по небу собственные самолеты.

Меня охватила гордость. Ночной бомбардировщик всегда работает в общий котел, не зная, что именно сделали его бомбы. На этот раз результаты зримы. Каждый из двенадцати может сказать: это сделал я! Это мой личный вклад в дело великой победы!

СЛЕЗЫ ВИШЕРЫ

Есть на севере Пермской области редкая по своей красоте река Вишера с многочисленными притоками — Большой Щугор, Колчим, Березовая, Язьва. Пятьсот верст без малого бежит она с уральских гор, пробивая себе дорогу между скал и увалов. И на всем протяжении вдоль ее берегов стоят изумительные памятники природы, овеянные народными легендами каменные громады — утес Ветлан, Полюд-гора, Говорливый Камень, Писанный.

Говорливый Камень будет от вас еще далеко за излучинами реки, а вы дрогнете от изумления: многоголосое эхо подхватит и повторит каждое ваше слово, всплеск воды и любой шорох.

И чем дальше будете плыть, тем большим будет восторг перед красотами реки.

Вишера красна не только своими «углами» — красотами, она издавна славится и «пирогами» — обилием рыбы: жереха, судака, тайменя, хариуса. Чтобы не быть голословным, приведу такой пример. Года два назад рыбный инспектор Верхне-Камского бассейна на одном из притоков Вишеры задержал троих злостных браконьеров, которые за три дня поймали и засолили 18 бочек хариуса, то есть 2400 килограммов рыбы.

Но не одной рыбой богата река. Лет десять назад она открыла людям еще одно сокровище — на ее притоках геологи нашли алмазные россыпи. О вишерских алмазах писали много и восторженно.

Эти волшебные алмазы и привели меня в прошлую осень на Вишеру.

...Мы стояли на берегу реки Большой Щугор. Алмазов мы еще не видели — нам обещали показать их только к вечеру, но драгоценные камни уже меркли в наших глазах.

В русле реки работала драга, черная со дна грунт. От драги шел густой мутный поток воды, более грязной, чем бывает в весенний паводок. Весь этот сток Большого Щугора впадал в Вишеру, и желтый шлейф шириной в треть реки тянулся верст на семьдесят, до самого Красновишерска. Литр воды в устье Большого Щугора — сказали нам — содержал 122 миллиграмма взвешенных веществ. С этой мутью Вишера справиться уже не могла и несла грязную воду до самого города, для которого она служит единственным источником водоснабжения.

Тогда и возник у нас вопрос — неужели нельзя каким-то образом оградить Вишеру от загрязнений? Оказалось, что можно. Отработанную воду можно осветлять в отстойниках. И такие отстойники на Большом Щугоре построены. Согласно проекту вода за последней плотиной должна со-

держат всего лишь 13 миллиграммов взвешенных веществ на литр. Почему же их оказалось в десять раз больше?

Все несчастье, как мы убедились, кроется в том, что плотины эти эксплуатируются с грубейшими нарушениями и отклонениями от проекта. Сброс воды совершенно не регулируется, шандоры плотин почти всегда открыты, и дражная вода напрямую сбрасывается в Вишеру.

Так было в прошлом году, так оно продолжается и сегодня. Недавно мне пришлось побывать на других дражных полигонах прииска и увидеть ту же безотрадную картину.

Для осветления дражных вод в реке Северный Колчим построены две плотины. Но эксплуатируются они тоже плохо. Плотина, расположенная в устье реки, была принята в эксплуатацию в 1965 году незаконченной, не отсыпанной до проектной высоты, что и явилось причиной аварии — осенью 1966 года ее размывло, и только год спустя прорыв удалось закрыть. С тех пор из опасения, как бы плотину еще раз не размывло, руководители карьера — и бывший его начальник Б. Б. Протасов и нынешний А. А. Даниленко — вынуждены идти на явное нарушение — держать плотины всегда открытыми, и грязная вода напрямую сбрасывается в Язьву. Это грубейшее нарушение и технологического режима работы плотины, и закона об охране природы. Согласно проекту вода после плотины должна содержать 7,2 миллиграмма на литр взвешенных веществ, в действительности же она содержит 160 миллиграммов. Это просто недопустимо! Однако загрязнение будет продолжаться до следующего лета — достроить плотину руководители планируют только в июле будущего года.

Но грязная вода — это еще полбеды. Верилось, что с прекращением дражных работ Вишера сможет возродиться.

Еще большая беда кроется в другом. Посередине русел рек на протяжении десятков километров, пройденных драгой, остаются двухметровой высоты широченные отвалы отработанной породы. Рек на этом участке практически не существует. Блестят отдельные озера, прудки, протоки, но рек нет, и с трудом верится, что они когда-то были — студеные, кристально чистые, с их родниками, омутами, изгибами, с крупными хариусами на дне. Перед вами лежат навсегда утерянные реки, которые не купить потом ни за какие алмазы.

Вот здесь и встает вопрос — что важнее: река или драгоценные алмазы?

Хочу сделать оговорку. Я вовсе не собираюсь

предлагать закрыть прииск. Отнюдь, нет. Но добывать алмазы, как добывают их на Вишере, — это все равно что рубить яблоны для того, чтобы срывать с них плоды.

У Фридриха Энгельса есть мудрое предостережение: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые рассчитывали, но во вторую и третью очереди совсем другие непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых».

Добыча алмазов на Вишере — это, на мой взгляд, и есть тот самый случай, когда последствия работы драг уничтожают значение производственных успехов прииска «Уралалмаз», если иметь в виду, что самым удивительным минералом на земле является все-таки чистая вода, цена которой с каждым годом возрастает. Тем более, что есть возможность добывать алмазы менее губительным способом. Руслу рек можно и нужно восстанавливать. Если устроить на драгах специальные отводы, транспортирующие дражные отвалы на берега, то это не только прекратило бы разрушение реки, а фактически принесло бы ей существенную пользу: углубило бы ее, очистило бы дно от топляков.

Эти мои мысли подтвердились, когда в декабре прошлого года был на консультации в Министерстве мелиорации и водного хозяйства РСФСР и беседовал со специалистами.

В свое время, когда прииск «Уралалмаз» вел добычу на реке Койве, главный инженер Пермской областной конторы стройбанка СССР А. И. Васильев внес предложение установить на драгах два стакера-транспортера, что позволило бы укладывать отработанную породу в берега. Предложение было одобрено инженерами завода, строящего драги, однако практического применения оно не получило и было отвергнуто проектным институтом «Унипромедь» на том основании, что установка двух стакеров вместо одного затрудняла бы маневренность драги и снизила бы ее производительность. Вполне возможно, что предложение было несовершенно, но институт и своего предложения до сих пор не внес, и алмазники продолжают губить реки.

В прошлом году Пермский областной совет

общества охраны природы обратился в Министерство цветной металлургии с просьбой принять меры для восстановления русел рек, нарушенных дражными работами. В своем письме заместитель министра Н. Чиполенко ответил только на один вопрос — о принятых мерах по осветлению сточных вод на дражных полигонах, а другой вопрос — о восстановлении русел рек — обошел молчанием, видимо, потому, что восстановление русел рек при разработке россыпей проектами не предусматривается.

Высшая мера человеческого достоинства — это его совесть, его отношение к молчаливой природе-матери. Нынешнее благодушие и министерства, и руководства прииска «Уралалмаз» идет от старой-престарой привычки думать, что просторы России необъятны, а богатства ее неисчерпаемы. Россия действительно велика и богата, но на ней всегда отступать было некуда. Она должна остаться такой же Россией и для тех, кто придет после нас. И нельзя оставлять им следы торопливой жизни, отпущенной коротким веком.

Столетиями на севере Прикамья ходит легенда про двух богатырей: Полюда, Ветлана и красавицу Вишеру. Пospорили богатыри, кому любить Вишеру, и, не разрешив спор, стали швырять друг в друга камнями. Бросилась красавица разнимать их, но богатыри стали врагами и не примирились. Тогда заплакала Вишера от бессилия, упала между ними, думая таким образом прекратить вражду, да не успела: богатыри совсем забросали друг друга. Вишера с горя стала рекой. Так и стоят друг против друга две горы и бежит между ними река. Но вот лет десять тому назад геологи нашли на притоках Вишеры алмазы, и народная фантазия, продлив легенду, тут же внесла в нее любопытную подробность, будто те вишерини слезы обратились в алмазы.

Эта легенда в новом варианте, но в более грустном смысле пришла мне на память, когда я стоял на берегу реки Большой Щугор. И мне казалось, что я даже видел, как плакала Вишера, теряя навсегда своих младших сестер — реки, которые вливались в нее когда-то кристально чистой струей.

В. МИХАЙЛЮК,
краевед

От редакции

Далеко Вишера от Чусовой, но тоже на Урале и относится к тому же Камскому бассейну. Да и в судьбе их есть кое-что общее — то, о чем пишет в своей корреспонденции В. Михайлюк, касается и Чусовой. На ее притоках также работают драги. Как нам сообщают, «участки русла реки Койвы в среднем ее течении, река Вижай в районе поселка Верхняя Пашия, речки Полуденка, Кусья, Поньш совершенно потеряли свой естественный вид, в реках полностью нарушен режим водотока, нанесен непоправимый ущерб рыбным богатствам. По Чусовой, ниже устья Койвы, на несколько десятков километров тянется мутный глинистый шлейф койвинской воды (если это можно назвать водой)».

Вот еще одна нежданная беда, нависшая над красавицами Чусовой и Вишерой. А ведь эту беду предотвратить гораздо легче, чем обеспечить очистку промышленных стоков крупного завода — надо лишь строго соблюдать правила ведения дражных работ. И дело здесь не только в руководителях предприятий. Соблюдать эти правила в первую очередь должны экипажи драг — мастера, машинисты, механики. Неужели им не стыдно портить красу родной уральской реки!!

В редакцию «Уральского следопыта»

В 1923 году, когда я жил в Билимбае, мы ходили рыбачить на Чусовую с удочкой. Сколько было рыбы! С моста, идущего на станцию (деревянный был мост), за полчаса выуживал на кузнечиков восемь-десять голавликов. А какие огромные рыбки плескались в реке вечером — прямо страх! А в 1954 году, будучи там, в деревне Извезной, смотрел в воду, и никаких козьяков не видел. Спросил у жившего тут моего друга Алексея Ивановича: «Есть в Чусовой какая живность?» Он ответил, что никакой живой твари нет, а о рыбе и не говори, река мертвая, отравлена.

Вот я и думаю, что Операция «Ч» поможет хоть частично восстановить былую славу реки Чусовой. Мы наказываем браконьеров, ловящих рыбу сетью, мордами и другими запретными ныне способами, но только ли в них одно дело? Не помню точно, в какой год ревдинские рыбаки сказывали мне, что какой-то сверху завод пустил в воду кислоту. Рыбы отравленной лежало на берегах — горы!

Но в последние годы в реку Ревду снова спущена отравка, да ведь не постепенно, а враз.

Я по своей простоте думал, что людям, виновным в потраве рыбы и загрязнении воды, здорово попало, оказывается, нет, наложат на завод штраф, выплатят его из государственных средств, и все. Виновные не несут наказания.

Прошлый год Атигский завод вылил в реку кислоту, выливал и Нижне-Сергинский. И все сошло. Конечно, опускать рук и не надо, но виновных в потраве без наказания оставлять нельзя.

Есть такой Новоуткинский пруд на реке Утке. Раньше мы из Грובהв ходили на удочки рыбачить. Рыбы было полно. А теперь новоуткинские рыбаки-любители ездят на Атиг — в пруду нет рыбы. Почему! Больших заводов здесь нет, травить, вроде, некому. Надо бы школьникам и любителям природы выяснить причины.

Река Утка ниже поселка впадает в Чусовую; протяжение ее примерно 35—40 километров. Впадает в нее множество речек. Если с верховьев считать: Густая, Ключ, Селиха, Андриюшиха, Партиха, Грязнуха, Талица, Северная, Перескачка, Осиха, Петруниха, Шадриха — 12 речек надо обследовать, не несут ли они нехорошие стоки. Я вот старый стал, ноги плохо ходят. Если бы эта операция «Ч» началась раньше, годков на десять, то я обошел бы сам эти речки, выяснил бы, в чем там дело. Подозрение есть, что начало грязи весной в половодье берется около станции Дружинино — в полукилometре есть там нефтебаза, в большую воду она загрязняет речку Грязнуху, а там и Утку.

На реке Утке, против станции Дружинино, есть небольшой прудок, примерно 2500 кв. мет-

ров. В нем было рыбы полно — чебак, окунь, щука, налим и даже хариус. Последние три года рыбы стало меньше и меньше, у берегов мелочи совсем не стало. Удивительно мне то, что дружинские любители совсем не стали удить на бережку. Да и в поселке известкового завода тоже. В чем дело? В вершине пруда стоит известково-выжигательная печь (называется известковый завод), построена в начале 30-х годов. Рыба в пруду была, гнездились там даже утки. Но вот последние три года не стает рыбы.

Я спрашиваю у заведующего станционной водоканалкой Еграфа Федоровича Елисеева, почему не стает рыбы. Бродить запретили, глушить тоже, раньше все водилось, а рыбы было много. Елисеев говорит: «Известковый травит». Я ему говорю: «Известковая печь поставлена в 1930-х годах, а рыбы не стает года как три». «Не знаю, — говорит, — в чем дело, только знаю, что от завода отравка».

Прошлым летом прихожу поудить. Попался окунь порядочный и щуренок. У меня банка изпод повидла с дырками, положил в нее рыбок, и в воду. Больше ничего не выудил.

Прихожу домой, говорю жене: «Вари уху, свеженькой ушки хочется». Только они эти рыбки, хотя и были в воде, но скоро уснули, а обычно они по целому дню живут в банке.

Сварилась уха. Попробовал ложку — гольный керосин. Я на жену: «Ты в чем варила! Или ложка у тебя в керосине!» Она говорит: «Сельпо керосином не торгует, у нас его в доме нет».

Дал я рыбу кошке, та покюхала и отошла. Вот, думаю, снятно, отчего рыба дохнет.

После этого приходил я не рыбачить, а ловить домики [это червячки в деревяшках у нас так называют — «живые домики»]. Сидит на Бережку рыбак-пенсиянер. Шесть удочек расставлено. Выглянуло солнце. «Смотри, — говорю, — какая красота — радуга на воде возле берега и лучами в середину пруда просвечивает». А он говорит: «Это мазут дает радугу». «Что же, — говорю, — ты хочешь в мазуте поймать!» «А вот, — говорит, — с утра два окуня попало, но есть их нельзя».

После этого я написал в районную газету «Ленинское знамя». Оказалось, что у известкового завода появилась заправочная — трактора заправляются на самом берегу Утки, и все плывет в воду. Отравка рыбе и людям. Говорят, что убрали с берега заправочную. Летом схожу проверю.

Вот таким образом и речки в бассейне Чусовой надо местным жителям обойти, обследовать — нет ли чего вредного. Надо всенародно бороться за чистоту воды. Пусть это доброе дело расширяется и крепнет.

МЕНЬШИКОВ Александр Константинович, пенсионер-железнодорожник, 69 лет, любитель природы, рыбак-удильщик, был охотник, а теперь ноги плохо ходят, да и незачем — дичи и зверя мало стало. Птица тоже потравлена вместе с клещами.

Уважаемая редакция!

Я постоянный подписчик журнала. И я считаю, что очень своевременно на страницах журнала поднят вопрос о сохранении реки Чусовой.

Я коренной житель города Чусового, и поэтому для меня, как и для многих других любителей природы и красоты края, этот вопрос немаловажный. Удиль на Чусовой я начал с 1935 года и помню, что она была очень рыбной рекой, особенно богата хариусом. Вода была такая, что можно видеть дно на глубине полтора-два метра. Но в то время я, по малости лет, еще не бывал в верховьях реки и не видел всей красоты ее берегов — камней, плесов и перекатов. Когда появились лодочные моторы, мы стали ездить и в верховья. Между прочим, свой отпуск я провозжу только на Чусовой, ни разу не был на курорте или в доме отдыха. Для меня нет лучшего отдыха, чем на Чусовой, особенно под поселком Чизма, около речки Бедьки. Там я с семьей и с товарищами обычно и провозжу свой отпуск. И вот, когда видишь, что на твоих глазах из года в год все это уничтожается, то нет сил, чтобы не возмутиться этим варварством.

То, что дно реки по вине комбината «Чусов-

лес» и Чусовской сплавной конторы выстлано лесом и что берега «лысеют», уже писалось, но я еще хочу сказать о том, как уничтожается красота берегов при их «генеральной зачистке» сплавщиками.

В это время партии рабочих с бульдозерами сталкивают в воду древесину, оставшуюся после половодья. При этом бульдозеры утюжат берега вдоль и поперек, уничтожая всю растительность. Вода в реке становится цвета глины.

Я помню, исключительно красивое место для отдыха было против камня Отметыш, а что сейчас представляет оно — трудно описать. Берег весь изрыт бульдозерами, не только отдохнуть тут, но и пройти невозможно. Да и только ли здесь!

Неужели мы не можем предотвратить уничтожение красоты Чусовой? Надо потребовать от руководителей комбината «Чусовлес» и сплавной конторы прекратить вырубку леса и варварскую зачистку берегов бульдозерами. Может быть, стоит поставить вопрос о полном прекращении молевого сплава!

В. Мальцев

•

Там, где в Чусовую впадает быстротруйная речка Каменка, расположилась одно из самых старых поселений Причусовья — деревня того же имени, что и речка. В прошлом здесь была крупная пристань, база весеннего сплава горнозаводских караванов.

Каменка — своеобразный памятник певцу Урала Д. Н. Мамину-Сибиряку. Он не раз бывал здесь, действие в некоторых его произведениях разбегается в местах, напоминающих Каменку или ее ближайшие окрестности: села Нижнее и Трека, живописные хмми Заплотный, Винокурный и другие.

Прошло много лет с тех пор, как Каменка перестала быть базой сплава, опустела деревня, все меньше оставалось в ней старожилов, пришло в ветхость здание караванной конторы и дом, в котором останавливался Мамин-Сибиряк. Но не суждено было Каменке погибнуть. Она возрождается снова. По предложению комсомольцев Первоуральского треста Уралтяжтрубстрой здесь решено создать базу отдыха, восстановить старые дома в том виде, в каком их застал знаменитый уральский писатель.

На общественных началах был разработан проект и на общественных же началах проходит строительство. На первый воскресник приехали 25 комсомольцев треста со своим вожаком Ге-

лием Трефеловым. А потом воскресники проводились почти каждую неделю, число строителей возросло. Были восстановлены плотина и мост через Каменку, дом караванной конторы. В бывшей школе оборудованы комнаты отдыха, клуб. Удалось создать удобные для отдыха помещения и, вместе с тем, сохранить в оформлении и внешнем облике зданий черты прошлого.

Работы в Каменке не окончены, предстоит еще многое сделать. Решаются вопросы — как бережно, но наиболее полно и всесторонне использовать природные богатства Каменки, ее замечательные окрестности. Этим летом на высоком обрывистом берегу Чусовой начато строительство большого современного корпуса и подвесного моста, ведущего на правый берег, где много мест, удобных для отдыха. Строители думают и о том, как лучше сделать мемориальную доску на здании бывшей караванной конторы, оборудовать музей истории сплава имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Каждую пятницу приезжают на субботу и воскресенье в Каменку комсомольцы и молодежь треста Уралтяжтрубстрой, Первоуральской автобазы № 8, учащиеся технического училища № 69 — они строят свою туристскую базу, которой уже дали название «Утес».

В. Головкин

•

Дуэль

Когда-то было правилом дуэлей:
Оружья род по вкусу выбирает
Тот из двоих, кто вызван на дуэль.
Вот если б в споре
Человека с зайцем
Косому предоставили мы право
Оружьем поединка выбрать ноги...
Тогда бы посмотрели,
Кто кого?!

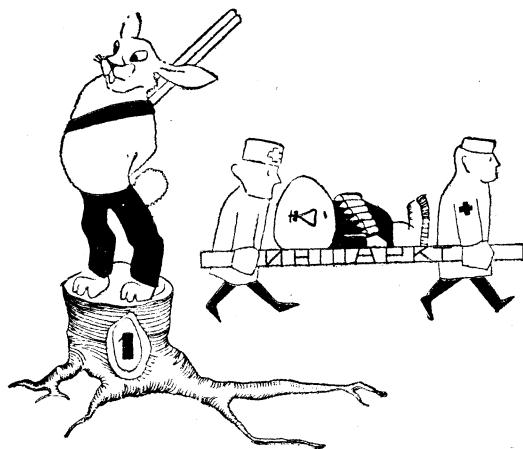
«На наш век хватит...»

— На наш век хватит! —
Молвил прадед
И стал рубить леса не глядя.

— На наш век хватит! —
Молвил дед
И закоптил весь белый свет.

— На наш век хватит! —
Молвил сын
И вылил в речку керосин.

— На наш век хва... —
Открыл рот внук,
Дохнул и обмер.
Все.
Какое!

Охотник

Кошмарный сон охотнику приснился:
Стоит он посередь лесной поляны,
А вокруг поляны — девятнадцать елок,
Под каждой елкой — по большому зайцу...
— Где ж тут кошмар?! Удача. Знай, пали!
Попробуй только — девятнадцать зайцев!
У каждого из зайцев — по двустволке,
И все стволы нацелены в тебя...
— Вот это сон! И что же было дальше?
А дальше что... Охотник наш проснулся
И до сих пор сидит, не шелохнется,
В глазах застыла заячья тоска!

Мать

Терпелива мать-природа.
Как ей только ни вреди,
Мать-природа и уroda
Согревает на груди!

В одной из весточек брату Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк писал: «Родина наша вторая мать, а такая родина, как Урал, тем паче, припомни «брatца Антея» и русских богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удесyтеренную силу. Это — глубоко верная мысль».

Дмитрий Наркисович родился в Висимо-Шайтанском рабочем поселке, учился в школе для детей рабочих. Урал, его природа, быт простых смертных и власть имущих, пореформенный кризис уральской горной промышленности — все это стало главной темой творчества писателя.

Книги Д. Н. Мамина-Сибиряка и поныне волнуют читателей, потому что в них — правда, в них неколебимая вера в народ.

По заданию редакции свердловский художник Владимир Михайлович Яковлев побывал на родине писателя и сделал рисунки, которые мы предлагаем вашему вниманию.

Подписи к рисункам будут ясны читателям, знакомым с интереснейшим романом Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца». А тем, кто еще собирается прочитать эту книгу, мы поясним подписи высказы-

Висим. Школа, где учился писатель, и дом (справа), где он родился.

ванием самого писателя, относящимся к тому далекому времени: «...завод, где родился и вырос, в этнографическом отношении представляет замечательную картину — половину составляют раскольники-аборигены, одну четверть черниговские хохлы и последнюю четверть — туляки... Словом, картина любопытная во всех отношениях».

Отсюда и прежние названия «концов» — «кержацкий», «хохляцкий» и «туляцкий».

В «КЕРЖАЦКОМ» КОНЦЕ.

С них писал Мамин-Сибиряк своих героев. Плотинный мастер М. Г. Журавлев, умерший в 1965 году почти в столетнем возрасте. Кержачка.

Ипат Гущин
г.р. 1885

Ипат Гущин. Один из
Гущиных послужил про-
образом главного героя
книги.

ДОРОГА В «ХОХЛЯЦКИЙ» КОНЕЦ ВИСИМА.

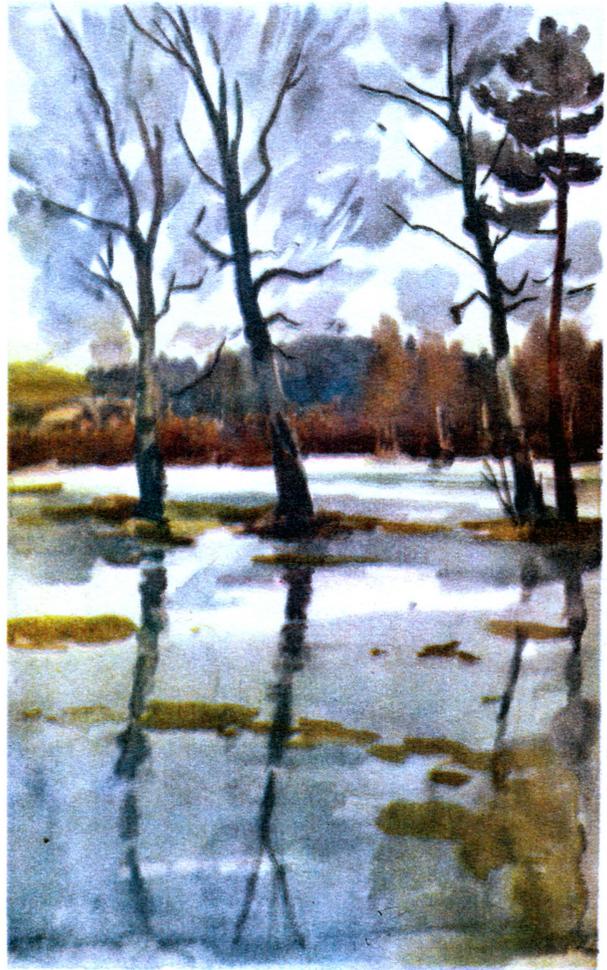
ГДЕ-ТО РЯДОМ ЧУСОВАЯ.

Охотничья избушка.

По воду.

ВЕСНОМ НА РЕКЕ МЕЖЕВАЯ УТКА.

Вид на гору Шихан.

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

М. СЕМЕНОВ

Рисунки Е. Шукаева

Тунгусское «диво»... Нет ничего удивительного в том, что это, до конца не разгаданное, явление пользуется популярностью у читателей. Очень уж заманчива мысль об инопланетном корабле, будто бы прилетевшем на Землю в далеком 1908 году!

Основоположником столь привлекательной версии принято считать А. П. Казанцева, опубликовавшего в 1946 году в журнале «Вокруг света» рассказ «Взрыв». Но, оказывается, есть у этой гипотезы другое, более раннее начало.

В 1937 году в сталинградской комсомольской газете «Молодой ленинец» печаталась с продолжением фантастическая повесть «Пленники Земли». Написал ее сотрудник газеты М. Г. Семенов, ныне писатель-сатирик, редактор журнала «Крокодил». Вдохновленный научным подвигом Л. А. Кулика, предпринявшего ряд экспедиций к месту падения Тунгусского метеорита, молодой журналист положил в основу повести собственную догадку о происхождении «дива», почти на десятилетие опередив тем самым А. П. Казанцева.

Вероятно, описания в «Пленниках Земли» космической и другой техники могут показаться современному читателю устаревшими. И в то же время интересно, как все это представлялось отцам наших нынешних читателей в те годы.

Повесть публикуется с сокращениями.

49

Пролог

Величава и грозна природа Сибири. Куда ни глянешь — всюду вековые леса, топи да горные хребты. Молчаливо стоят могучие лиственницы и сосны, не шелохнутся стройные ели, и только осины пугливо шелчутся о чем-то. В сумрачных урочищах залег лютый зверь. Нет тут прохода ни конному, ни пешему. Тайга!

Дикие и пустынные берега речушки Чамбе. Только кое-где можно встретить убогое жилье охотника-эвенка. И потом опять на сотни километров жуткая тишина.

Волею случая этому глухому месту суждено было стать ареной события, потрясшего все человечество. Случилось это 30 июня 1908 года.

...Стояла тихая и ясная сибирская ночь. Мерцали далекие звезды. Поднявшийся было с вече-

ра северный ветер к полуночи совершенно затих. Ничто не нарушало ночного покоя.

Вдруг в западной части неба сверкнула светлая точка. В мгновение ока она превратилась в огненный шар, который, с каждой секундой увеличиваясь в размерах, быстро несся к земле.

И тут произошло что-то неопишное. Казалось, небесное чудовище, коснувшись вершук деревьев, выдохнуло стремительную волну раскаленного воздуха. Лес, как скошенный, повалился наземь. Огненный смерч настиг оленьи стада, на десятки километров кругом разметал охотничьи зимовки. Далеко по тайге разнесся оглушительный гром, перекатываясь по отрогам гор.

Но скоро затихло отдаленное эхо, и в тайге снова все пошло своим чередом.

Странный пассажир

Летом 193.. года скорым поездом Москва—Красноярск ехала на восток веселая компания. Душой ее был добродушный седовласый профессор, которого все величали Владимиром Ивановичем. Его окружала группа молодежи — две девушки и трое молодых людей.

Говорил профессор.

— Не думайте, дорогие друзья, что всё обойдется без борьбы. Всем нам придется воевать. И знайте, война эта так же будет не похожа на прошлую мировую, как эта последняя — на войны Александра Македонского. Нам придется сражаться с хитрым и сильным врагом.

— Вы правы, профессор! — воскликнул Кочетов, щеголевато одетый человек лет тридцати, читавший в углу купе иностранный журнал и до сих пор не принимавший участия в общей беседе.

Все с любопытством повернулись к нему.

— Вот эта статья, которую я только что прочел, как раз содержит оценку их хитрости и силы. Но что они пишут! Проповедуют, что будущее — за «людьми ума». Ну, с этим, пожалуй, можно было бы согласиться — дураков вроде бы с каждым днем становится меньше...

Все рассмеялись.

— Но как они понимают этих «людей ума»? — продолжал Кочетов, размахивая журналом. — По их мнению, это кучка людей из высшей интеллигенции — профессора, инженеры, которые, изобретая лучи смерти и прочую чепуху, покорят мир. «Люди ума» станут единственным правящим классом... Так могут мыслить только фашиствующие интеллигенты! Мир движется к иным целям и другими путями.

— Правильно, — сказал один из молодых слушателей. — Но разве вы будете отрицать, что научные лаборатории этих маньяков работают полным ходом? Кто знает, что преподнесут нам эти господа? Они не только сильны, но в известном смысле и умны...

Лязгнули буфера остановившегося поезда, и разговор прекратился. Мимо раскрытых дверей

купе торопливо прошел новый пассажир, в плаще, в шляпе, плотно надвинутой на лоб, с небольшим саквояжем и свежей газетой в руках, очевидно, только что купленной.

Станция была, видимо, небольшой, и вот уже заверещал свисток дежурного, поезд двинулся дальше. Спор в купе не возобновлялся. Вечерело. Девушки ушли к себе, в соседнее купе. Владимир Иванович, размяв папиросу, отпрзвился курить в тамбур, а Кочетов вновь уткнулся в журнал.

Пассажир в шляпе, устроившись в соседнем купе, не спеша перелистывал газету. Взгляд его равнодушно скользил по статьям об обмене билетов, спектаклях Камерного театра, о взмете зяби и собирателях фольклора. Гораздо дольше задержался незнакомец на материалах международного отдела. Он просмотрел все телеграммы с фронтов Испании, ознакомился с последними речами английских министров и даже прочел довольно большую статью, анализировавшую политику Соединенных Штатов в испанском вопросе.

Суровое лицо незнакомца, с черными, нависшими над впадинами глаз бровями, сохраняло какую-то каменную бесстрастность.

Но от этой бесстрастности не осталось и следа, когда, просматривая четвертую страницу газеты, незнакомец наткнулся на заголовок: «В тайгу на самолетах». И стал читать:

«Как известно, в июне 1908 года в Сибири упал небывалых размеров небесный камень. Поиски метеорита, предпринимавшиеся до сих пор, не принесли никаких результатов.

По предложению известного профессора В. И. Блюмкина Академией наук снаряжена новая экспедиция, которая обследует бассейн реки Чамбе с помощью самолетов.

Экспедиция под руководством В. И. Блюмкина, состоящая из научных сотрудников и студентов-выпускников Ленинградского государственного университета, уже выехала в Красноярск, где к ней присоединятся летчики с самолетами.

Порывистым движением пассажир швырнул газету на пол и, схватив саквояж, выскочил в тамбур. К его счастью, поезд замедлил ход, пре-

Если бы пассажиры скорого поезда могли последовать за своим спутником, они стали бы свидетелями необычной картины. Достигнув чащи, незнакомец торопливо сбросил с себя плащ и остался в гладком кожаном костюме. Из саквояжа он извлек кожаный шлем со стеклянной маской, надел его на голову. Затем прикрепил к плечам странный аппарат с небольшим пропеллером. На руках незнакомца появились перчатки, напоминавшие ласты... Раздалось глухое легкое жужжание, и необыкновенный пассажир, подобно библейскому ангелу, вознесся в небо. Не прошло и минуты, как его фигура растаяла в вечерних сумерках. Брошенный второпях, под деревом одиноко чернел пустой саквояж, да на кустах качались обрывки веревки.

На фактории Лесной

В Красноярск экспедиция прибыла в полдень. На вокзале приехавших никто не встретил, и поэтому им пришлось, руководствуясь указаниями прохожих и постовых милиционеров, самим разыскивать крайисполком.

Председатель исполкома, худощавый седой человек, принял гостей весело, радушно, пригласил их сесть, а секретаршу, пожилую женщину в белоснежном переднике, попросил принести чай и печенье. Завязалась оживленная беседа.

Выслушав рассказ профессора о целях и задачах экспедиции, председатель подошел к огромной карте края.

— Район, в котором вам предстоит работать, — заговорил он хрипловатым голосом, — изучен плохо. Вы видите, как расположены у нас населенные места — только на юге. Область же Подкаменной Тунгуски, — он обвел на карте обширный участок, — совершенно дикая. Старожилы уверяют, что там были когда-то богатейшие охотничьи угодья, но по неизвестным причинам зверь покинул их, а следом ушло и население. На весь

одолевая подъем, и незнакомец, спустившись на подножку вагона и выждав удобный момент, ловко спрыгнул на насыпь. Отряхнувшись, он посмотрел вслед красному огоньку последнего вагона и торопливо углубился в лес.

этот большой район есть только одна фактория, которую и придется, очевидно, избрать базой вашей экспедиции.

— Как мы доберемся до фактории? — спросил Владимир Иванович.

— На пароходе.

— А люди, с которыми нам придется встретиться на фактории? Кто они? — вставил вопрос Михаил Санин, невысокий, но крепкого сложения юноша с пытливым выражением не улыбочивых серых глаз.

— Извольте, — охотно отозвался председатель. — Заведует факторией Иванов, проверенный и надежный коммунист. Товароведом — Антон Тропот, прекрасный работник, он в тех местах около пяти лет. Вот и все население фактории, которая, кстати сказать, носит название Лесной. А отчего — я думаю, понятно и без пояснений.

— Вы нам ничего не сказали о летчиках и самолетах, — вспомнил Кочетов.

— Самолетов у вас будет два. Летчиков мы назначили опытных, хорошо знакомых с местными условиями. Они вылетят на базу через несколько дней, как только подготовят гидросамолеты.

На этом беседа закончилась. Сделав необходимые покупки, экспедиция погрузилась на маленький пароходик «Байкал» и к вечеру покинула Красноярск.

Через три дня, продрогшие от лившего всю дорогу холодного дождя, путешественники высадились у фактории Лесной. Дул сильный ветер, дождь не унимался. Тайга гудела.

Навстречу путешественникам вышли заведующий и товаровед. Начались рукопожатия, приветствия, расспросы.

Владимир Иванович поспешил сократить эти неизбежные церемонии и, официально представившись заведующему, попросил его поскорее разместить людей.

— Да-да, конечно! — заторопился Иванов. — Я попрошу всех вас пока зайти ко мне. А вы, Антон Сергеевич, — обратился он к товароведу, — приготовьте, пожалуйста, дом, в котором в прошлом году жила геологическая партия.

— Уж как-нибудь, — флегматично отозвался товаровед и ушел.

Если бы кто-либо из членов экспедиции внимательно присмотрелся к этому чернобровому широкоплечему мужчине в охотничьем костюме, он безошибочно угадал бы в нем того пассажира, который покинул скорый поезд Москва — Красноярск столь странным способом. Но, во-первых, при встрече в полуосвещенном вагоне никто из веселой компании не разглядел пассажира как следует, а во-вторых, никому и в голову не могла прийти мысль о том, что элегантно одетый гражданин из скорого и товаровед в поношенном охотничьем костюме — одно и то же лицо. Да и вообще наши путники в этот момент были далеки от каких бы то ни было размышлений. Трехдневное путешествие на неуютном пароходике давало себя знать, и всем хотелось скорее поесть чего-нибудь горячего и отоспаться.

Тайга на замке

Утро выдалось розовым, ясным, умытым по-праздничному. От вчерашнего ненастья не осталось и следа. Дали были ясны и широки.

Хорошая погода привела всех в восторг. Угне-

тенного настроения, навеянного туманами, холодным ветром и дождем, как не бывало.

Лена Седых и Наташа Русакова, проснувшись раньше всех, начали шумно и весело устраивать коллективное жилье.

Дом, предоставленный участникам экспедиции, состоял из трех комнат — двух маленьких и одной большой. Девушки решили в комнате, обращенной окнами к югу, поселить Владимира Ивановича, другую заняли сами, а большую ответили остальным. Теперь нужно было расставить кровати, столы, стулья, соорудить умывальник, вешалку. Товаровед фактории деятельно помогал девушкам, сам вставил разбитое стекло и вообще безропотно выполнял любое требование молодых хозяек. К концу дня он уже был для Лены и Наташи вполне «своим» человеком.

Тем временем Владимир Иванович, Кочетов, Санин и смуглолицый Костя Нормаев, оставив в помощь девушкам радиста Леву Переплетчика, отправились в первую разведку. Шли узенькой тропой, проложенной, очевидно, охотниками. Впереди шагал Михаил Санин; по праву отличного стрелка он нес английский винчестер.

Неожиданно тропинка, до этого влившаяся по долине, резко побежала в гору. Владимира Ивановича начала донимать одышка.

Михаил и Костя ушли далеко вперед. То и дело на гребнях камней показывались их фигуры и скрывались вновь. Подъем становился все круче.

— Ша-ба-аш!.. — раздался вдруг голос Кости Нормаева. Взобравшись на сосну, юноша махал оттуда рукой.

— В чем дело? — закричали ему профессор и Кочетов.

— Ид-ти не-ку-да-а! — нараспев ответил Костя.

Тропа, по которой путники прошли уже километров десять, обрывалась у высокой отвесной скалы. Кочетов и Санин углубились в чащу в надежде обнаружить продолжение тропинки. Но напрасно они продирались сквозь колючий кустарник: впереди не было и намека на тропу. Делать было нечего — пришлось возвращаться.

На следующий день разведка была повторена. Теперь уже экспедиция шла другой тропой, в северном направлении. Снова до полудня шли хорошо. Тропинка вела путников в глубь тайги. Все были веселы. Девушки, которые на этот раз тоже участвовали в походе, начали подшучивать над Михаилом и Костей.

— Эх, вы, следопыты! Завели вчера всех в тупик. Уж лучше бы не брались.

— Я не Фенимор Купер, — отшучивался Нормаев. — Это он умел водить своих героев по лесным чащам. А у нас, в Калмыкии, куда ни взглянешь — кругом степь, куда ни поедешь — везде дорога!

— Да и тут троп немало! — крикнул шедший впереди Кочетов. — Смотрите!

И действительно, тропинка расходилась в разные стороны. Пришлось разделить на группы. Условились через два часа собраться опять на этом месте...

Владимир Иванович с Кочетовым, Лена с Наташей вернулись ни с чем — пути дальше не было. Стали ждать Нормаева и Санина. Прошло около часа. Наконец за деревьями показался Костя, за ним Михаил. Но в каком виде! Без кепок, с поцарапанными лицами, в грязи.

Ребята сообщили неутешительную весть. Тро-

пинка, по которой они шли, исчезла совершенно неожиданно. Решив во что бы то стало найти ее продолжение, они облазили все вокруг в радиусе добрых двух километров. Несколько раз попадали в какое-то болото и, будучи не в силах пробиться сквозь чащу, отступили.

Усталые и недовольные, возвращались пугники домой. У всех на душе лежало тяжелое раздумье. Сумеют ли они здесь сделать что-нибудь? Оправдают ли доверие Академии и университета?

Когда ехали — думалось, что дело пойдет легко и быстро. Но тайга оказалась закрытой на прочный замок.

Всех смущало какое-то таинственное исчезновение тяжелых троп. Кто проложил их? Почему они пропадают совершенно неожиданно?

Новая загадка

Безрадостные дни переживала фактория. Снова и снова уходили в поиск участники экспедиции. И всякий раз их попытки проникнуть в глубь тайги ни к чему не приводили.

Владимир Иванович подолгу просиживал над картами, десятки раз перечитывал скудную литературу о сибирском метеорите, а по утрам, взобравшись на вышку, часами разглядывал окрестность в полевой бинокль.

И все-таки вылазки в тайгу проводились ежедневно. Теперь в них участвовали только Кочетов, Норманов и Санин. Доцент Кочетов, неутомимый и деятельный, внушал ребятам бодрые мысли. Рано утром он поднимал Костю и Михаила и, насколько позавтракав, уходил с ними в тайгу. До поздней ночи бродили они, силясь пробиться вглубь. Еле заметные тропы заводили их в непролазные чащи, в топи, в непреодолимые ущелья и там пропадали. Путешественники часто по несколько часов кружили на одном месте; обнаружив это, вконец изможденные, они покидали коварную тропу.

Несколько раз пытались идти напрямик, сквозь заросли. Но тайга есть тайга.

Сотрудники фактории с большим сочувствием относились к неудачам экспедиции. Иванов несколько раз порывался пойти с разведчиками, но трезвый и рассудительный товаровед все время его останавливал: приближался сентябрь, нужно было готовиться к началу пушного сезона. Сам Тропот, который, по свидетельству заведующего факторией, изредка ходил на охоту и, очевидно, должен был знать окрестности, уже десятый день жаловался на зубную боль и, естественно, ничем экспедиции помочь не мог. Он, правда, подавал советы, но что объяснишь без хорошей карты, на листе бумаги.

Все эти дни Лева Переплетчик колдовал над радиопередатчиком. Несмотря на все усилия, он никак не мог установить связь с Красноярском. А это сейчас было просто необходимо: самолеты почему-то не прибыли до сих пор.

Наконец, однажды в полдень в дом, где разместилась экспедиция, вбежал взволнованный Лева и закричал во все горло:

— Владимир Иванович, ребята! Красноярск заговорил!

Все мигом собрались у радиоаппарата.

Лева звонко кричал в микрофон:

— Алло! Алло! Говорит фактория Лесная!

У микрофона профессор Блюмкин и члены экспедиции. Отвечайте, слышите ли вы меня? Перехожу на прием!

— Красноярск вас слушает...

Просветлевший Владимир Иванович шагнул к микрофону и торопливо заговорил:

— Говорит Блюмкин. Почему до сих пор не вылетели самолеты? Работа наша может сорваться. Мы провели несколько разведок, но без результата. Без самолета мы не выполним задание.

Красноярск отвечал:

— Самолеты были задержаны для выполнения срочного задания. Сегодня утром к вам вылетел гидроплан, пилотируемый летчиком Махоткиным. Завтра на другой машине вылетает пилот Бабочкин.

И тут же, как бы подтверждая сообщение из Красноярска, в воздухе показался гидроплан. Он сделал круг над факторией и, развернувшись, пошел на посадку. Все бросились к берегу. Лева, сматывая шнур, кричал в микрофон:

— Говорит радист Переплетчик! Самолет, посланный вами, садится на реку! Горячее спасибо от всей экспедиции! Передачу прекращаю...

На другой день состоялась первая воздушная разведка. Так как самолет был двухместный, то с пилотом полетел один Владимир Иванович. Вздымая каскады брызг, гидросамолет взлетел над рекой и стал набирать высоту.

На запад и юго-запад от фактории виднелись одинокие становища оленеводов-эвенков, у дымящихся чумов паслись олени стада. В северном и северо-восточном направлении, куда неоднократно стремилась проникнуть экспедиция, тянулись сплошные леса. Здесь нигде не было видно ни малейших признаков человеческого жилья.

— Пойдем в этом направлении! — махнув рукой на северо-восток, прокричал Владимир Иванович летчику.

Местность тут напоминала гигантскую воронку, окруженную с запада и востока грядами гор. В глубине долины курилась непонятная дымка.

— Что за черт, мерещится мне, что ли? — пробормотал Махоткин, протирая очки и пристально всматриваясь вперед.

— Профессор, смотрите прямо перед собой, — проговорил он в трубку телефона. — Что вы там видите?

— Вижу туман, хотя это и невероятно, — удивленно отвечал профессор. — Ведь солнце-то печет вовсю. Откуда же быть туману?

Махоткин пожал плечами и прибавил газу.

Прыжок в неизвестность

На следующий день прибыл второй самолет, и теперь на разведку вместе с Блюмкиным смог вылететь и Кочетов. Оставшиеся молча провожали глазами две точки, медленно таявшие в небе.

Туман, обнаруженный вчера в долине, не только не рассеялся, а стал еще плотнее, гуще. Видимо, он держался над землей на высоте не более двухсот метров. Самолеты, снизившись, стали медленно кружить над пеленой тумана, в надежде найти хотя бы небольшой просвет. Но увы — безуспешно. Туман лежал густой, плотной массой,

— Попробуем еще снизиться,— предложил Владимир Иванович Махоткину.

Самолет словно нырнул в молоко. Летчик тронул рули высоты, и машина выскочила из тумана. Лететь в этой мгле было опасно.

Вечером, когда все собрались за ужином, состоялось обсуждение итогов полета, и Кочетов предложил отказаться от наблюдений с воздуха.

— Пусть летчики доставят меня в зону тумана,— заявил он,— и я прыгну с парашютом.

В комнате наступило молчание. Прыгнуть в туман, в неизведанную таежную чащу? Не приведет ли этот прыжок лишь к ненужной жертве?

— Захватчу с собой продуктов, оружие и побольше аммонита,— продолжал Кочетов.— Предварительно обследовав местность, произведу небольшой взрыв. После этого сигнала кто-то должен будет спуститься ко мне.

Взвесив все «за» и «против», профессор вынужден был принять этот план. Ведь надо же было что-то делать.

Ранним утром Кочетов, тепло простившись со всеми и выслушав последние указания Махоткина, сел в кабину. Летчик дал газ, и самолет заскользил по реке.

Потянулось время томительного ожидания. На вышке непрерывно дежурили, ожидая условного сигнала.

Но наступило утро следующего дня, а Коче-

тов не подавал никаких признаков жизни. Тайга молчала.

Одно за другим возникали и тут же отвергались самые разнообразные предположения. Только в одном все сходились. Кочетов жив, но ему необходима срочная помощь.

Как же можно было помочь Кочетову? Отправиться на розыски пешком нечего было и думать — тайга непроходима. Искать на самолетах вообще не имело смысла: сверху ничего, кроме тумана, не увидеть. Оставалось одно: не дожидаясь условленного взрыва, прыгнуть к Кочетову с парашютом. Первыми вызвались летчики.

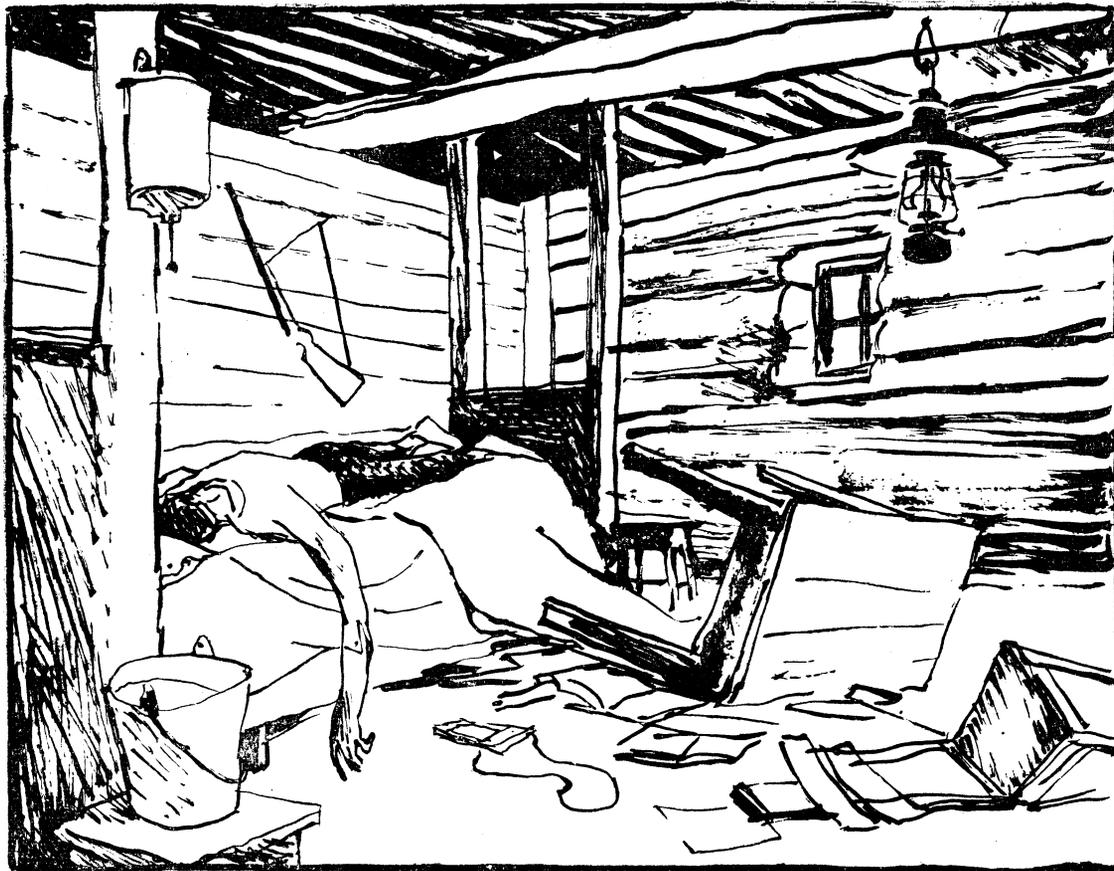
После обеда они пришли к Владимиру Ивановичу. — Нужно разыскать Кочетова,— заявил молчаливый Махоткин.— Разрешите прыгнуть мне или Бабочкину.

Профессор ничего не успел ответить: вмешались Костя, Михаил и Лева.

— Последовать за Кочетовым должен кто-нибудь из нас,— настаивали они.— Нельзя оставлять самолеты без пилотов!

Владимир Иванович встал.

— Вы правы,— согласился он.— Нужно помочь Кочетову и выяснить, что же там творится, в этой проклятой долине. По всей вероятности, лучше всего это удастся сделать...— он обвел глазами всех присутствующих,— мне, дорогие друзья!

Такой оборот несказанно поразил всех. В комнате поднялся невообразимый шум. Но профессор был непреклонен.

— Я твердо решил стать парашютистом, когда-то даже прыгал с вышки,— пошутил он, когда шум поутих.— Поэтому не пытайтесь меня разубедить! На время моего отсутствия начальником экспедиции остается Санин. Если через два дня мы с Кочетовым не вернемся, то немедленно сообщите в Красноярск. Но я не думаю, чтобы это случилось... А обо мне не беспокойтесь, с парашютом я справлюсь!

Утро было безветренное.

Условились, что Махоткин выбросит Владимира Ивановича в том же месте, что и Кочетова. Поэтому летчик в полете все время поглядывал на часы и компас. Альтиметр показывал высоту 900 метров. «Пора»,— решил, наконец, Махоткин и передал по телефону:

— Приготовьтесь к прыжку.

Владимир Иванович не без труда выбрался на крыло. Самолет пошел на снижение.

Владимир Иванович посмотрел вниз и ничего не увидел. Тогда он поправил лямки парашюта и бросил пристальный взгляд на летчика. Тот указал ему пальцем на кольцо и махнул рукой.

— Пошел!— по движению его губ прочел Владимир Иванович и соскользнул вниз.

Ощущение невесомости в первое мгновение затмило все остальное. Владимир Иванович рванул кольцо, заранее зажатое в руке. Шелк с мягким шелестом скользнул из-за спины. Профессора сильно дернуло, швырнуло куда-то в сторону, и в следующий миг Владимир Иванович почувствовал себя сидящим в гигантских качелях. Он поднял голову и увидел над собою разноцветный купол парашюта. А выше кружил самолет Махоткина.

Внезапно все вокруг окутал сырой, влажный туман. Видимость исчезла. «Опуститься на согнутые ноги и сейчас же свалиться на бок»,— вспомнил профессор наставления пилота. Сотрясаая воздух, где-то рядом раздался взрыв. «Это, наверное, Кочетов»,— успел еще подумать Владимир Иванович, ударяясь о что-то твердое.

«Нуждаемся в помощи...»

Взрыв был услышан на фактории.

Костя Нормаев потребовал немедленно отправиться в тайгу. Кочетов и профессор, без сомнения, уже нашли друг друга и направляются в сторону фактории. Задача оставшихся— выйти им навстречу.

С этим предложением все согласились. Выступать решили на рассвете. Сигнал к подъему должна была дать Наташа: она всегда просыпалась раньше всех.

И действительно, только блеснули лучи солнца, как она уже была на ногах. Наташа решила вначале разбудить Тропота. Еще с вечера они уговорились приготовить на дорогу хороший, сытный завтрак. Дверь в дом Тропота была открыта. «Неужели он проснулся раньше меня?»— подумала Наташа и по скрипящим доскам взбежала на крыльцо.

— Можно?— спросила Наташа, остансвившись у открытой двери. Никто не отвечал. Тогда она шагнула через порог и остановилась как вкопанная.

Тропот лежал мертвый на развороченной кровати. Кругом были видны следы борьбы: опрокинутый стол, разбросанные книги, поломанный стул. Наташа откинула одеяло, закрывавшее голову убитого, и дико вскрикнула. Лицо Тропота было изуродовано до неузнаваемости.

Наташа опрометью бросилась назад и растолкала спящих. Те, пораженные ее перекошенным от ужаса лицом, торопливо выскакивали наружу. Скоро все население фактории собралось у дома Тропота. Не доставало только Иванова. Заведующий факторией бесследно исчез.

Подавленные происшедшим, люди сходились к утреннему столу. Есть никому не хотелось. Облик Тропота стоял у всех в глазах. Кому понадобилась жизнь этого незаметного человека? Почему убийца так зверски изуродовал его тело? Куда скрылся Иванов? Эти вопросы задавал себе каждый и... не находил ответа.

Санин подошел к письменному столу, вынул из ящика бумагу и стал что-то писать. Скоро он подал Лева два листа и угрюмо проговорил:

— Передай это в Красноярск.

Но Лева отрицательно качнул головой и грустно сообщил:

— Радиопаратура кем-то сломана.

— Так,— проговорил Санин, и губы его

упрямо сжались.— Товарищ Бабочкин,— обратился он к летчику,— немедленно вылетайте в Красноярск. Это письмо передадите в исполком.

Бабочкин бережно сложил листки, спрятал в боковой карман и, надевая на ходу шлем, вышел.

Неожиданная встреча

Владимир Иванович пришел в себя в низком сыром помещении, походившем на обычный подвал. У самого потолка, почти не давая света, еле теплилась оплывшая свеча.

Понемногу Владимир Иванович привык к царившему тут полумраку и осмотрелся. Подвал, очевидно, был выбит прямо в скале и кое-где обшит досками. Внутри он был совершенно пуст, если не считать какой-то темной кучи в дальнем углу. Владимир Иванович приблизился и увидел человека, уткнувшегося лицом в ладони. Профессор тронул человека за плечо, и тот с трудом повернулся к свету.

— Кочетов! — вырвалось у Владимира Ивановича.

— Профессор! Как вы сюда попали?

— Так же, очевидно, как и вы, — ответил профессор.

— Они били вас, — с участием сказал Кочетов.

— Но кто это — «они»?

— Шайка авантюристов, — с негодованием произнес Кочетов. — Едва я достиг земли, они скрутили меня и бросили в этот подвал. Потом, когда узнали, кто я такой, пытались обратить в свою «веру». Я, конечно, наговорил грубостей. Избили...

— Но кто же произвел взрыв? — спросил профессор.

— А вы его слышали? — оживился Кочетов.

— Да, но слишком поздно!

— Значит, не все среди них мерзавцы! — с жаром сказал Кочетов. — В этой компании есть один русский. Он здесь, как мне показалось, не по доброй воле. Когда он однажды принес мне пищу, я украдкой от часового попросил его произвести взрыв, предупредив, что от этого зависит моя жизнь. Он вышел, ничего не ответив. И вот...

Кочетов не договорил: дверь с грохотом распахнулась, и в подвал втолкнули нового пленника. От сильного толчка он пролетел через все помещение и с глухим стоном ударился о стену. Владимир Иванович и Кочетов бросились к нему.

Подтащив незнакомца ближе к свету, они стали приводить его в чувство. Кочетов принес из угла банку с водой и тщательно обмыл залитое кровью лицо.

— Владимир Иванович! — воскликнул Кочетов. — Да это наш друг, о котором я вам только что рассказывал!

Незнакомец глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Ох, изуродовали, идола, — с усилием пошевелив рукой, проговорил он. — Дайте напиток.

Разглядев Блюмкина, настороженно спросил:

— Откуда вы? Кто вы?

— Мы из Москвы, — ответил Владимир Иванович.

При этих словах незнакомец поднялся. Лицо его оживилось, он схватил Владимира Ивановича за руку и хотел что-то сказать, но тут же со стоном повалился на пол.

Тщетно Владимир Иванович и Кочетов пытались привести его в чувство, прикладывая мокрые тряпки ко лбу. Незнакомец в бреду срывал повязки. Несколько раз он пытался встать и бежать куда-то.

Принесли пищу. Профессор хотел заговорить с часовым, но тот грубо оттолкнул его и молча вышел.

Наступила ночь. Ученые, прижавшись друг к другу, тоскливо размышляли о своей участи. Трудно было предположить, что их ждет впереди. Что за люди, у которых они в плену? Что они делают тут, в советской Сибири? Чем привлек их этот дикий и суровый край? И главное — как вырваться из плена?

Единственной надеждой был этот незнакомый русский. Он один мог помочь во всем.

А тот метался по убогому ложу, поминутно что-то выкрикивая, — то подавая команду, то с кем-то споря и ругаясь.

К утру утомление взяло свое, и он затих. Уснул и Владимир Иванович с Кочетовым.

Крепкий сон сделал то, чего не могли сделать примочки. Наутро незнакомец очнулся и попросил пить. Кочетов с радостью напоил его и стал осторожно кормить оставшимися с вечера хлебом и консервами.

Когда банка с консервами опустела, незнакомец опять попросил пить.

— Расскажите нам о себе и об этих... — произнес Владимир Иванович, указывая на дверь.

Незнакомец судорожными глотками отпил воду, лег поудобней и закрыл глаза, собираясь с мыслями.

Рассказ незнакомца

— Зовут меня Иван Жук, — начал свой рассказ незнакомец. — Я сибирский партизан из отряда Антонова. Это имя вам, наверно, знакомо, ведь наш отряд погиб весь, до последнего человека. В живых я остался один. Вот как это произошло.

Колчаковцы направили против нас японский «добровольческий» отряд. Он насчитывал четверста солдат, тогда как у нас вместе с ранеными и больными было чуть больше сотни.

Не вступая в затяжные бои, мы стали быстро отходить на северо-запад, в надежде натолкнуться на селения эвенков.

Противник почувствовал нашу слабость и шел по пятам. Каждый день у нас выбывало два-три бойца. Были съедены остатки сухарей, мало осталось патронов. Стало ясно, что мы погибаем.

Однажды в тайге мы наткнулись на огромный вывал леса, и что удивительно — деревья, вырванные с корнем, лежали в одном направлении. По такому странному бурелому мы отступали еще полдня, пока не наткнулись на гигантскую воронку. Здесь мы и решили дать последний бой. Рассыпавшись по краю, мы приготовились встретить врага. Но вдруг самый младший из нас, разведчик Никитка, спустившийся в глубь впадины, закричал:

— Ребята, смотрите, что за диковинная штука!

Мы обернулись на его крик и разинули рты: внизу лежал громадных размеров металлический снаряд. Кое-кто из нас бросился было к диковинному снаряду, но в это время раздался неприятельские выстрелы, и Антонов, командир отряда, дал команду приготовиться к бою.

Владина сослужила нам большую службу. Притаившись за поваленными деревьями, мы были почти неуязвимы, тогда как спускавшийся с пригорка неприятель представлял собой прекрасную мишень. Получив отпор, японцы залегли и начали планомерную осаду. Один за другим гибли наши бойцы. Оставшиеся в живых сгрудились в тесную кучку и поделили поровну патроны. Их пришлось на каждого по шесть штук. Только у меня, как у пулеметчика, осталась половина ленты. Мы попрощались друг с другом и стали ждать последнего часа.

Неприятель, догадавшись, что патроны у нас на исходе, пошел в атаку. Я открыл огонь. Японцы тоже начали яростный обстрел. Одна пуля сорвала с меня шапку, другая угодила в плечо. И вот замолчал пулемет: все!

Цепь солдат с торжествующим ревом приближалась ко мне. Теряя сознание, я выхватил из-за пояса гранату, сбросил кольцо и, сунув гранату за пазуху, упал к пулемету.

Очнувшись я на другой день со связанными за спиной руками. Граната, которую я хранил на протяжении всего похода, подвела меня и не сработала...

С тех пор я безвыходно здесь. Как пленного меня приставили к пяти японцам. В отряде был сын одного известного японского ученого, и я слышал, что именно он настоял на том, чтобы здесь, у таинственного снаряда, оставалась их небольшая группа... Чем занимался я? Кормил и обслуживал их. Дважды пробовал бежать, но слишком за мною следили... Потом неведомо какими путями начали прибывать сюда японцы. Причем, — военные и ученые. А меня по-прежнему держали, как собаку...

Эти люди ведут здесь какие-то работы. То место, где лежит снаряд, обнесено высокой и прочной оградой, туда допускаются только несколько лиц. Что там творится — неизвестно.

Бандитам разными путями удалось переправить из-за границы до семидесяти человек — теперь тут целый лагерь. Жилища устроены в пещерах.

Не знаю, с какой целью заварена вся эта каша. Но для меня ясно, что они замышляют какую-то пакость. И пакость эта, наверное, довольно крупная...

В логове врагов

Наутро пленников разбудил грохот отпираемой двери. В подвал вошли два японских солдата, одетые в грязные полушубки. За поясами у них болтались маузеры. Солдаты молча подошли к Владимиру Ивановичу, завязали ему глаза и куда-то повели.

Повязку с глаз профессора сняли в просторной светлой комнате. Прямо перед ним за столом сидел тучный человек в полувоенной форме. Рядом стояли еще двое военных, одетых в английского покроя костюмы, сидевшие на них мешковато и неуклюже.

Как только конвоиры вышли, жирное лицо человека за столом расплылось в приветливой улыбке.

— Ах, профессор, простите нас за причиненные беспокойства! Прошу вас, садитесь, — он указал на стул.

— Кто вы такие? — сухо осведомился профессор, продолжая стоять. — И на каком основании задержаны я и мой товарищ?

— О, я сейчас же распорядюсь, чтобы вас освободили, если... если вы согласитесь помочь нам! — воскликнул толстяк.

— Я ученый и советский гражданин. Что вы от нас хотите?

— Благодарумия! — лицо толстяка выразило неудовольствие. Он грузно поднялся из-за стола. — Не будьте так неразумны, как ваш сумасшедший коллега! Вы в нашей власти.

— Что это все значит?

— Я имею в виду Великий международный союз, представителями которого мы являемся! — Толстяк указал взглядом на военных. Те церемонно поклонились.

— Нам хорошо известно ваше имя, — продолжал толстяк. — Мы обращаемся к вам за помощью, ибо испытываем острую нужду в людях, подобных вам. Здесь, вдали от цивилизованного мира...

— Оставьте этот разговор, — прервал Владимир Иванович. — Я вам не помощник.

— Вы хотите стать бессмысленной жертвой? — искренне удивился толстяк. — Но правительства наших государств по-должному оценят ваши заслуги! Вы ученый и должны служить науке!

— Наука? — медленно произнес профессор. — Иногда бывает полезнее не жить, а умереть. Люди науки не раз оказывались перед таким выбором.

Военные быстро заговорили на неизвестном Владимиру Ивановичу языке. Толстяк стукнул кулаком по столу:

— Хорошо, идиот, мы убьем тебя! Но прежде подумай хорошенько! Мы ведем здесь громадной важности работы. Ваша экспедиция помешала нам. Несмотря на это, работа будет закончена. Учтите, что смерть ваша не принесет большевикам никакой пользы. Мы требуем от вас немногого: вернуться к своим и немедленно вывести экспедицию из тайги. Вы должны заявить, что никакого метеорита не обнаружили и что искать его бесполезно. Ваш ассистент останется заложником. Если вы предадите нас, он будет немедленно убит. Если же вы предоставите нам возможность спокойно закончить работу, мы его отпустим. Пока же вы скажете, что он разбился при прыжке и что вы его похоронили в тайге... Ответ дадите утром.

Владимир Иванович мучительно думал, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Он прекрасно понимал, что помощь непременно придет в самое ближайшее время. Нельзя ли пока оттянуть с ответом и заодно попытаться кое-что выведать?

— Скажите, — обратился он к толстяку, — а где гарантии, что моему другу действительно будет сохранена жизнь? И потом, я хочу знать хотя бы некоторые подробности вашего предприятия. Если оно таит угрозу для моих соотечественников, то я, конечно, с вашими условиями никогда не соглашусь.

— О, что вы, профессор! — обрадованно

заговорил толстяк. — Мы же не варвары. Обо всем этом с вами поговорит ваш коллега мистер Джонсон, наш научный консультант. — С этими словами толстяк нажал кнопку звонка.

Прошло несколько минут. За стеной послышались быстрые шаги, и в комнату вошел... Тропот.

Владимир Иванович едва не вскрикнул от неожиданности. Но он не ошибся — это был Тропот. «Товаровед» торопливо пошел навстречу Владимиру Ивановичу, приготовившись к рукопожатию. Профессор резко убрал руку за спину...

В таинственной долине

Бабочкин вернулся из Красноярска и привез следователя. Тот тщательно осмотрел комнаты Тропота и Иванова, опросил всех и улетел обратно. На другой день покинули факторию девушки.

Погода испортилась. Моросил дождь, над тайгой нависли тяжелые тучи. Томся вынужденным бездействием, Санин, Нормаев и Переплетчик с нетерпением ждали вестей из Красноярска, где — они уже знали об этом — снаряжалась из охотников экспедиция для розысков профессора и Кочетова.

Наконец, однажды на рассвете студенты были разбужены тоненьким пароходным свистком. Когда они прибежали на берег реки, пароход уже причалил, и по мокрому трапу выходили таежные охотники с централками, с топорами и сумками. Лева Переплетчик насчитал двадцать шесть человек. Возглавлял экспедицию тот же чекист.

Охотники шумно разместились по комнатам, развели огонь, и скоро в большом закопченном котле весело забурлил чай.

Чекист и двое охотников-руководителей заперлись с Саниным в отдельной комнате и долго, вникая в мельчайшие подробности, расспрашивали о тропинках, о густоте зарослей, о болотах, о выносливости Владимира Ивановича и Кочетова, об их снаряжении...

Как только рассвело, был отдан приказ выступить.

Шли одной колонной, взяв направление на загадочную долину. Впереди двигались пять человек с топорами, расчищая дорогу остальным. Состав пятерки то и дело менялся. Иногда действовали все вместе: гатили преграждавшие путь топи. Продвигались вперед медленно, но верно. К ночи прошли километров пятнадцать.

На другой день к полудню экспедиция достигла края долины и стала спускаться по склону. Лес здесь был разрежен, в низине курилась непонятная дымка.

— Сырость какая стоит кругом, — переговаривались охотники.

Между тем путь становился все труднее. Какая-то тяжесть давила на сердце, воздух был густым, влажным, неподвижным. Слезилась голова, все тело будто наливалось свинцом.

Люди стали терять сознание, падать. Наиболее сильные, с трудом передвигая ноги, брели дальше, но и они, запнувшись, в беспомощности валялись наземь.

И вдруг впереди, за деревьями, замелькали фигуры людей в противогазах...

* * *

Вот уже третий день об экспедиции не было никаких вестей. И тогда были приняты кое-какие меры.

Самолеты над тайгой

Командарм Особой Дальневосточной находился в инспекторской поездке, когда ему вручили телеграмму из Хабаровска, сообщая, что на пять часов вечера его вызывает к прямому проводу Москва. Так как времени было уже около трех, то командарм оставил железную дорогу и пересел на самолет. Через час он уже был в Хабаровске.

Ровно в пять в кабинете командующего раздался звонок. Вызывали из Наркомата обороны.

Ах, вот в чем дело! Москву интересуют приключения экспедиции Блюмкина...

— С экспедицией творится что-то неладное. Не вмешаться ли вам в это дело? Попробуйте выяснить, кто это там орудует в тайге, срывая работу ученых.

Командарм мысленно выругал себя. Хотя экспедиция Академии наук была сугубо гражданской и работала, собственно, не на Дальнем Востоке, командарм все же считал большим упущением, что не заинтересовался ею. Работая на самом далеком рубеже страны, он давно уже научил себя не разделять непроходимой стеной дела гражданские и военные. Слишком часто сугубо штатские, казалось бы, дела перерастали здесь в военные, а события, происходящие, скажем, в Свердловской области, имели подчас прямое касательство к Хабаровску. Враг действовал не только атакой в лоб, но и обходом.

— Так как же насчет экспедиции Блюмкина? — продолжал спрашивать настойчивый голос.

— Что говорить, — торопливо отвечал командарм, — займемся, конечно, займемся.

...Раннее осеннее утро застало аэродром Н-ского авиаполка в необычном оживлении. На стартовой линии стояли тяжелые самолеты с заведенными для прогрева моторами. К командиру полка то и дело входили люди с последними сводками погоды, с картами, с рапортами. В восемь часов утра все приготовления были закончены, и у самолетов выстроилось двести парашютистов, вооруженных винтовками и ручными пулеметами, с противогазами у поясов. Командир полка внимательно оглядел строй и зачитал приказ о предстоящем авиарейде.

— По самолетам! — раздалась команда.

Гул пропеллеров, сотрясая воздух, густо плыл над землей. Стартер махнул флажком, и первая машина побежала по полю.

Распластав широкие крылья, самолеты шли на северо-запад. На исходе второго часа полета командиры экипажей приняли радиограмму с высланного вперед самолета-разведчика.

«Идите прежним курсом. Через час будет достигнута долина, окруженная горами с запада и востока. Вся долина в тумане. Высадку производить в квадрате 40—70, с высоты 800 метров, в противогазах».

Десант подготовился к высадке.

Подхваченные воздушными водоворотами, парашюты хлопали, как резко открываемые зонты. Их белые купола появлялись в воздухе один за другим, и скоро небо словно украсилось ромашками.

Рев многокрылой эскадрильи вызвал в таежной колонии панику. Бандиты прятались, ожидая чуть ли не бомбардировки. Эта паника как нельзя лучше способствовала успеху операции.

Не прошло и получаса, как из ворот ограды показался парламентар с белым платком в руке.

За ним высыпала толпа человек в пятьдесят, одетая во что попало и имевшая весьма неприглядный вид.

Бандиты были быстро обезоружены, и десант разделился на три отряда. Один пустился в погоню за бежавшими главарями, другой освободить профессора и Кочетова, третий взял на себя охрану пленных.

Через два часа отряд, преследовавший беглецов, вернулся, приведя с собой одного из них, с чемоданом каких-то чертежей. Чемодан немедленно перешел в руки Владимира Ивановича.

Что за секрет так ревностно охраняли эти люди? Не связано ли это с метеоритом, над загадкой тайны которого вот уже столько лет бьется наука? И, не теряя больше времени, Владимир Иванович и Кочетов в сопровождении десантников переступили порог таинственной ограды...

Посланец с Марса

Московский день клонился к концу. Каждый спешил закончить намеченные на день дела.

И вдруг ритмичная, чеканная трудовая жизнь столицы была нарушена. Случилось это около пяти часов вечера. Тысячи репродукторов на площадях, на улицах, в цехах, учреждениях, квартирах громко оповестили:

— Слушайте, слушайте! На территории Красноярского края, в районе реки Чамбе, обнаружен корабль марсиан!..

Люди застыли в ожидании, что голос из репродуктора сообщит еще что-то, разъясняющее небывалую новость. И действительно, репродуктор заговорил снова:

— Слушайте, слушайте! Только что получено сообщение из Красноярска о том, что в районе реки Чамбе найден космический корабль, посланный с Марса.

Этим летом в Сибирь была направлена экспедиция профессора В. И. Блюмкина для розыска гигантского метеорита, упавшего в 1908 году. Неизвестная шайка бандитов пыталась сорвать работу экспедиции. Принятыми мерами удалось бандитскую шайку ликвидировать. Выяснилось, что она пробралась на территорию нашей страны по заданию некоторых зарубежных государств.

Вчера мы получили от профессора В. И. Блюмкина телеграмму сенсационного содержания. Оказывается, в 1908 году в Сибири упал не метеорит, как предполагалось до сих пор, а совершил посадку космический корабль марсиан. Как сообщает В. И. Блюмкин, межпланетный корабль, насколько можно было установить при беглом осмотре, находится в хорошем состоянии.

Три имени одного человека

В тайге научная работа шла полным ходом. Владимир Иванович и Кочетов уже которую ночь почти не смыкали глаз, занимаясь исследованием найденных приборов, роясь в документах.

Выяснилось, что Антон Тропот, он же Джон-

сон, он же Шнитке, руководил бандитской группой, в которой были ученые и инженеры. В задачу группы входило захватить марсианский корабль, тщательно изучить его устройство и овладеть техническими тайнами марсиан. Впоследствии предполагалось использовать ракетную технику Марса для создания сверхоружия в планируемой войне против Советского Союза.

Благодаря изощренной конспирации, шайке удалось безнаказанно орудовать в пределах нашей страны в течение нескольких лет. Бандиты заканчивали приготовления к тайному вывозу всей технической документации и наиболее ценного оборудования, когда вмешательство экспедиции Блюмкина расстроило их планы.

Читатель помнит, что первая встреча Тропота с экспедицией произошла в поезде, после чего «товаровед» продолжил свое путешествие с помощью необычного летательного аппарата. Ученые тщательно исследовали его, — на складе в лагере обнаружилось несколько таких аппаратов. Выяснилось, что они завезены к нам с Марса и изготовлены из легкого металла, напоминающего алюминий. Питанием для этого аппарата служило совершенно не известное земным ученым горючее.

Тропот жил постоянно на фактории Лесной. Вся связь шайки с внешним миром велась только через него. Из фактории он обыкновенно уходил в тайгу километров за пять и уже оттуда совершал свои путешествия по воздуху с помощью летательного аппарата марсиан. Именно этим объяснялась загадочность таежных троп, обрывавшихся всегда совершенно неожиданно.

Когда экспедиция начала воздушные разведки, Тропот дал указание замаскировать лагерь искусственно созданным туманом. Тут дело также не обошлось без участия техники марсиан.

Тропот не брезговал ничем, чтобы замести следы своей деятельности. Это он убил заведующего факторией Иванова и зверски изуродовал его лицо, чтобы создать иллюзию собственной смерти. Он же не остановился перед тем, чтобы отравить газами экспедицию охотников.

Когда высадился десант, Тропот и тут не растерялся. Ударяя, он прихватил всю научную документацию. Правда, у пойманного десантниками члена шайки были также обнаружены различные схемы и чертежи, но... они оказались лишь фотокопией оригинала, который находился у Тропота. В любую минуту проходимец мог ускользнуть за границу с этой более чем ценной добычей.

Санин, Нормаев и Иван Жук, — люди, хорошо знавшие Тропота в лицо, — ринулись в погоню за ловким и опасным авантюристом.

Уже несколько дней Санин жил в Н-ске, небольшом городке, находившемся неподалеку от границы. Михаил ходил по его малолюдным улицам, присматривался к прохожим, подолгу бывал на вокзале.

Санин равнодушно — без всякой надежды, скорее по выработавшейся за эти дни привычке — наблюдал за людьми, сходящими с поездов, как вдруг его внимание привлекла странно знакомая фигура. Человек, одетый в хорошее пальто, мягкую шляпу, с саквояжем в руках, шел по перрону, направляясь к буфету. Санин стал вспоминать, где он видел эти широкие плечи, немного согбенную фигуру и размеренную,

чуть подрагивающую походку. Вдруг его осенило: Тропот!!! В два прыжка он нагнал человека и схватил его за плечо. Тот спокойно обернулся и холодно спросил:

— Что вам угодно?

На Санина смотрело незнакомое лицо, с черной козлиной бородкой. Извинившись, Санин поспешил скрыться в толпе.

А человек с бородкой спросил себе стакан нарзана, и буфетчица с удивлением заметила, как дрожал в его руках стакан.

Затем он вышел с вокзала и зашагал прочь.

...Как только Санин увидел вновь этого человека на улице, то сразу же пошел за ним. Незнакомец окольным путем вернулся на станцию и стал пробираться по железнодорожным путям. Санин последовал за ним, прячась за вагонами.

Сейчас он стоял на пустыре около заброшенного товарного вагона и, сдерживая дыхание, выжидал минуту. Затем рванул распахнувшуюся дверь и прыгнул в вагон.

Прямо перед ним стоял Тропот и надевал стеганые крестьянские брюки. Санин бросил взгляд на пол, где лежали борода, очки и маузер, и наставил на Тропота револьвер. Тот грязно выругался и поднял руки.

В плену у Земли

У Тропота нашли не только подлинники всей научной документации, но и некоторые приборы, снятые им с корабля марсиан. Особенно заинтересовал ученых небольшой металлический ящик, внутри которого находился аппарат, напоминающий игрушечную пушку, и несколько цилиндров из черного металла.

Тропот категорически отказался сообщить, каково назначение прибора. Но, может быть, он и сам не знал этого?

Решить задачу взялся Кочетов. И настал долго запомнившийся вечер. Все население научного городка собралось в столовой.

— Дорогие друзья! — с волнением сказал Кочетов. — Сейчас марсиане сами расскажут нам о Марсе.

Все затаили дыхание. Кочетов поставил аппарат против небольшого экрана, вставил в «пушку» цилиндр и нажал кнопку. Экран засветился.

...Огромное, величественное здание. Люди в красивых, удобных одеждах поднимаются по широким лестницам. Вот рабочая комната — люди склонились над столами и чертят, высчитывают... Вот просторная лаборатория — около полусотни людей наблюдают за приборами, рассматривают что-то в микроскопы.

Экран переносит зрителей на улицу. Широкий проспект уходит далекой ровной лентой. Лишь изредка по колею, проложенной на середине улицы, бесшумно пронесится состав закрытых платформ с грузом, напоминающий наш земной поезд. На тротуарах видны немногочисленные пешеходы. Сейчас рабочее время, и все на своих местах, — ненужной беготни тут нет. Длительные путешествия совершаются по воздуху: через каждые четыре квартала расположены станции, где любому гражданину по первому требованию выдается летательный аппарат и костюм.

Перед зрителями тянутся бескрайние поля. Воздух необыкновенно чист. Растительность пыш-

ная, но ее жизнь умело направляется рукою человека. Между участками проложены два пути — по ним взад и вперед снуют платформы с машинами для обработки полей, удобрениями, готовой продукцией...

Кочетов вставил в аппарат другой цилиндр, и новые картины пошли перед глазами зрителей.

Не видно цветущих полей, садов, окаймляющих реки и озера. Кругом, куда ни взглянешь, тянутся бескрайние просторы безжизненной пустыни. Все мертво кругом, дико и уныло. Бесконечные пространства проходят на экране, но глаз не

видит ничего, кроме желтого песка да синего, без единого облачка неба.

Вот вдали показались какие-то строения, они приближаются к зрителю... Это город, но город, умерший много столетий назад и представляющий из себя жалкие руины, печальные остатки величественных и красивых человеческих творений. Когда-то город омывала могучая река. Но сейчас о ней напоминает лишь обрывистый каньон, без единой капли влаги.

Что же произошло с Марсом? Что превратило цветущую планету в пустыню без растительности, без влаги, без жизни? Может быть, марсиане в чем-то просчитались, переделывая природу? Тут многое еще нужно было понять. Но дыханием большой и сложной жизни пахнуло с экрана.

Огромные ледяные глыбы громоздятся одна на другую, образуя волшебные замки, искрящиеся на солнце воздушные арки, живописные заливы и бухты. Один за другим мелькают кадры, и зрители чувствуют, что аппарат уносит их к полюсу. Покрытые вечными снегами ледяные поля тянутся кругом, насколько хватает глаз. Край вечного холода, вечного молчания.

На экране снова город, город совершенно иного типа. Одноэтажные сооружения. Крыши у них из толстого стекла, стены массивны, выложены из камня. Распахиваются двери одного из домов, и зрители видят подъемную машину. Вот она опускается, перед глазами один за другим мелькают этажи. Ага, значит, эти здания подземные!

Кочетов обращает внимание зрителей на прибитые всюду белые таблички: у умывальников, в столовых, в ваннных комнатах и переводит на табличках лишь два слова: «Берегите влагу!»

Забота о сохранении влаги стала на Марсе важнейшим делом и обязанностью каждого. Во всех школах и университетах главной была наука о влаге и способах ее сохранения. Большинство научных учреждений работало над разрешением этих же проблем. Разрабатывались способы химической очистки загрязненной воды, химические составы для гигиенических процедур, которые заменили бы обычные ванны, расходующие большое количество воды. Были разработаны много-

численные варианты обедов, завтраков и ужинов, не вызывающих жажды.

Но эти меры лишь отодвигали опасность, нависшую над марсианами.

Засуха наступала сурово и неумолимо. Населенная полоса у полярных океанов юга и севера делалась все уже и уже. И все чаще приходила людям неотступная мысль о том, что дальше так продолжаться не может, что необходимо избрать более действенный путь для сохранения жизни...

И вот на экране видны колоссальные залы Дворца Раздумья. Его ярусы заполняются людьми. Это все — члены Единого Совета, лучшие и мудрейшие люди планеты. На возвышении установлен экран, около которого, занятый какими-то приготовлениями, движется человек. Видно, что люди собрались сюда для обсуждения очень важного и большого дела, что этот человек сейчас сообщит собравшимся о результатах продолжительных и настойчивых исследований.

Экран вспыхнул внутренним слабым светом, и все увидели ночное небо с бесчисленными мирадами мерцающих звезд. Одна из них понеслась навстречу залу, приблизилась, выросла.

Солнце...

Вокруг него одна за другой появились планеты. Меркурий, Венера, Земля... На Землю марсианин указал тонкой блестящей палочкой.

Как можно было догадаться, ученый докладывал о целесообразности и возможности переселения марсиан на эту планету. Он что-то говорил, показывая различные чертежи.

Новый цилиндрик, вставленный Кочетовым в аппарат, рассказал немного.

Зрители увидели картины звездного неба, удаляющийся Марс, все увеличивающуюся в своих размерах Землю.

На экране шли кадры, показывающие место приземления и сам корабль, опустошивший огнем своих двигателей огромный район тайги. Значит, посланцы с далекой планеты ступали по этой долине, они были тут! Что же произошло дальше? Волшебный аппарат был нем.

Вековая тайга оказалась скупой: раскрыв людям одну тайну, она навсегда похоронила другую.

БАЛЛАДА О МАШИНИСТЕ

Помощник машиниста Толька Погапенко был в поездке и о приказе — начать в Челябинском паровозном депо строительство бронепоездов — узнал последним.

Сперва никак не решался приступить к разговору. Боялся обидеть Югова, своего машиниста и учителя.

— Дядя Володя, это правда, что — бронепоезда?..

— Я ж тебе сказал, что правда. А чего ты так допытываешься.

Наконец Толька набрался духу и выпалил:

— Так я уйду с паровоза. Попрошусь туда слесарем.

Югов долго молчал. Думал.

— Слесарем, значит? А как же отцовская линия?

Отличный, первого класса машинист был Федор Потапенко, Толькин отец и друг Югова.

— Да нет же, дядя Володя, как только построят бронепоезд, я на нем и на фронт подамся. Думаете, не возьмут помощником машиниста?

Югов покачал головой:

— Нет, Толька, не возьмут. Молод.

— Дядя Володя, а ты мне не сможешь?

И вот уже третью неделю Толька орудует здоровенным ключом. Вместе с другими слесарями скручивает каркасы, подвешивает броневые листы на паровоз, поставленный на первую канаву.

Третью неделю люди в депо работают, почти не покидая цеха. Домой Толька приходит поздно. Усталый. Молча съедает поданный матерью ужин, перебрасывается несколькими словами и ложится спать.

Однажды в цехе появился командир будущего бронепоезда, высокий белокурый майор Шуркевич, с орденами Красной Звезды на груди, весь в желтых скрипучих ремнях. Ходил по цеху быстрыми шагами, всюду лазил, разговаривал с рабочими.

Толька с восхищением смотрел на него. Но и боялся: такого не уговоришь, не упросишь, если не захочет взять. А тут еще парторг Селиванов, когда Толька заикнулся ему о своей просьбе, с сомнением покачал головой: мол, добровольцев пойти на фронт много, и помощники машинистов найдутся куда более опытные, чем он, Толька.

Все, однако, решилось неожиданно просто: при формировании экипажей машинистом бронепоезда № 1 назначили Югова, а уж он, конечно, взял себе в помощники Тольку.

На добровольцев смотрели с завистью. Наступил день, когда они, одетые в черную танкистскую форму, кирзовые сапоги, выстроились вдоль бронепоезда. Торжественные, собранные. Незнакомые.

— Как же тебя в армию-то взяли? Ведь у тебя «бронь», — удивилась мать, когда он пришел домой прощаться,

— Я добровольцем, мама.

Она будто ослышалась. Сначала не поняла, а потом, когда до нее дошло, какой «сюрприз» приготовил сын, громко расплакалась. Крепко обняла и по-матерински горячо и печально расцеловала.

...Два бронепоезда, поблескивая свежей краской, пыхтя и отдуваясь, под прощальные крики провожающих выходят из ворот депо. Югов стоит у реверса. Толька открыл сифон, топку. С радостной силой шурует уголь. Мчатся навстречу леса, горы, километровые столбы.

Район Павелецкого вокзала в Москве стал базой 38-го Отдельного уральского дивизиона бронепоездов.

Первый бой. Первая бессонная ночь: на боевое задание вышли с наступлением темноты.

Стучат на стыках колеса. Как всегда, впереди бронепоезд № 1. Ведет его Югов. Бронепоезд под № 2 — далеко позади, в прикрытии, на случай, если вдруг прорвутся немецкие танки или автоматчики. Близка немецкая оборона: окопы, дзоты, батареи, пулеметные гнезда. Гудит бело-желтое пламя топки. Из боевой рубки, что над машинным отделением, слышится команда:

— Полный вперед!

— Есть полный вперед! — отвечает Югов и переводит реверс.

— Стоп!

— Есть стоп!

Ахнуло башенное орудие. Вдрогнул от выстрела бронепоезд. Это сигнал. Сразу же заговорили другие орудия. Застучали пулеметы.

— Даем фрицам прикурить! — радостно кричит Толька.

Гулко забарабанили по броне осколки. «Гады, нащупали!» — подумал Толька. И тотчас послышалась команда: «Задний ход!»

Бронепоезд вовремя уходит из полосы обстрела. Утром его уже не узнать — не бронепоезд, а зеленая гора веток и еловых лап. Маскировкой занимаются все. автоматчики, ремонтники путей, артиллеристы, пулеметчики. Работают в поте лица: непросто закрыть от чужого глаза такую машину.

Затем идут в лес заготавливать дрова. Уголь на вес золота. Бронепоезд на нем работает только в бою.

После солдатского обеда — короткий отдых: скоро новая напряженная «ночная смена» — бой. А потом еще и еще бои...

Наступило лето 1943 года. Позади 38-го Отдельного уральского дивизиона сотни километров стальных магистралей. Под колесами — курская земля. На фронте затишье. Бронепоезда стоят на отдыхе. На лесную поляну высыпала вся команда. Тут и пулеметчики, и артиллеристы. В руках де вушек-радиосток букеты полевых цветов — каждому свое. Да разве удержишься — стоит геплый, летний вечер. Пряно пахнут травы.

И вдруг команда: «По местам!» Быстро прошел майор Шуркевич. Толька бросился в машинное отделение.

...Бронепоезд содрогался от каждого орудийного выстрела. В небе гудели немецкие самолеты. Их шла целая армада.

Огрызаясь, злобно и часто забили зенитки. «Юнкерсы», отогнанные яростным огнем, уходили в сторону.

Наступила тишина. Открыв дверки кабины и высунувшись наружу, машинисты жадно вдыхали свежий воздух. Смотрели, как автоматчики уже обложили ржаное поле, на которое опустились сбитые немецкие летчики. А те, так и не успев отстегнуть парашюты, путаясь в них и неловко отстреливаясь из пистолетов, торопились к лесу.

А в воздухе уже опять висел тугой гул. Он все нарастал. Его было отчетливо слышно даже сквозь броню. К этому гулу тяжело примешивался рокот танковых моторов со стороны станцин, которую только что обстреливал бронепоезд: «тигры» шли в обход!

— Полный назад!

В это время раздался взрыв. Машинное отделение окуталось дымом. Толька увидел, как Югов схватился за грудь и стал медленно оседать на пол. Он кинулся к нему, стараясь удержать смертельно отяжелевшее тело машиниста.

— Полный назад! Почему не выполняете команду? — закричал Шуркевич. — Кто у реверса?

— Сержант Потапенко!

Новый оглушительный взрыв потряс паровоз. В ту же минуту Толька услышал, как забурлила выходящая из котла вода.

Раздалась команда:

— Приказываю покинуть бронепоезд!

«...Сержант Потапенко назначается машинистом бронепоезда № 1...» Уже в который раз читал Толька эти строки. «Сумею ли я, как дядя Володя?..»

— У реверса сержант Потапенко! — докладывает он теперь каждый раз командиру бронепоезда, когда заступает на смену. Рядом в кабине его товарищи: рядовой Толя Алексеев, его помощник, и кочегар Саша Акакиев. Они уже сдружились, научились понимать друга друга с полуслова. Сам Толя возмужал, появилось в его работе юговское спокойствие. Оба бронепоезда — в непрерывных боях. Гремят башенные орудия.

Последний свой бой сержант Анатолий Потапенко провел на румынской земле, под городом Плоешти. Армада пикирующих бомбардировщиков обрушилась на бронепоезд.

— Полный вперед!

— Есть вперед! — сержант Потапенко переводит реверс. Взрыв, грохот... Анатолия со страшной силой швыряет куда-то в бездну. Очнувшись от боли в ногах и руках. Будто чугуном была налита голова.

Позади одиннадцать госпитальных месяцев. На Тольке новое, с иголочки, обмундирование. Под мышкой — такие же новенькие костыли. А в руках — направление на Сталинградский тракторный. Гордость первых пятилеток, краса Сталинграда лежал в руинах. Ему еще предстояло вновь обрести жизнь.

Вот что писала некоторое время спустя «Сталинградская правда»: «Каждое утро на паровоз поднимается, с костылями в руках, молодой человек в солдатской гимнастерке...» Это — о бывшем машинисте бронепоезда, челябинце Анатолии Потапенко. Парни из экипажа сделали ему «умную» скамеечку — одна нога у Толи была короче на четыре сантиметра. И он всю смену простаивал у реверса. Его паровоз трудился как пчела.

Прошел еще год, и Анатолий вернулся домой, на Урал.

— Вижу зеленый! — вглядываясь в ветровое стекло, говорит помощник.

— Зеленый! — повторяет Анатолий Потапенко и тоже пристально вглядывается. Скоро Золотая Сопка, за ней самый тяжелый перегон. С Магная уклон и с Троицка уклон. А состав длинный. Около пяти тысяч тонн. Можно себе представить, какой они сегодня ведут состав, если уже за 4300 тонн машиниста встречают поздравительной «молнией».

Стучат колеса. Летит вперед состав. Зеленые сосны мчатся навстречу...

Г. КОРОЛЕВ

ПОРТРЕТ БРЮЛЛОВА

К. П. Брюллов (автопортрет)

Несколько лет тому назад в Сибири я встретился с внуком известного русского скульптора Рамазанова, артистом Борисом Сергеевичем Великановым. В его библиотеке оказалась редкая книга: «Материалы для истории художеств в России», изданная более ста лет назад.

Самыми интересными в этой полузабытой книге были воспоминания деда артиста о Карле Павловиче Брюллове. Рамазанов рассказывал и о детских годах художника, видимо, с его слов, и о том, как тот писал свою знаменитую картину «Последний день Помпеи» и с каким триумфом ее встретила публика, о встречах Брюллова с Пушкиным и о многом другом.

Из редкой и полузабытой книги воспоминаний я узнал и такой интересный факт. Н. А. Рамазанов упомянул, что у него остались портреты отца и матери, написанные Брюлловым. Уцелел также и карандашный портрет сестры Рамазанова, выполненный великим художником.

— А где сейчас эти портреты? — спросил я у Великанова.

— Отец рассказывал мне, что они пропали, — отвечал тот. — Правда, один из портретов моего деда, написанный Брюлловым, вы можете увидеть в Третьяковской галерее. Да еще по наследству достался мне портрет самого Карла Павловича. Вот он, — и Борис Сергеевич указал на висящий на стене под стеклом большой портрет, выполненный карандашом.

Этот портрет я видел и раньше, но почему-то не выделял его из десятка других, развешенных по стенам и расставленных на столе, и не подозревал, что это подлинник.

Сейчас Борис Сергеевич Великанов живет в Ленинграде. И теперь, когда я приезжаю к нему, то прежде всего подхожу к этому портрету и долго смотрю на умное, одухотворенное лицо великого художника.

Борис ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук

ЕДИНСТВЕННЫЙ В СТРАНЕ

В сибирском городке Ялutorовске в разное время — с 1829 по 1856 год — были в ссылке участники декабрьского восстания В. К. Тизенгаузен, А. В. Ентальцев, В. И. Враницкий, А. И. Черкасов, И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, Н. В. Басаргин и М. И. Муравьев-Апостол. Единственный в стране мемориальный музей памяти декабристов был открыт здесь в 1927 году в доме, принадлежавшем М. И. Муравьеву-Апостолу. Ценнейшие экспонаты собраны в нем и его филиале — домике, где жил И. Д. Якушкин.

Центральное место в музее занимает письмо Матвея Ивановича Муравьева-Апостола. Рассказывая об истории дома, перечисляя, кто из его товарищей в то время находился в Ялutorовске в ссылке, он писал: «Для пользы и удовольствия будущих археологов, которым желаю всего лучшего в мире, кладу эту записку. 18 августа 1849 года». Свое письмо Муравьев-Апостол опустил в

бутылку, залил ее воском и замуrowал под печкой. Обнаружили его только в 1935 году во время ремонта дома.

Документы музея свидетельствуют о том, что декабристы были «лишены даже родственных сношений», их письма «не без внимания остаются в III отделении», отлучка им разрешается «...по уважительным причинам... на тридцать верст... и то на три дня». Городничий и волостной голова ежемесячно писали на них издательские аттестаты, в которых, по словам ссыльных, было «...невежество аттестующих и... глупость требующих...»

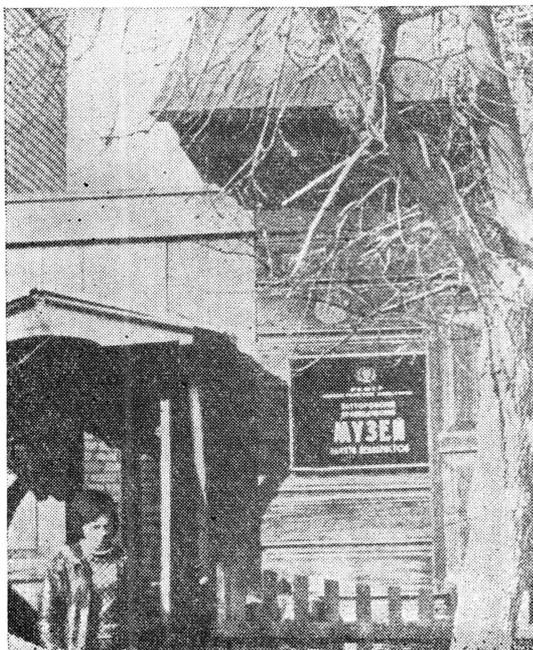
Записки декабриста Ивана Ивановича Пущина дают представление о Ялutorовске и Сибири тех времен. «Вы все хотите иметь подробные сведения об Ялutorовске,— сообщал он.— Право ничего нет особенного занимательного ни в политическом, ни в естественном отношении. Управление, то есть Конституция, то же самое, что и за Уралом, с одной только существенной, коренной выгодой: нет крепостных...» Сибирь «богата всеми дарами царства природы. Измените несколько постановлений, все пойдет улучшаться...»

Интересные сведения оставил Пущин и о жизни ялutorовской колонии ссыльных «государственных преступников» — декабристов. «Нас здесь пятеро товарищей, живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю: в четверг у нас, а в воскресенье у Муравьева-Апостола... Прочие дни проходят в занятиях всякого рода — умственных и механических...»

В музее экспонируются стол, диван, кресло и большая библиотека с собственноручной подписью на каждой книге Муравьева-Апостола. Интересен дневник погоды. Его в продолжение многих лет вел Матвей Иванович Муравьев-Апостол.

Любопытна фотография первой в Сибири и в России всеобщей школы для девочек. Ее открыл с помощью местного населения, вопреки правительству и синоду, в 1846 году Иван Дмитриевич Якушкин.

Инспектором этой школы был участник декабрьского восстания Евгений Петрович Оболенский.

«Мне желалось бы устроить снаряд, — писал Иван Дмитриевич Якушкин, — который бы хоть приблизительно мог заменить барометр, но удастся это — не очень знаю. Растений в нынешнем году я собрал еще немного... и теперь мне предстоит работа немаловажная — собрать вновь с лишним триста растений, которые растут около Ялуторовска...» для гербария.

Трогательна запись художника М. С. Знаменского о деятельности Ивана Ивановича Пущина: «...вскоре после его прибытия в этот город все оскорбленное и униженное, охляющее и негодующее начало стекаться к нему как к адвокату...»

Лишенные права выезда, ограниченные в переписке, испытывающие материальные трудности, декабристы стремились быть в курсе всей общественной жизни России. «Читаю все, что попадает лучше, — писал в дневнике Иван Иванович Пущин, — друг другу пересылаем книги замечательные, даже имеем и те, которые запрещены. Находим дорогу: на ловца бежит зверь...» А получив горькую весть о падении Севастополя, он замечает: «Плохо наши правители и командиры действуют. Солдаты и вообще Россия прелесть... Грустно — тоска! — все-таки верю в судьбу безответной Руси...»

Известно, что декабристы в Ялуторовске читали и обсуждали «Полярную звезду» Герцена и один из ранних списков знаменитого письма Белинского к Гоголю.

В 1856 году декабристы были амнистированы. Но оклеветанный доносами, подвергавшийся бесконечным полицейским преследованиям, тяжело заболел и в 1845 году скончался Андрей Васильевич Ентальцев. Измученными, постарев-

шими вернулись из Ялуторовска в родные места остальные ссыльные.

В наше время изменился облик старого деревянного купеческого Ялуторовска. На его прямых и зеленых улицах построены многоэтажные каменные дома. Жители любовно сохраняют домики декабристов, березовую рощу — любимое место отдыха ссыльных. Лучшие улицы города называли именами Муравьева-Апостола, Якушкина, Пущина, Оболенского, Ентальцева, именем Декабристов.

Ю. РЯБОВ

Фото В. Иванова

ГАРАЖ НА ДНЕ МОРЯ

Это первый в России гараж, расположенный на глубине 400 метров от поверхности земли,— на самом дне исчезнувшего миллионы лет назад древнего Пермского моря. Примечательно, что на стены его не понадобилось ни одного кубометра бетона. Подземный гараж рудника-гиганта Второго Березовского калийного комбината целиком высечен в многометровых пластах осевшей когда-то красноватой соли.

В отличие от других рудников, здесь нет привычных рельс и подземных электровозов. Руды плодородия перевозятся мощными ленточными конвейерами. А чтобы быстро доставить рабочих от рудничного ствола к забоям, проложена сеть автодорог. По ним и курсируют автобусы из подземного гаража. На самых оживленных перекрестках установлены светофоры и другие дорожные знаки. Нет только милиционеров-автоинспекторов, потому что нет и нарушителей «уличного» порядка.

А КАМА-ТО СТАЛА КОРОЧЕ

До сих пор считалось, что длина Камы 2030 километров. И вдруг первый штурман теплохода «Федор Гладков» Геннадий Сергеевич Ганюшев подверг сомнению эту, казалось бы, непогрешимую истину. Он подсчитал длину судоходного пути на Каме и пришел к выводу, что путь стал намного короче. Например, маршрут любого теплохода от Перми до Камского устья сократился на 123 километра.

Почему? Ведь как и прежде начинается Кама студеным ручейком, вытекающим из колодезного сруба близ удмуртской деревни Карпушата. Но плотины мощных гидростанций перегородили могучую реку. Искусственные моря позволили выпрямить водный путь, проложить новые курсы. Вот и получилось, что Кама стала короче.

ЗАГАДКА ВОЕВОДСКОГО ДОМА

Одним из первых, кто заинтересовался историей воеводского дома в Соликамске, был известный русский писатель Мельников-Печерский. Более ста лет назад он присутствовал на раскопках воеводских подземелий. Искали тайные выходы из дома, в которых якобы в XVII веке спрятали некий загадочный клад.

Недавно поиски решил продолжить архитектор Пермских реставрационных мастерских

Г. Канторович. Оказывается, до наших дней сохранились планы подземных ходов воеводского дома. На их след и напал архитектор. Он считает, что эти планы позволят вести раскопки более экономно и найти если не клад, то хотя бы разгадку подземелий.

„ЗАМОРСКИЙ ПЛАНТ“

В немецком городе Гарце возвышается необычный памятник — скала с надписью: «Здесь в 1748 году был сделан первый опыт разведения картофеля».

А когда появился картофель на Урале? Историки утверждают, что «сей заморский плант» заводчики Демидовы по прихоти разводили в оранжереях еще в середине XVIII века. Но достоянием населения картофеля стал намного позднее.

Это доказал пермский краевед М. Паранин, обнаруживший интересный документ — предписание заводчика Главной Тагильской конторе, сделанное осенью 1806 года. В нем повелевается разослать картофель по всем демидовским заводам, чтобы будущей весной «весь посеяли и посадили, и тому, кто из жителей онного картофеля более в урожай собирает, выдать в награждение из суммы моей кушаки и кафтаны...»

А. НИКИТИН

КАВАЛЕР „ЗОЛОТОГО РУНА“

Николай Холод

Прозвучал гонг. Николай шагнул на помост, привычным, давно отработанным движением взял овцу за шиворот. Рядом друзья — ставрополец Сафар Байрамкулов и волгоградец Эдуард Бах. Втроем они входили в сборную, защищавшую честь Российской Федерации.

Было жарко, пот заливал лицо. Николаю очень хотелось хоть краем глаза взглянуть на работающих по соседству ребят, но нельзя было терять даже десятой доли секунды. Все готово. Выпрямился, стер пот с лица. Сафар и Эдуард тоже закончили стричь.

Пока судьи с секундомерами в руках подсчитывали очки, решали, кому быть чемпионом третьего Всесоюзного конкурса стригалей, друзья прилегли отдохнуть на жесткую выгоревшую траву. От усталости и зноя клонило в сон и, чтобы не уснуть, вспоминали разные истории.

— Не забыл, как с американцем соревновались? — спросил Сафар.

— Э, разве забудешь! — рассмеялся Николай и перед его мысленным взором встали темно-синие под облака горы, уютные коттеджи и сочные зеленые лужайки. Новая Зеландия.

Три советских стригала — оренбуржец Николай Холод и ставропольцы Са-

фар Байрамкулов и Тимур Аджиньязов — прилетели учиться мастерству у чемпиона мира по стрижке овец скоростным способом Годфри Боуэна. Прилетели за пятнадцать тысяч километров.

Первый урок. Ребята поднялись на площадку, приступили к работе. Стригли овцу за овцой, а чемпион мира молча прогуливался рядом. Ни одного слова, ни одного замечания. Казалось, он был совершенно равнодушен к своим новым ученикам. Но как выяснилось потом, Годфри своими замечаниями не хотел смущать ребят. На самом деле он очень внимательно следил за каждым из них.

— Мистер Николя,— обратился он к Холоду, когда тот столкнул последнюю остриженную овцу в люк,— я имею к вам один замечаний. — И опережая слова жестами, очень смешно показал, как Николай, чтобы придать овце нужное положение, тянул ее руками то за уши, то за ноги.— Это надо делать ноги,— постучал по своим ногам Годфри. И тут же показал, как это делается.

— Стригаль должен быть спокойный. Ты нервничаешь — овца нервничаешь. А? Ты понимал? Работал надо быстро, но не быстро... Как это по-русски? Немножко едешь — далеко едешь.

— Тише едешь — дальше будешь,— засмеялся Холод.

— Вы меня правильно понял, Николай. А теперь я буду немножко удовлетворять ваше любопытство,— сказал Годфри.— Покажу, как мы стрижем. Буду работать не быстро. Для вас.

Достав из чемоданчика комбинезон и мокасины, Боуэн переоделся и взял машинку.

Стригали не верили своим глазам: двадцать овец — двадцать минут! Ребята были потрясены: вот это класс! И это «не быстро», а если быстро?

Стригалем Николай стал случайно, и уж никак не думал, что поедет учиться в Новую Зеландию. Работал он разъездным киномехаником, был доволен своей профессией, менять ее не собирался. Кочуя с передвижкой по району, Николай услышал однажды, что в их совхозе начинают стричь овец по-новому. Там, в хуторе Токари, была оборудована первая в Советском Союзе учебная площадка. Про эту площадку Николаю рассказывали чудеса, и он со своей передвижкой немедленно направился в Токари.

Необычная стрижка заинтересовала Николая. Но он мало верил в нее. Уж кто-то, а Холод в стрижке разбирался. Ему в детстве не раз приходилось целыми днями сидеть возле овец, которых стригла мать, Лидия Алексеевна. Ноги у овцы были связаны и все-таки она лежала беспокойно — нужно было держать, чтобы не билась. Лидия Алексеевна успевала остричь семь-восемь овец за день. У каждого стригала был целый штат подсобников. Одни ловили овцу, другие связывали, укладывали, третьи точили ножницы. Даже такую поговорку сложили: «Двое ловят, трое вяжут, пятеро руками машут». А по-новому, оказывается, на стрижке работает

один человек. Овцу он не связывает, а просто сажает так, что она боится пошевелиться. И стрижет овцу всего несколько минут... Фокус и только. Ну, получится у одного, у двух. А всех стригалей все равно не научить. Все равно будут стричь ножницами. Однако сам Николай у площадки застрял. Приехал сюда и на другой день. А когда он появился у площадки в третий раз, совхозная библиотекаряша Саша Бондина, одна из первых в стране освоившая новый метод стрижки, предложила:

— Может быть, Коля, сам попробуешь?

А, была не была! Николай решительно вскочил на помост. И получилось у него неплохо, лучше, чем сам ожидал. А потом стрижка так захватила Холода, что он забыл и про свою кинопередвижку. Позднее, когда ему попалась книга знаменитого новозеландского стригала, чемпиона мира Годфри Боуэна, он понял, что «заболел» стрижкой. Годфри Боуэн писал, что у него и его учеников «появилась неизлечимая» болезнь «стрижка». Вот этой «болезнью» заболел и Николай.

С кинопередвижкой Николай расстался без сожалений. Все лето Холод стриг овец. И не только сам. Он увлек этим делом почти всех комсомольцев второй фермы. А уже на следующий год Николай стал чемпионом Оренбургской области, а затем и Российской Федерации. Это была победа, первая большая победа. С алой лентой чемпиона России и большой золотой медалью ВДНХ вернулся в родной совхоз. Но вернулся не надолго, его уже ждали в других местах. Почти всю страну объездил Холод, пропагандируя скоростную стрижку. Показывал свое мастерство в Москве, в павильоне овцеводства Всесоюзной выставки, учил стричь в Курганской, Омской, Воронежской и других областях, на республиканской выставке в Киеве, во всемирно-известном заповеднике Аскания-Нова. И всюду у нового способа находилось множество горячих поклонников. В его родной совхоз «Октябрьский» приходили десятки писем и телеграмм с короткой, но выразительной просьбой: «пришлите Холода».

Трудное испытание пришлось выдержать Николаю в Ставрополе. В одном из совхозов он показывал новый метод в замедленном темпе, объясняя один за другим все одиннадцать приемов. И тут кто-то сказал:

— Таких овец стричь — дело нехитрое. Вот пусть он попробует с бараном сладить. Помогут ли тут его приемы — надо еще посмотреть...

— Давайте барана! — рассмеялся Николай.

В кошаре подходящего барана не оказалось. Но тут же нашлись добровольцы, которые на машине отправились на пастбище. Холоду не раз приходилось стричь баранов, но когда он увидел, что ему привезли, то почувствовал, как заныло сердце. И где только нашли такого великана! Огромный, длиннорогий, весом наверняка ка больше центнера.

Двое чабанов с трудом подтащили барана к стригалю. Все затихли, ждут. Стараясь не выдавать своего волнения, Николай надел белую шапочку, поставил в машинку только что заточенный им самим нож, схватил огромного с закрученными шириной в ладонь рогами барана и почти незаметным ловким движением усадил его. Это самое главное — усадить. Надо сделать так, чтобы вся туша животного давила на крестец, тогда баран будет сидеть смиренхонько, боясь пошевелиться.

Машинка вонзилась в шерсть. Рука стригалы двигалась спокойно и споро, не делая ни одного лишнего движения. Пушистое руно стало сползать на пол. За каждым движением стригалы следили десятки глаз. Пот лился ручьями по лицу, но Николай словно не замечал его. Барана ему действительно выбрали что надо. Грозненской породы, тугошерстный, с многочисленными складками, особенно на шее. Поэтому приходилось быть как никогда осторожным, чтобы не допустить ни одного пореза.

Все! Холод отпускает барана. Его большущая шуба осталась на полу. Николай поднял ее против света и все увидели: руно сплошное, целое, без единого просвета. Именно о таком говорят — «золотое». Опустив руно, Холод посмотрел на часы. Одиннадцать минут.

— Меньше часа мы бы его не стригли,— услышал он восхищенный голос.

Николай рассмеялся: «А хорошего барана нашли!» И снова в путь. Не знал он, что на этот раз путь его приведет на ферму к самому Годфри Боуэну. И не показывать, а учиться.

...Каждое утро ребята приезжали на ферму, работали и учились до вечера. Как раз в эту пору в Новой Зеландии про-

ходила массовая стрижка овец, и тем не менее Годфри каждый день находил возможность час-другой провести с советскими стригальями.

Приближался экзамен. Накануне ребята узнали, что вместе с ними экзамен будет сдавать Чарли Сетерли — чемпион стригалей Соединенных Штатов. «Россия и Америка,— добродушно посмеялся Годфри.— Матч? О, хороший матч!»

Ребята приуныли — Сетерли был опасным соперником. Тем более, что до приезда сюда он целый месяц тренировался у сильнейших австралийских мастеров стрижки. Но Годфри подбадривал: «Ничего, мои мальчики тоже будут. Россия, Америка, Новая Зеландия».

Неофициальный поединок стригалей трех стран на ферме Боуэна в Петоне привлек внимание чуть ли не всей Новой Зеландии. Посмотреть необычный турнир приехали многочисленные гости, корреспонденты разных газет, представители департамента земледелия, сотрудники советского посольства.

Условия экзамена были сложными. Каждый участник должен был остричь три овцы — одну пробную и две зачетных. На каждую зачетную овцу — три минуты. Кроме времени учет велся и по очкам — знание приемов и умение владеть ими, качество руна и количество порезов. Высший балл — сто очков. Чтобы завоевать звание инструктора, надо набрать не менее семидесяти пяти.

Ребята волновались, тем более, что перед началом поединка Сетерли, давая интервью одному из корреспондентов, заявил, что уверен в успехе и что русские парни ему не соперники. Этот разговор слышал Годфри, от него не ускользнуло и волнение советских стригалей, и тогда чемпион мира решил разрядить обстановку.

Годфри вышел на площадку, показал на часы и стал стричь. За месяц учебы Николай уже привык к работе чемпиона, но даже он был ошеломлен. То, что делал Боуэн, было феноменально. Он снял шубу с овцы, когда секундная стрелка еще не успела завершить круг.

— За сколько я обкорнал? — спросил Годфри по-русски:— Обко-рнал! Правильно?

— Сорок пять секунд! — крикнул Холод.

Сетерли даже присвистнул. А Годфри 71 довольно улыбнулся.

— Мистер Николая, — попросил он, — завяжи мне глаза.

И с завязанными черным платком глазами, на ощупь Годфри показал невероятно трудный, можно сказать, цирковой номер. Секундомеры показали почти то же время — 55 секунд.

В ожидании вызова на площадку Николай медленно прохаживался взад и вперед. Был час, когда под солнцем особенно ярко искрились вершины гор, окаймляющие долину. Остроконечные горные пики четко вырисовывались на фоне ослепительно синего неба. Яркие краски и прохладный горный воздух успокаивали, настраивали на боевой лад. Холод чувствовал, как напрягался в нем каждый мускул. Поглядывая на сидевших вокруг зрителей, он вдруг вспомнил второй республиканский конкурс, который проходил у них, в «Октябрьском». Тогда неожиданно для всех он, прошлогодний чемпион России, потерпел поражение. У себя дома!

Но здесь, за четырнадцать тысяч километров от Родины, он не мог проиграть, не имел права.

Гонг! Теперь Николай должен сделать все возможное и даже невозможное. Только что на второй овце сорвался Сафар Байрамкулов. Он отлично начал стрижку, но допустил порез и потерял несколько очков.

Николай приказал себе: не торопись. Он стриг овцу настолько спокойно и уверенно, что на лице Боуэна, все время следившего за русским парнем, заиграла улыбка.

Гонг! На площадке Сетерли. Он работает сейчас намного быстрее и собраннее, чем на тренировках. Только теперь он понял, что русские ребята — достойные соперники, что он поторопился дать такое легкомысленное интервью. От напряжения его лицо налилось кровью, он работал лихорадочно, его не заботило качество стрижки и порезы, только одно — темп. Темп любой ценой. Еще до того, как судьи сообщили окончательные результаты, Боуэн, посмотрев, как работает американец, покачал головой и похлопал Холода по плечу:

— Молёдцы!

Сетерли не уложился даже в отведенные стригалям шесть минут. Самые высокие результаты оказались у Николая Холода. Он набрал 79 с половиной очков

и затратил на стрижку каждой овцы по 2 минуты 29 секунд.

От имени департамента земледелия Новой Зеландии Боуэн вручил Холоду, Байрамкулову и Аджиньязову сертификаты — особые удостоверения, свидетельствующие о том, что их обладателям присваивается звание мастера стригалей и что они имеют право быть инструкторами по механической стрижке в любой стране мира. Годфри не скрывал своей радости, что русские парни «утерли нос» самоуверенному американцу.

А спустя несколько месяцев Холоду пришлось еще раз встретиться с американцами. На этот раз в Оренбурге, куда приехали специалисты сельского хозяйства Соединенных Штатов. Гости пожелали увидеть, как стригут овец в оренбургских степях. Показывал им это Николай Холод. И показал так, что гости долго в себя не могли прийти от восхищения. И тут же высказали пожелание видеть Николая Холода у себя, в Соединенных Штатах. Пусть приедет, поучит фермеров.

— Олл райт¹, — улыбаясь, ответил Николай по-английски. — Велл²!

Прошлым летом на Украине, в Херсонской области, в совхозе «Рогачик» боролись за первенство победители республиканских конкурсов — сильнейшие мастера страны. И вот подсчитаны очки, отмерены секунды, взвешены все «за» и «против»: чемпионом Советского Союза стала команда Российской Федерации во главе с Николаем Холодом. Трижды в течение месяца Николай Холод был удостоен высокого титула чемпиона: в Оренбургской области, в Российской Федерации и, наконец, в стране.

С богатыми трофеями вернулся домой Николай. Теперь он — заслуженный механизатор РСФСР. О его опыте рассказывает документальный фильм и книжка, вышедшая в московском издательстве. А на груди рядом с двумя медалями «За трудовую доблесть» почетнейшая награда стригалей «Золотое руно», которую он получил как лучший мастер скоростной стрижки овец в Советском Союзе.

¹ Согласен, ладно (англ.)

² Хорошо! (англ.)

ЗИМНЯЯ РАДУГА

18 января 1970 года в городе Нижняя Салда Свердловской области мы наблюдали необычное явление. В южной части небосвода появилась радуга. Отчетливо наблюдались три цвета — зеленый, желтый и красный. Зеленый — в юго-восточной части небосвода, а красный — в юго-западной. Можно было видеть еще какие-то расплывчатые неопределенные полосы. Продержалась радуга 15—20 минут, а затем постепенно потускнела.

Погода в это время была теплая, ясная. Солнце находилось в юго-западном направлении, дул южный ветер. Пал зернистый сухой снег.

Мы знаем, что радуга бывает летом, а вот о зимней никогда ничего не слышали. Расскажите, пожалуйста, на страницах журнала, чем вызвано такое явление.

А. П. Зорихин,
конструктор.

Отвечает метеоролог Леонид Александрович ФЕДОРОВ.

Как образуется радуга? Во время дождя солнечные лучи

встречают на своем пути капли воды. Проходя сквозь каплю, лучи преломляются. При этом белый цвет разлагается в спектр, что создает в радуге расположенные всегда в одном порядке полосы, от красной до фиолетовой. Яркость радуги при этом зависит от количества дождевых капель в воздухе и от их размера.

При более крупных каплях ярче выделяются зеленые и фиолетовые полосы, хорошо видна также красная. При более мелких ярким становится желтый цвет.

Иногда можно наблюдать две, три, четыре радуги, расположенные одна над другой. Бывает, что над водоемами вместе с обычной радугой видна перевернутая. Происходит это, когда в капли дождя попадают не прямые солнечные лучи, а отраженные водой.

И еще одна главная деталь — радуга всегда появляется в противоположном от солнца направлении.

Зимой радуга бывает при очень теплом воздухе, когда на высоте 500 метров темпера-

тура его не ниже плюс пяти градусов. Такие условия на Урале чрезвычайно редки.

Явление, о котором пишет читатель Зорихин, называется ГАЛО. Наблюдалось оно не в противоположной стороне от солнца, а вокруг него. Дождя в этот день не было, а выпадали ледяные кристаллы — зернистый сухой снег. Когда солнечные лучи падают на такие плавающие кристаллики, возникает гало. При этом происходит не только преломление лучей, но и внутреннее отражение.

Гало бывает в виде кругов, дуг или частей дуг. В зависимости от высоты солнца над горизонтом, от формы кристаллов и высоты, на которой они находятся, возникают дополнительные круги или дуги. А в местах соприкосновения боковых дуг с главным кругом или дугой, образуются светлые пятна, так называемые «ложные солнца». Иногда они бывают очень яркими, и тогда создается впечатление, что на небе светится несколько солнц.

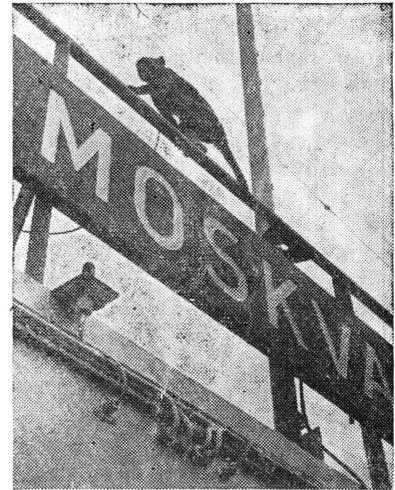
*Обезьянка ЯШКА
член экипажа
дальневосточного
ледокола «Москва»*

Сложна и сурова профессия тех, кто прокладывает путь кораблям через бесконечные льды Арктики. Днем и ночью, преодолевая яростные штормы, бороздит океан дальневосточный ледокол «Москва». И нет на нем человека, который бы прошел без улыбки мимо маленького существа, обезьянки Яшки.

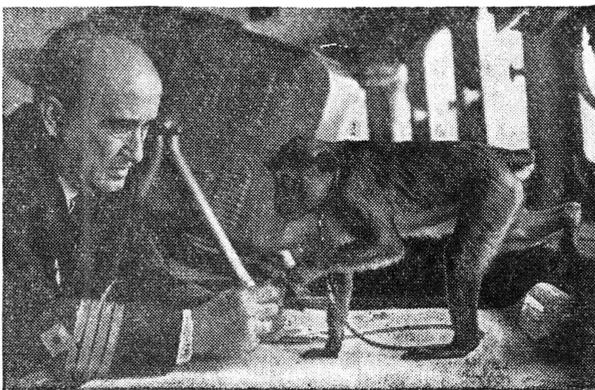
— Яшка — полноправный член нашего экипажа, — говорят о нем моряки.

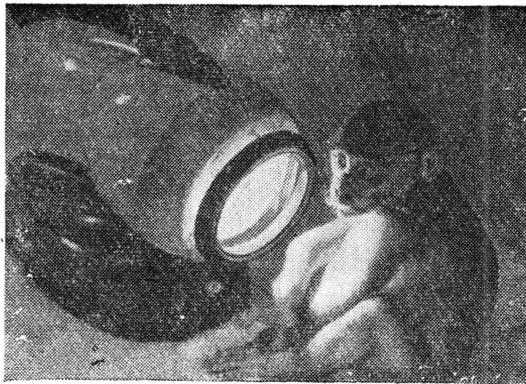
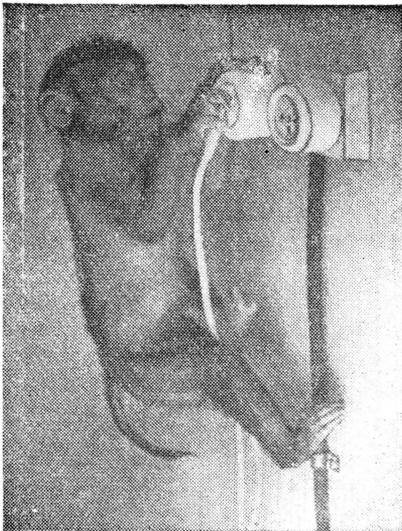
Обезьянка — желанный гость и в капитанской каюте, и в рубке метеорологов. Он первым ступает на палубу ледокола и первым сходит на берег после долгого плавания.

Утренний обход корабля — для него привычное дело.

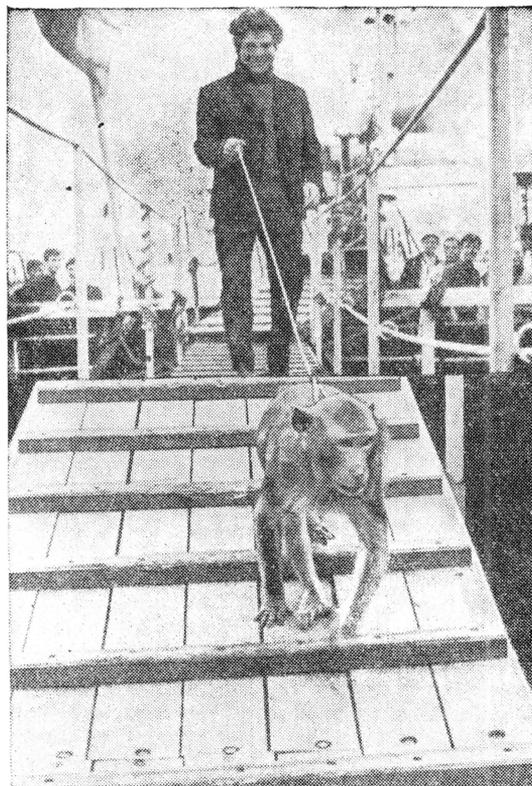
— Ну, как здоровье, друг! Что нового? — такими словами встречает Яшку старейший полярник, капитан ледокола «Москва» Леонид Федорович Ляшко.

Если научиться включать «искусственное солнце»... можно хорошо погреться.

Вокруг — море, но теплая ванна обезьянке более по душе.

Закончился долгий рейс, позади штормы и качки, и бывалый моряк Яшка для большей устойчивости на суше «швартуется» на четырех лапах.

Фоторепортаж
Юрия МУРАВИНА

СТРАННЫЕ ОЗЕРА

УРЖУМСКИЙ „ШАЙТАН“

Есть в Кировской области, в Уржумском районе, на границе с Марийской АССР, уникальное в своем роде озеро. О нем ходят легенды и рассказы.

Нелегко добраться до озера. Лесной дорогой от села Буйска через поселок Алексеевский до него всего 17 километров, но проехать можно разве что на лошади и то с трудом. Можно ехать и на автомашине, но в объезд по территории Марийской республики, а это составит 26—28 километров.

Озеро лежит в котловине среди густого хвойно-широколиственного леса. На высоком склоне ее — двухэтажный кордон Буйского лесничества. С его широких террас открывается великолепный вид на озеро. Южный, низменный берег озера представляет собой

зыбун, тоже поросший деревьями, главным образом ольхой. Почва под ногами колеблется, как будто вы взобрались на туго набитый тюфяк. Зыбун образован сплавиной из корневых болотных растений.

Вот в этом-то углу озера и творятся порой те чудеса, которые были для многих загадкой и послужили причиной своеобразного названия его. Время от времени, всегда неожиданно, озеро у этого берега с сильным шумом как бы вскипало, бурлило и пенилось, а затем выбрасывало столб воды высотой с полметра-метр, иногда выше. Рассказывают, были случаи, когда выброс достигал высоты до 20 метров.

Вообразите, какое сильное впечатление на суевенных людей могли произвести такие выбросы ночью в глухом лесу. Говорят, что лесопромышленник Бушков, прежний владе-

лец Буйской лесной дачи, по-своему использовал суевенный страх марийского населения. За самовольную порубку в его лесу он приказывал виновных купать в озере. Эта острастка действовала, очевидно, надежнее штрафа и тяжбы в суде.

При выбросах водой отрывало куски сплавины у южного берега и они начинали путь по озеру, как плавучие острова. Теперь их на озере больше двадцати. Они разных размеров, постоянно растут, принимая округленную форму. На них поселились березки, кусты ив. Березки на некоторых островках достигают пятишестиметровой высоты и даже больше, а стволы тонкие, четыре-пять сантиметров в диаметре, хотя этим деревьям не менее полусотни лет.

Толщина островков всего 70—80 сантиметров, но она

СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕННОМУ

Читателям давно знакомы книги свердловского прозаика Николая Никонова — теплые, светлые, радостные повести и рассказы о неброской, но столь своеобразной красоте уральской природы, о зверье, населяющем наши леса, о певчих птицах. И порой, наслаждаясь точностью деталей и щедростью красок, какими описывал автор былинку на лугу, таежную тропу или пичугу на дереве, невольно думалось: а жаль, что человек в

этих книгах проходит где-то стороной, что природа живет в них как бы сама по себе.

И вот передо мной новая книга Николая Никонова под скромным названием «Три повести», выпущенная в начале 1970 года Средне-Уральским издательством. О чем же теперь поведал нам писатель, какие новые горизонты открыл он перед читателем? Первая повесть «Кассиопея» — это история одной яркой, но несложившейся любви. Вторая — «Когда начинаешь вспоминать» — воспоминания студентки о своем нелегком военном детстве в уральском колхозе. Наконец, третья — «Воротник» — грустный рассказ о короткой жизни лисенка Рыжего.

Казалось бы, что могло привести под одну обложку столь различные по содержанию произведения, не случайность ли это? Нет, во всех трех повестях мы найдем то общее, что позволило им встретиться в одной книге, что дает возможность

КНИЖ
НАЯ
ПОЛ-
КА

вполне выдерживает тяжесть человека, а те, что побольше, держат и по три-четыре человека.

В тихую погоду или при северном ветре островки обычно собираются у южного берега и плотно смыкаются между собой, но стоит подуть ветру с юга, как они один за другим пускаются в плавание. Березки играют роль парусов.

Озеро Шайтан провальнокарстового происхождения. Подземная пустота под ним должна быть очень большой — поверхность озера около 2 га, а глубина 24 метра. По всей видимости, наполнение озера водой происходит из этой пустоты по трещинам. После снеготаяния и ливней приток воды через узкие подземные каналы резко возрастает, давление увеличивается, вода с шумом изливается в озеро, струя пронизывает всю толщу воды и с силой выбрасывается на поверхность.

По сравнению с прежними временами озеро постепенно

сокращается в размерах. Оно еще недостаточно изучено и редко посещается туристами.

В. САДЫРИН

ТАЕЖНАЯ ДИКОВИНА

Озеро Дикое — на северо-востоке Свердловской области, в Таборинском районе, в двух километрах от деревни Емельяшевка. Оно сравнительно небольшое — четыре-пять километров в поперечнике, глубина — до двенадцати метров. Вода в озере кристально-чистая, но в ней отмечено значительное содержание йода. Богато оно и рыбой. У озера есть несколько особенностей, отличающих его от других озер.

Во-первых, оно — очень правильной круглой формы. Берега высокие, похожи на дамбы — это создает впечатление, будто они выдавлены из-под земли.

Другая особенность — в озеро не впадает и из него не вытекает ни одна речка, ни

одни ручеек, а, между тем, уровень воды в нем всегда одинаков, и летом, и зимой. Значит, оно питается придонными родниками.

Еще одна странность: в северо-западной части озера, далеко от берега, по словам местных рыбаков, со дна выступает скала, высотой полтора-два метра. А надо сказать, что на расстоянии ста-полсот километров вокруг нет нигде скал.

И, наконец, самая странная особенность озера та, что дала ему имя. Летом в иные дни, когда вокруг вроде бы небольшой ветер, на самом озере идет такая волна, будто в шторм. Горе тому, кто в этот час окажется далеко от берега...

А. ШАДРИН

говорить о них не порознь, а вместе. Это общее — мир добрых чувств, в который радушно вводит нас писатель, что, кстати, характерно для всего творчества Николая Никонова. Это общее — стремление дорогих сердцу литераторов к совершенному, постижение прекрасного через общение с природой.

И что самое главное, это общее — высокая человечность, которую утверждает новой книгой писатель, пристальное внимание и чуткое исследование духовного мира, нравственных качеств своих героев. Именно здесь, как мне кажется, заметился отрядный поворот Николая Никонова от живописания одной лишь природы к серьезному, вдумчивому разговору о взаимовлиянии человека и природы, об облагораживающем воздействии природы на личность. Не лишне заметить, что это подтверждает и еще одна из работ писателя последнего времени — его отличная повесть «На Балчуге», с которой читатели «Уральского следопыта» могли познакомиться весной прошлого года. Ведь это ее герой — лесник Леонид, чистойшей души человек, как-то заметил:

«Сюда повернешься — хорошо, сюда — еще краше, лучше. Сколько всего на земле, подумаешь, великого, красивого: и леса, и деревни, и девочки, и океаны... Подумаешь, зачем я родился на короткую жизнь? Жизнь-то у нас слишком ма-

лая. Глупо... Да и ту как губим бесовственно — прокуриваем, пропиваем, убиваем себя... Не в том дело, конечно, чтобы дольше прожить, а в том, что завязаны у нас глаза на красоту: глядеть глядим — видеть не видим».

Как раз желанием помочь читателю научиться понимать и ценить красоту, уметь отличать ее от подделки, беречь ее и близки, дороги мне «Три повести» Николая Никонова. Возьмите хотя бы в том же «Воротнике» небольшую главку «Бородатый» и всмотритесь, с каким богатым психологическим подтекстом она написана. Всего на трех с половиной страницах автору удалось нарисовать выразительный портрет эмоционально глухого человека:

«Может быть, Бородатый и не был злым, судя по людским отношениям. Просто с рождения, с детства не оказалось у него одного необходимого человеку свойства — любви и доброты ко всему живому. Это качество не дал ему отец, не родила и школа, три класса которой с грехом пополам закончил он за пять лет... Ни одна мысль о совершенном не омрачала голову Бородатого». И дальше следует сочная картина, из которой явствует, каким же духовно опустошенным потребителем ходит по земле этот человек, озабоченный только тем, как бы поплотнее набить пузо и кошелек.

Прямой противоположностью Бородатому встает со страниц книги главный герой «Кассиопей» Снегирев. Вот уж кого все время тревожит неутоленная жажда совершенного — в жизни, в любви, в природе. Парень впечатлительный, легко ранимый, с тонкой душевной организацией, он встретил на катке красивую девушку и полюбил на беду свою до боли, до ступения. Заметьте, какие слова находит писатель, чтобы передать состояние Снегирева:

«Если были на свете Афродиты, Елены, Василисы и Несмеяны — это была одна из них. Никогда и нигде не видел Снегирев такого розово-раморного, соболевого лица с темно-серыми бездонными глазами. Она была неотразима, прекрасна — он понял это с каким-то холодом, глубинным страхом, понял, что пропал, погиб окончательно, что даже не может отвести глаз от этого лица, притягивающего мучительной колдовской силой».

А девушка-то, далекая и холодная, как Кассиопея, оказалась на деле самовлюбленной мещаночкой, испорченной всеобщим поклонением и умеренной родительской любовью. Между прочим, неизбежность именно такого сюжетного поворота угадывается заранее. Но как-то прощаешь это автору, морщишься, но прощаешь. Прощаешь и то, что большинство персонажей повести — та же девушка с катка, однокашники Снегирева по студенческому общежитию, исключая разве что Питателева, — не более чем символы. Девушка — символ подделки под красоту, Саша Бобров — ограниченного зубрилки, Женя Шашкин — символ этакого современного сердцееда. Видимо, писатель посчитал, что как раз символы позволят ему лучше оттенить богатство внутреннего мира главного героя, лучше показать всю радость и трагедию его безответной любви.

Примечательно, что именно общение с природой приносит Снегиреву, ставшему после окончания института лесничим, душевное успокоение, лечит его глубокую сердечную травму. Такое же общение помогает и юной Татьяне — героине повести «Когда начинаешь вспоминать» — легче преодолевать свои большие и маленькие девичьи печали и горести.

Эта повесть представляется мне принципиальной удачей Николая Никонова. Он нашел здесь свой поворот не новой вроде бы темы и сумел многоцветно, достоверно, с большим количеством мельчайших деталей быта поведать нам о жизни колхозной деревни в горькие годы войны. Писатель совершил настоящий следопытский поиск в далекое уже теперь прошлое, увенчавшийся почетными находками. Вспомните переворачи-

вающую душу картину отправки на фронт артельных лошадей. А звонкие, пронизанные солнечным светом и словно наполненные ароматом свежескошенных трав картины сенокоса — этого поистине праздника коллективного труда. А суровые, аскетически строгие страницы, повествующие о сборе средств для уральского танкового корпуса. Один за другим подходят к столу колхозники. И тут:

«—Что же, девки, мы-то как же? — беспокояно и беспомощно сказала мать и заглядывалась на отца, на соседок и на меня. — Полушубок, пимы осенень отдали... Что же, девки...»

Она умолкла, словно задумалась с полуоткрытым ртом, и я увидела, как лицо матери хорошеет, точно наливается изнутри каким-то неярким светом. Мать сдернула с головы шаль, торопливо нащупала неловкими пальцами, стала отстегивать сперва одну, потом вторую серьгу, — вот сняла, зажала в кулак, двумя свободными пальцами потянула с правой руки кольцо. Кольцо у матери было широкое, старинное, какого-то «червонного» золота. Мать никогда не снимала кольца, и мне казалось, что снять его невозможно — так въелось, врезалось оно в основание безымянного пальца. К удивлению моему — кольцо снялось, и мать торопливо пошла к столу, где толпились спины сдающих».

Из таких вот пронзительных по настроению эпизодов и вырастает на страницах повести широкая, впечатляющая картина народного подвига. Недосыпая, недоедая, жертвуя всем, чем только можно, работая за двоих, за троих, ковали наши люди и в тылу победу над лютым врагом.

Вот на этом-то фоне исподволь, незаметно раскрывает перед нами Николай Никонов характеры своих героев — думающей, ищущей, тонко понимающей прекрасное, удивительно чистой девушки Тани, ее мудрого, по-крестьянски неторопливо, но прочно шагающего по земле отца, негромкой, работающей матери, беззаветной колхозной бригадирши Ворониной, последнего деревенского одиночника Александра Петровича, почтальонши Капы... Какие это все разные и какие самобытные, интересные люди!

Повесть «Когда начинаешь вспоминать» написана как бы на одном дыхании, прозрачно, трепетно, светло. Именно она сцементировала все три повести, придала книге отчетливое социальное звучание и вместе со своими соседками по сборнику порадовала нас заметным ростом мастерства писателя.

Г. КРАСНОВ

Природа и фантазия

Летом, когда обильно цветут лесные, полевые и садовые травы и растения, самая пора позаботиться, чтобы зимой вашу квартиру украсил нарядный букет или декоративное панно. Хорошо подобранный гербарий пригодится и на уроках в школе.

Для всех этих поделок нужны засушенные растения. Их готовят к длительному хранению разными способами. Самый простой — гербарный. Гербарную папку-пресс можно сделать из двух фанерных крышек, размером 45×32. В них просверливают отверстия (диаметром 5—8 миллиметров) на расстоянии 10—15 миллиметров друг от друга для циркуляции воздуха.

Растения надо собирать в сухую погоду. В это время в них содержится меньше влаги, и они лучше сохраняют цвет. Неплохо перед сушкой на 1—2 минуты опустить их в денатурированный спирт. Растения укладывают, отделяя их газетной или промокательной бумагой. В одной папке лучше всего делать 5—6 слоев. После этого папку завязывают и кладут под груз. Бумагу в папке нужно менять каждый день, пока растения не высохнут.

Цветы с выпуклыми серединками — ромашку, анемон, гайлардию — засушивают иначе. На газету кладут тонкий слой ваты. Сквозь нее продевают стебли цветов так, чтобы они легли на вату венчиком вверх. Сверху венчик покрывают ватным колечком, оставляя открытой серединку цветка. Потом кладется газета, папку плотно завязывают и

ставят в тепло. Можно подвесить ее и на сквозняке под навесом.

Из растений, засушенных гербарным способом, можно изготовить очень красивые декоративные панно. Для этого фанеру или толстый картон загибают бумагой серого, зеленоватого или светло-коричневого цвета, или кусками материи. Потом раскладывают растения, располагая их букетом или в виде орнамента. На панно можно поместить хорошо расправленных бабочек: перламутровку или крапивницу. Приклеить растения нужно фотоклеем, БФ или столярным, смазывая только центральную часть растения. Таким же способом изготавливают тематические гербарии для школы: «Лекарственные растения», «Полевые цветы». «Цветы уральского леса».

Очень украсит вашу комнату букет из объемно-засушенных цветов. Самый распространенный способ — засушивание в песке, лучше всего в мелком, речном. Его нужно просеять и прокалить, иначе на засушенном растении появятся темные пятна. Сухой песок насыпают в картонную коробку слоем в 10 сантиметров, укладывают в него цветы соцветиями вниз, потом осторожно засыпают песок доверху. Хранят коробку в прохладном помещении 10—15 дней. После этого в дне проделывают отверстие, через которое песок высыплется, а растения не трогая, пока они не понадобятся для букета.

Листья и злаки засушивают естественным способом, оставляя в вазе без воды. Интерес-

но выглядят крупные листья, прокипяченные в растворе соды (одна чайная ложка соды на два литра воды). С них зубной щеткой счищают верхний слой и оставляют кружевной скелет жилок. Прополаскивают его холодной водой и подсушивают в гербарной папке.

Бархатисто-коричневые головки рогаза очень красивы в зимнем букете. Чтобы они при высыхании не распушились, их надо обмакнуть в слабый раствор столярного клея. Этим же способом можно предохранить от осыпания ветки хвойных деревьев. Грозди рябины, калины, шиповник подвешивают вверх стеблем где-нибудь под навесом.

Собирая зимний букет, следует помнить, что большое количество растений сделают вашу композицию громоздкой и безвкусной.

Чтобы лучше укрепить цветы, на дно вазы насыпают слой сухого песка. Если ваза плоская, в нее кладут мох, а уж в него вставляют стебли растений.

Несколько ромашек, стебельки овса, алая гроздь и оранжевые листья рябины чудесно смотрятся в кашпо, свернутом из куска бересты. Красиво выглядит растение, укрепленное на трутовых грибах и причудливых корнях деревьев. Обломки источенного муравьями старого пня — природная подставка для одной-двух веток осины и головки рогаза.

Объедините в своих композициях природу и фантазию, и вы добьетесь замечательной красоты.

К. ЮРЬЕВА,
педагог

Смотрите 3 стр. обложки.

В нашем журнале

ЧИТАЙТЕ

Документальный

рассказ П. Бабоченка

«ЦЕЛЬ — «АДМИРАЛ ТИРПИЦ»

В одном из номеров

1971 года

Внезапно в толчею привычных шумов вплелся слабенький, похожий на жужжание попавшей в паутину мухи звук. Через мгновение он исчез, затем возник снова, более крепкий, сильный. Сметанин поправил наушники. Подкрутил ручку настройки. Только бы не упустить, не потерять этот звук...

— Справа по борту, двадцать градусов, нарастающие шумы! — крикнул он вахтенному офицеру.

Через открытую дверь рубки Сметанин увидел, как пробежал по коридору вестовой, и почти тотчас быстрым шагом прошел в боевую рубку Лунин, командир подводной лодки.

По отсекам прозвучал сигнал боевой тревоги.

В 17 часов 12 минут в перископ были замечены два идущие уступом эсминца — головное охранение немецкой эскадры. Через 6 минут на горизонте показались мачты большого линейного корабля...»

Летом 1942 года в водах Баренцева моря советская подводная лодка К-21 вступила в единоборство с целой эскадрой военных кораблей и торпедировала новейший фашистский линкор «Адмирал Тирпиц». Гидроакустик Александр Сметанин, первым услышавший шум приближающейся эскадры, живет ныне на станции Егоршино Свердловской области.

Что вы знаете о «Соликамской кампании»!
Умышленно или случайно старые мастера сделали эту колокольню наклонной? Где находятся знаменитые подземные ходы воеводского дома, о которых писали еще в середине прошлого века историк Слупский и писатель-этнограф П. И. Мельников-Печерский!

Много загадок таит старейший уральский город Соликамск, его многочисленные памятники истории и культуры. С скрупулезной тщательностью реставраторы изучают их историю, восстанавливают первоначальный вид, бьются над еще не разгаданными тайнами.

ЧИТАЙТЕ

об исторических памятниках

Соликамска

и их реставраторах.

Рассказывает архитектор

Г. КАНТОРОВИЧ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

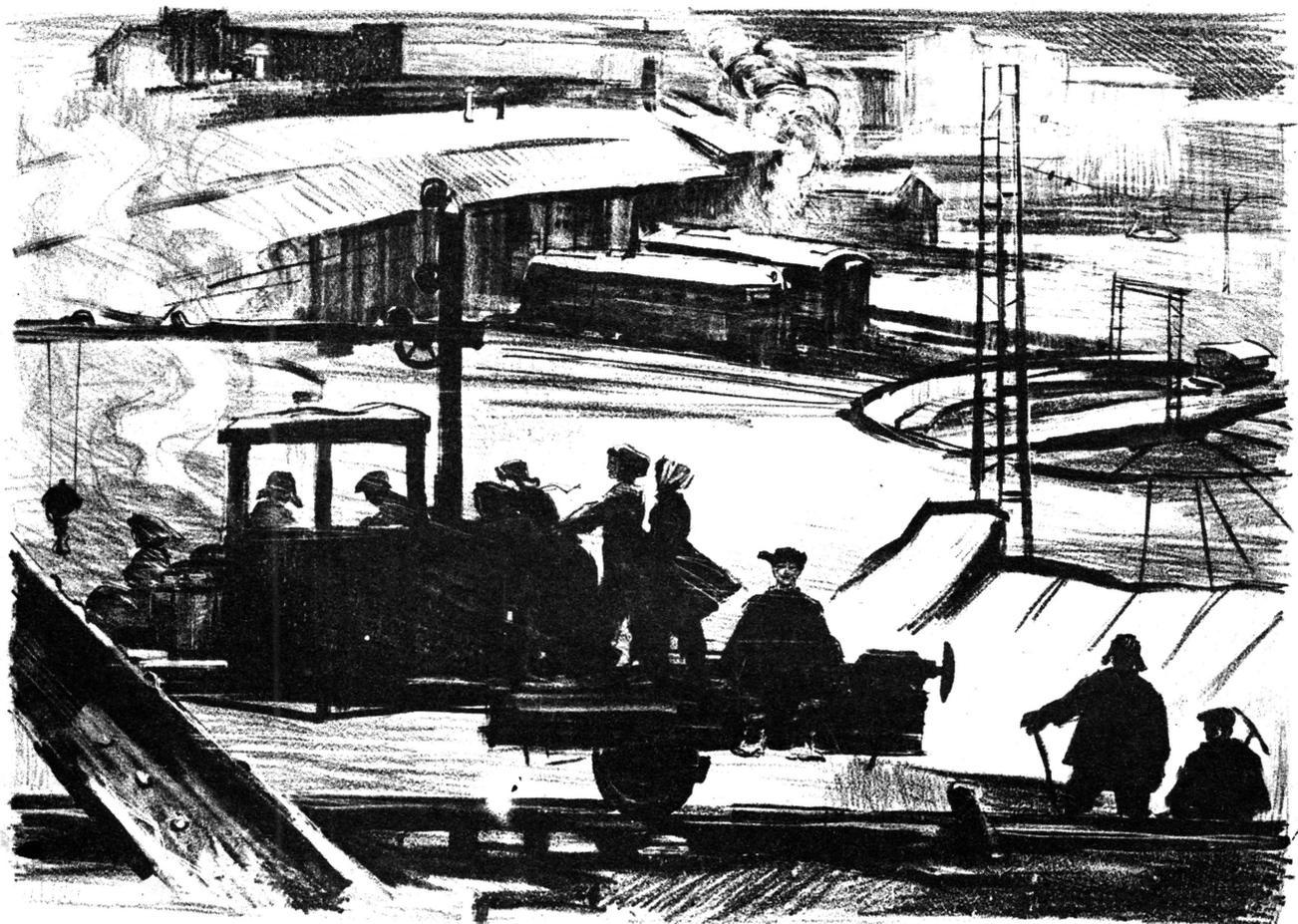
Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 16283. Подписано к печати 15/VII 1970 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62. бум. л. — 8,82. печ. л.
Уч.-изд. л. 8,75. Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 323.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и
вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

*Природа
и фантазия
См. стр. 79.*

В. СТАРОВ.

НА РАБОТУ

30 КОП

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ